

Чалова Елена

Роза Тронхайма

Глава 1

Чем пахнет утро большого города? Вот чем пахнет утро в Париже, например? Бензинном, конечно. Но если утро ранее, на улице май, и вчера прошел дождь, то до прохожего, спешащего по пустынным улицам, долетят запахи травы, влажной земли и еще чего-то бодрящего... запах кофе из ближайшей кофейни... мочи из подворотни... бр-р. Да что же это такое? Вот так взять и все испортить... Мири поежилась. Вернулась чуть назад и нырнула в ту самую кофейню, вернее, небольшой ресторанчик. Хозяин - толстяк с большим носом и седеющими кудрями - пил кофе и читал газету. Мири заказала эспрессо с круассаном и присела за столик, чтобы не пришлось поддерживать разговор у стойки. Она не сомневалась, что найдет к чему прицепиться и либо поругается с хозяином, либо просто испортит себе настроение. Последнее время она сама не своя: раздражение буквально выплескивается на каждом шагу и на всех подряд. Вчера поцапалась с мужем и сегодня убежала из дома ни свет, ни заря, хотя здравый смысл и голос рассудка хором намекали, что Мириам не права и надо бы завтрак приготовить, посидеть рядом, глядя на мужа ласково, а лучше просто извиниться за вчерашнее. Так нет, она улизнула из дома в начале седьмого и почти час бродила по пустым улицам, пытаясь привести в норму нервы и настроение. А потом отправилась на блошинный рынок.

Хозяин загремел чем-то, Мири подняла голову и увидела, как он вынимает из духовки целый противень горячих круассанов. По кафе поплыл восхитительный запах. Еще минута и перед ней появилась чашка с горячим кофе и блюдечко с круассаном.

- Мадмуазель пришлось немного подождать, зато все свежее и с пылу с жару. – Толстяк улыбнулся, обнажив крепкие желтоватые зубы.

- Спасибо, - Мири с некоторой осторожностью взялась за выпечку. Тесто таяло во рту.

- Дать вам сегодняшнюю газету?

- Нет, спасибо. Отсутствие новостей – самые лучшие новости.

Толстяк несколько секунд сопел, осмысливая услышанное, потом усмехнулся, кивнул и вернулся к бару. На посетительнице было крупными буквами написано "отвали", приподнятые плечи делали ее похожей на

нахохлившегося воробья, и мсье Арно не нужно было ничего объяснять. Поцапалась с мужиком, поставил он диагноз и опять занялся своими делами, лишь изредка поглядывая на клиентку. Одета дорого, но кто их разберет, такая тоже может удрать, не заплатив.

Однако девица, согревшись и расправившись с круассаном, расправила плечи, перестала поджимать губы и стала прямо-таки хорошенькой. Расплачиваясь, она даже улыбнулась и похвалила его кофе.

Мсье Арно ухмыльнулся, вытер руки о фартук и заявил, что если она рискнет попробовать его петуха в вине и пирог с овечьим сыром, то и вечер ее не пройдет зря. Теперь она уже рассмеялась в голос, решительно похорощев и сказала, что подумает. Выходя, глянула на вывеску. Ресторанчик называется незатейливо: "У папаши Арно".

Может и правда привести Эмиля сюда поужинать? Впрочем, вряд ли мужу тут понравится: Сен-Уан, район, где расположен рынок, нельзя назвать ни особо чистым, ни престижным. Тут ощутимо пованивает из подворотен, можно встретить подозрительных типов, и если бы Эмиль узнал, что она поехала в эту даль на метро, его, наверное, удар бы хватил. С другой стороны, если петух в вине окажется так хорош, как обещал папаша Арно... Эмиль большой гурман и ради хорошей еды готов на многое. Если подойти к делу с толком, то для мужа можно будет пропиарить этот поход как экскурсию в "чрево Парижа". Она уже не раз вытаскивала его в разные уголки не только столицы, но и весьма обширной и разнообразной Франции. Эмиль сперва пытался всячески избегать таких походов. "Непонятно куда и непонятно зачем", говорил он, пожимая плечами. Но Мири, непоседа по натуре, никак не могла согласиться с тем, что незачем искать что-то новое, если в ресторане на площади Вандом отлично готовят. А в местечке Мюрзье, говорят, появился повар-самородок, он удивительным образом сочетает французскую кухню с элементами арабской. Надо непременно попробовать! Ну и что, что почти 200 км? Не хочешь на машине – давай поездом. По дороге можно будет выйти в Леконе... прелестный городок, с неплохо сохранившейся часовней 15 века... Потом Эмиль привык и стал даже находить своеобразное удовольствие в таких поездках. Мири подозревала, что благодаря этим вынужденным дегустациям и экскурсиям муж снискал славу легкого на подъем и эрудированного человека среди коллег по работе в юридической компании и клиентов.

Она, не торопясь, брела по Рю де Розьер. Да, это не самая привлекательная часть города. В мае Париж сказочно красив: парки и весь центр буквально утопают в цветах и яркой зелени. Здесь же преобладает серость домов и асфальта. Но с другой стороны - какая пестрота кругом!

Целый квартал рынков. Торжище у метро больше всего похоже на приснопамятный Черкизон: ларьки и лотки с кроссовками, спортивными костюмами типа "аидас" или "пума", яркий китайский ширпотреб и всякая всячина. Но чуть дальше начинается более серьезная торговля; продажа старых вещей и антиквариата. Здесь можно найти кое-что интересное. Цены, конечно, выше чем в провинции. Собственно, несмотря на название, это не совсем рынок, а скорее квартал антикварных магазинов. То есть у большинства продавцов постоянные места и, зачастую, выраженный интерес к каким-то конкретным предметам. Мири захаживает сюда частенько. Больше, само собой, смотрит, но иной раз что-нибудь покупает: в подарок или себе. На будущее. А что такого?

Сейчас они с Эмилем живут вдвоем в городской квартире. Ему 33, ей 28. Квартира в центре Парижа, на чудесной улице, где растут липы. Недалеко и метро, и офис Эмиля. Идеальное жилье для бездетной пары. Но когда-нибудь, когда-нибудь у них будет дом. И сад. Там хватит места для детей, и для зверей, и для всяких замечательных вещей. Вот такой лампы, например. Или во-он для того комодика... прелесть какая! А вот целый стол, заваленный всякой разномастной мелочью: винтажные броши, вазочки, пряжки, статуэтки, подставки для трубок... она, словно ребенок в зачарованном лесу, бродила меж прилавков и магазинчиков. Иной раз перекидывалась несколькими словами с торговцами или такими же, как она сама, искателями сокровищ. Получала удовольствие, наблюдая за кипением страстей. Вот пара русских туристов, которые азартно торгуются, используя весь скудный словарный запас: слов 10 на французском и 20 на английском.

Мири задержалась неподалеку от парочки, прислушиваясь.

- Ну, может, купим? – вполголоса спрашивает жена (подтянутая, с умело вколотым ботоксом блондинка лет 45).

- Дороговато все же, - бормочет супруг (пивной животик и лысинка. Ему спортом заниматься некогда, он работает). - Не забывай, нам их еще везти через границу. Как бы перевеса не было.

- Зато таких ни у кого больше не окажется! Только представь, как шикарно они будут смотреться в новом доме! А уж когда я расскажу, что привезла лампы из самого Парижа... Нинка умрет от зависти!

Муж, переведя дыхание, вступает в новый раунд переговоров по поводу двух бронзовых ламп прошлого века в стиле ар-нуво. Жена терпеливо ждет, время от времени подавая советы: - Скажи, что мы не от хорошей жизни по блошкам мебель покупаем... И что у нас кризис.

Мири едва сдерживается, чтобы не захихикать. Кризис, да! Следуя советам знатоков, пара оделась для похода на блошку победнее: жена в

спортивном костюмчике, муж в немаркой курточке. Кольца мадам сняла, а вот про бриллиантовые серьги в ушах не вспомнила. Продавец, не будь дураком, стоял насмерть. Поединок принимал затяжной характер. Потом, однако, француз решил ударить по очевидно слабому месту противника.

- Если мадам и мсье так любят ар-нуво, могу предложить дополнительно вот эту вещичку. Отдам за гроши, практически бонус...

Жестом фокусника он водрузил на стол зеркало. Небольшое, в овальной раме тусклого металла, похожего на старую бронзу. Рама легкой волной обнимала гладь стекла. Подставка выполнена в виде то ли рыбьих, то ли русалочьих хвостов.

При виде такой роскоши мадам оживилась, муж покорно вздохнул и через пять минут антиквар уже свистнул помощника и тот принялся упаковывать лампы и зеркало.

Мири пошла дальше. У нее возникли большие сомнения в аутентичности зеркала... подделка, и хорошо, если Чехия или Румыния, а не Китай... но, с другой стороны, люди довольны, покупают не для перепродажи, для души. А вещь красивая... Скорее всего копия, сделанная с фотографии. А оригинал стоит где-нибудь в замке, дворце или в музее, и мутноватая поверхность зеркального стекла отражает не личико принцессы, а череду посетителей...

Где-то посреди приятных блужданий меж антикварными, винтажными и совершенно новодельными комодиками ее застал телефонный звонок. Мириам глянула на экран, увидела имя "Олег Иванович" и нахмурилась. С этим русским бизнесменом ее связывают давние и непростые отношения. Он - владелец крупной компании по обработке драгоценных камней, а Мириам – эксперт геммолог. Так что они давно и плодотворно сотрудничают. Что не мешает Олегу Ивановичу называть ее "пигалицей", демонстративно перепроверять ее заключения и вообще всячески портить кровь. Через пару месяцев ей предстоит лететь в Россию, выполнять для него очередную работу. Но это все рутина. И по обыкновленным деловым вопросам сам Олег Иванович не стал бы звонить. Он вообще лично звонил Мириам лишь однажды, когда был чем-то недоволен и орал как потерпевший.

Полная дурных предчувствий, она тем не менее ответила на звонок.

- Доброе утречко, душа моя, - ей кажется или ласковые интонации даются Олегу Ивановичу непросто?

- Доброе утро.

- Что- то ты рано сегодня?

- Э-э, была в предчувствии, что вы позвоните.

В трубке хрюкнуло.

- Ну-ну. У меня к тебе комиссия.

- Я помню....

- Нет, тут другое. Срочненько надо камушек один найти. Ты же у нас эксперт по поиску всякого добра.

- Я эксперт по оценке камней.

- Не скромничай.

- Не буду. А что вы хотите найти?

- Серый алмаз, слышала?

- Что-то слышала... он еще известен как Роза Тронхайма. Украли недавно...

- По меркам мироздания недавно. Два года назад его украли. Мне нужно его найти.

- Простите, я не занимаюсь поиском утерянных вещей.

- Ты мне не хами!

- А вы мне не тыкайте!

- Это почему?

- Потому что мне не нравится!

- Переживешь! И не забудь - через два месяца тебе приезжать в Россию и выполнять работу! А то ведь могу и заказ другому эксперту отдать!

- Правда? – вот уж, напугал.- Я буду вам очень благодарна, если вы отдадите заказ другому специалисту! Будем считать это расторжением контракта!

Мириам повесила трубку, и не без злорадства посмотрела на телефон. Что-то подсказывало ей, что грузный и сердитый мужчина там, в России, ругается последними словами. Так тебе и надо! Ишь, командовать вздумал! Розу Тронхайма ему найди! Ее сперли давно, камень нигде не всплыл. Лежит, небось, где-нибудь в частной коллекции и пролежит так, пока опять не украдут или не начнут продавать. Телефон задергался. Олег Иванович, видимо, не считал разговор оконченным.

- Фиг тебе, - невоспитанно пробормотала Мириам сбросила звонок и устремилась дальше по Рю-де-Розьер.

В этот день она так ничего и не купила. Зато вернулась домой в хорошем настроении, помирилась с мужем и вечером потащила Эмиля ужинать к папаше Арно. О чем не преминула пожалеть. Пирог с овечьим сыром как-то не пошел, и Мири очень быстро оказалась в туалете.

Ее выворачивало довольно долго. Когда она, бледная и в испарине, открыла дверь кабинки, на пороге дамской комнаты стояла полная девушка –

официантка. По несомненному внешнему сходству было легко догадаться, что она дочь папаши Арно.

- Привет, - сказала девица. – Пей, – и протянула высокий бокал.

Мири глянула с сомнением.

- Вода с лимоном и чуть-чуть мяты, - пояснила девица.- Увидишь, поможет. Пойдем во двор, тебе надо подышать.

Она подхватила Мириам под руку и, прижимая ее к своему горячему и мягкому боку, потащила по коридору меж каких-то ящиков и коробок. Толкнула ногой дверь черного хода. Женщины оказались во дворике, огороженном стенами домов и высокими кустами. В одном углу, ближе к улице, помещались мусорные баки. В другом углу стоял облезлый металлический стол и пара плетеных пластиковых кресел. Официантка усадила Мири, поставила перед ней бокал и велела:

- Пей потихоньку и отдыхай.

- Похоже, я что-то подцепила, - виновато улыбнулась Мири. - Ходила с утра на блошку... там такая толпа самых разных людей. Энтеровирус, наверное.

Молодая женщина хмыкнула. Мири чувствовала, что рассматривает ее девица пристально и было это не очень приятно. Но, с другой стороны, ее можно понять: посетитель, которому стало плохо от стряпни хозяина, наносит ущерб репутации заведения. Неудивительно, что они так с ней носятся. Подтверждая ее мысли, на пороге показался папаша Арно.

- Как она? - поинтересовался он.

- Лучше, - отозвалась официантка.

- Тогда иди в зал.

- Сейчас. Попроси Шарля меня подменить на десять минут.

Толстяк недовольно сморщил нос, но дочка зыркнула на него и он быстро скрылся за дверью.

- Ты пей-пей... меня, кстати, Марисоль зовут.

- А меня Мириам. Отец будет тебя ругать, что из-за меня от работы отлыниваешь.

- Ха! Ну, поворчит. Это ничего. Папаша Арно добряк, а уж после того как я ему внучку родила, так и вообще могла бы не работать. Но у меня ловчее получается, чем у Шарля. – Марисоль достала из кармана передника сигареты и зажигалку, прикурила и села на второй стул, старательно выдыхая дым в сторону от Мири. – Когда была беременная, меня тоже от всего тошнило, ужас просто был! Особенно от запаха еды. А чем еще может пахнуть в ресторане? Так отец отправил меня к тетке в Нормандию. Я там полдня просиживала на берегу моря. Представь – ела мидии сырыми! Вот

просто набирала ракушки, мыла под краном и ела моллюсков. Тетка у меня молодец: раз организм требует, говорит, ешь, худо не будет. А после четвертого месяца все прошло. Вернулась сюда и работала, как ни в чем не бывало, до самых родов. Представляешь, принимаю заказ у милых таких старичков и вдруг чувствую, у меня воды отходят! Видела бы ты глаза того дедульки!

Мири послушно засмеялась.

- У тебя какой срок? – спросила Марисоль.

- А? Нет, я же говорю, это вирус или что... я не беременна.

Девушка окинула ее внимательным взглядом выпуклых темных глаз, повернулась к дому и крикнула:

- Роби! Роби, иди сюда!

Буквально через две минуты из окна первого этажа высунулась щекастая мордочка мальчишки лет 10.

- Чего тебе?

- Беги в аптеку к Ози и попроси у нее самый лучший тест на беременность. Я деньги потом отдам.

- Ты беременная?

- Нет, дурачок, это не мне.

- Ага, - взгляд блестящих глазок метнулся к Мириам, которая сидела с открытым ртом и вытаращенными глазами. – Ладно, сейчас.

Роби пропал из виду, а Мири отмерла.

- Вы зря беспокоитесь, - сказала она испуганно, - Я не беременна.

- А вот сейчас и проверим. Спорю на бутылку лучшего вина папаши, что беременна?

- Нет-нет! Думаю, мне лучше вернуться к мужу.

Мири встала и пошла обратно в ресторан. Она медленно пробиралась полутемным коридорчиком, огибая коробки и ящики, когда в другом его конце показался Эмиль. Обеспокоенный долгим отсутствием жены, он отправился ее искать.

- Мири, ты куда пропала?

В ту же минуту из-за его спины вывернулся вертлявый мальчишка, подбежал к Мириам и протянул ей на ладони розовую коробочку:

- На!

На секунду она замерла. Что за бред! Надо поехать домой, самой купить тест в аптеке, убедиться, что все дело в банальной энтеро-вирусной инфекции...

Но розовая коробочка уже оказалась зажата в ее руке, Мири развернулась и быстро нырнула за дверь с силуэтом женской головки. Эмиль так и остался в коридоре с полуоткрытым ртом и выпученными глазами.

И вот она смотрит на белую палочку с окошечком, где синеют две – отчетливо две! – полоски. Не помня себя, Мири выпала в коридор и повисла на шее Эмиля, всхлипывая и бормоча:

- Представляешь, я думала, что простудилась, а там – полоски!

- Ты что? – он отстранил ее, пытаясь понять бессвязный лепет жены.
– Что с тобой?

- Я беременна, - выговорила она дрожащими губами.

- Правда? Это... это здорово! – Эмиль прижал ее к себе.

К этому моменту глаза Мириам попривыкли к тусклому свету в коридоре, а на стене висело зеркало... пыльное, в дурацкой пластиковой раме. И в этом зеркало отразилось лицо ее мужа. И Мири увидела на нем страх. Но в следующий момент он уже подхватил ее на руки, прижал к себе крепко, поцеловал в мокрые от слез щеки, потом осторожно поставил обратно на пол и повел за собой.

Когда они оказались в зале, многие посетители уставились на них с любопытством. Мири стало неловко, захотелось сбежать. Но Эмиль уверенно подошел к бару, протянул руку папаше Арно, тот ответил крепким рукопожатием. Мири видела, что на лице мужа сияет широкая улыбка. Повернувшись к залу, он провозгласил:

- Господа! Я только что узнал, что буду отцом! Папаша Арно, всем вина за мой счет!

Раздались приветственные крики и аплодисменты. Эмиль провел Мири к двери, обнимая за плечи и пожимая на ходу руки посетителей. За дверью он посадил ее на стульчик для курящих и велел:

- Вызывай такси. Я расплачусь, и поедем домой.

Глава 2

Хороши конюшни в Асгарде, городе скандинавских богов-ванов. Каких только коней здесь нет – гнедые, каурые, белые с шелковистыми гривами цвета тумана. Конюхи холят и лелеют своих питомцев, кормят отборным зерном, поят родниковой водой, расчесывают хвосты и гривы. Но все знают, что есть в конюшнях особый жеребец, который принадлежит самому богу Одину. Потому и внимание к нему особое. Хотя, по чести сказать, жеребец тот еще жеребенок и вида престранного: тощий, костлявый, грязно-серого цвета и о восьми ногах.

Локи, бог-обманщик, пришел в конюшни с утра пораньше и с удивлением увидел Одина, который не спеша водил щеткой по тощим бокам серого жеребенка. Того порой пошатывало от напора сильных рук, но будущий скакун лишь всхрапывал и упирался копытами в пол. Локи с удивлением наблюдал за этой сценой, а когда Один закончил чистить жеребенка и вышел из стойла, весело воскликнул:

- А ты, смотрю, все в трудах?

Один поднял голову и уставился на Локи тяжелым взглядом.

- Я не хотел помешать, - торопливо продолжил тот, и даже на всякий случай голову склонил, демонстрируя вежливость. – Хотел вот навестить своего малыша... Как он тебе?

Один и Локи одновременно развернулись к стойлу. Жеребец Слейпнир, почуяв внимание к своей персоне, переступил ногами, поднял морду и всхрапнул.

- Хороший конь, - медленно сказал Один. – Но должен еще подрасти.

- Думаешь, он недостаточно силен, чтобы нести тебя? – Локи нахмурился и окинул коня внимательным взглядом. Жеребец был сер как туман и пока невелик размером. Кроме того у него имелось восемь ног. Вспомнив, через что ему пришлось пройти, чтобы произвести на свет этого коня, Локи вздохнул. История, даже по меркам скандинавских богов, вышла странная. Когда боги построили Асгард, он показался им беззащитным, и они подрядили некоего строителя из рода великанов возвести стены. Тот запросил немыслимую цену: потребовал себе Фрею в жены, а в приданое – луну и солнце. Боги, посоветовавшись, решили согласиться, но указать в договоре такой срок, чтобы уж точно не справился подрядчик с работой. Да еще и помощников ему брать не разрешили, кроме одного коня. Однако строителя это не смутило, и он принялся за работу. И очень быстро боги поняли, что если дела будут идти таким темпом, то, пожалуй, придется им платить. Фрея устраивала истерики, объясняя всем желавшим и нежелающим слушать, что не пойдет она замуж за великана-етуна, тем более, что стены эти ей вообще ни за чем не сдались. Вот кому сдались – тот пускай и спит с этим лохматым ужасом.

Угадайте, кого выставили виноватым во всем? Точно – Локи. Мол, это он сказал, что ничем строитель один не справится, а теперь что делать? Локи уже понял, что ему несдобровать и надо как-то выкручиваться. Он отправился на стройку и недолго, но внимательно понаблюдал за великаном. И бросилась ему в глаза такая вещь – сам

строитель –етун, конечно, силен. Но глыбы-то таскает его конь! Так что без коня тот, пожалуй, не управится, сорвет сроки договора, а уж тогда боги найдут, как отмазаться, да не заплатить. Но что делать с конем?

Присмотревшись, Локи понял, что зовут коня Свадильфари и он принадлежит к числу тварей не рожденных, но сотворенных. Локи загрустил. В принципе, убить коня можно, но последствия непредсказуемы. А положение самих богов –ванов пока не такое уж и прочное: Валгалла в стадии строительства, стены вокруг Асгарда тоже не закончены, ресурсы еще разведывать и искать надо, Тор как отправился воевать с великанами, с тех пор ни слуху, ни духу от него... Так что убить – не вариант. Украсть? Но как удержать такую тварь? Тогда обмануть, чтобы конь захотел пойти с ним сам.

На сахар такого не приманишь, и за морковкой он тоже не пойдет... Так ничего и не придумав, Локи ушел. Но сегодня был явно не его день – не успел он добраться до своих покоев, как на плечах его повисла Фрея. Глаза ее метали молнии, а зубы готовы были вцепиться ему в глотку. Никто не узнал бы в этой разъяренной фурии богиню красоты и плодородия.

- Локи! Поганец, сын погибели! – она вцепилась в него как клещ. – Ты нашел способ не платить великану-етуну? Ты придумал, как вызволить меня?

- Я над этим работаю, - Локи улыбнулся как мог ласково и попытался оторвать цепкие ручки Фреи от своей шкуры. Но ее ногти мгновенно удлинились, превращаясь в когти, зубы заострились и, сунувшись еще ближе, она зашипела:

- Я лично тебя убью, слышишь? Боги сказали, что тебя ждет мучительная казнь за твои дурные советы! Но ты даже не догадываешься, насколько мучительно все будет... уж я постараюсь...

Глядя в ее безумные глаз, горевшие синим огнем, Локи ей верил.

- Фрея, я что-нибудь придумаю... Ты же знаешь, как я к тебе отношусь... Я не допущу, чтобы тебя отдали какому-то етуну. И не потому, что боюсь казни, а потому что ты самая прекрасная, самая желанная...

Женищина замерла, вслушиваясь в его слова. Тут Локи был в себе уверен: он бог обмана и морока и заморочить голову может любому. Фрея – богиня, но прежде всего она женщина, так что... На миг глаза Локи словно застлало слезами от ветра; и вот Фрея стоит перед ним во всей своей красе: идеальная фигура с пышной грудью и широкими бедрами, волосы цвета меда вьются крупными кольцами, составляя единственную ее одежду,

идеальное лицо , полуоткрытый рот, влажные губы и бездонные глаза. Локи сглотнул.

- Фрея, не искушай...

- Все твое... твое, только спаси меня от этого ужаса!

В следующий миг она развернулась, взметнулись золотистые кудри и Фрея пропала. Локи перевел дыхание, выругался про себя, констатировав тот известный факт, что как любого мужика его проще соблазнить, чем запугать – и замер, пораженный этой простой мыслью.

Следующие несколько часов он метался меж Асгардом, Митгардом и Валгаллой, осматривая всех встречных лошадей. Результаты были неутешительные. Ни одной нерожденной, но сотворенной кобылы не нашлось. Может, у етунов или великанов есть такие, но кто ж ему даст? Повздыхав, Локи понял, что придется трансформироваться. Дело это он не любил: муторно, больно. Да к тому же один расклад, когда когти отрациваешь или лишнюю пару рук – это еще куда ни шло. Но превратиться в лошадь, это вам не хвост и рога приделать. Однако в перспективе ему светила мучительная казнь и, поохав, Локи начал процесс.

Озирая себя в зеркале, он подумал, что получилось, однако, хорошо. Кобылка вышла что надо: круп ладный, ножки точеные, грива густая. Свадильфари тоже впечатлился: стоило Локи пару раз пробежаться туда-сюда, игриво выгибая шею, да взбрыкнуть, как жеребец порвал упряжь и, не взирая на вопли хозяина, рванул за кобылой.

О том, что было дальше, Локи никому и никогда не рассказывал. Он терпел и считал часы, стараясь удержатъ жеребца как можно дольше, чтобы уж наверняка сорвать сроки строительства. И это ему удалось. Когда жеребец удовлетворил свою страсть (скотина выносливая, любой рожденный сдох бы уже!) и потрусил прочь, Локи просто повалился на бок и уснул. Сил на обратную трансформацию не было. Он проспал долго, больше суток. Когда проснулся, выяснил две вещи: во-первых, етуну-строителю ни за что не успеть к сроку и по этому поводу он устроил скандал и начал качать права и сейчас сварится с Одином и остальными. А во-вторых, он, Локи, то есть кобыла, в которую он трансформировался, понесла.

Что он говорил по поводу того жеребца и какими эпитетами обогатился словарно-ругательный запас богов-асов, это отдельная история. Сперва Локи хотел начать обратную трансформацию и в ходе ее изгнать плод. Но потом задумался. И отправился искать Фрею. Та купалась в прелестном озере, заросшем по берегам кувшинками. Увидев Локи, поднялась из воды и, сияя улыбкой, обвила руками шею кобылы:

- Ты самый лучший! Самый умный! И лошадка из тебя миленькая получилась! – она хихикнула.

- Ну-ну, - пробурчал Локи. – Лучше посмотри внутрь и скажи, что видишь.

Фрея послушно уперлась взглядом в его чрево, потом нахмурилась, закрыла глаза и провела рукой по шкуре. Некоторое время слышно было лишь ее быстрое дыхание, да Локи переступал с копыта на копыто, вздрагивал и пофыркивал тихонько.

- Ох, ну ты и попал! – богиня открыла глаза.- Жеребенок не прост. У него восемь ног и он необычайно силен. Тот конь нерожденный, да?

- Да.

- Оставь его, не изгоняй. Необыкновенное существо родится! Такого коня не будет ни у кого и никогда. Сейчас трудно сказать что-то определенное, но таланты его будут велики.

Локи вздохнул и повесил голову.

- Ну, не печалься так, - Фрея потрепала его по холке.- Я стану заботиться о тебе, расчесывать гриву и кормить отборным зерном...

И вот он, этот восьминогий жеребец, которого пришлось отдать в дар Одину. Локи еще раз оглядел свое творение и ревниво сказал:

- Не понимаю, чем ты недоволен. Не нравится – давай я заберу его себе.

- Нравится, - как всегда без улыбки, медленно роняя слова, сказал Один.- Но нужно его закончить. Вырежи ему охранные руны на зубах.

- Ну, руны – это можно. От чего охранять-то будем?

- От смерти.

- А? – Локи поежился. – Ты собрался в нижний мир? Туда ни один конь тебя не повезет.

- Этот повезет.

И Один ушел. Позже Локи узнал, что Один тоже внес свой вклад в усовершенствование коня. Пользуясь своим искусством, он создал универсальную карту миров и вложил ее в алмаз, который вставил в череп коня на место третьего глаза. Блеск камня потух: он сделался сер и туманен, но зато теперь Слейпнир мог доставить своего седока в любую точку обитаемого и необитаемого миров. А самое главное – он мог найти дорогу обратно.

Глава 3

Мири была счастлива своей беременностью. Все ее существо словно окутала золотистая дымка. Город казался милее и приветливее, чем всегда. Люди вдруг стали добрее, даже ворчливый консьерж, вечно недовольный погодой, политикой, уборщиками, жильцами и всем остальным, показался трогательным, а не противным, как обычно. Мама Соня, хоть и не была близка с дочерью, получив письмо по электронной почте, позвонила из Америки и спросила, не нужно ли приехать; просто, чтобы побыть вместе. Или, может, Мири приедет к ним во Флориду? Нет? Тогда звони дорогая, и пиши как можно чаще.

Эмиль страшно жалел, что они не успели купить дом.

- В городе грязно и не место маленьким детям, - твердил он. – Надо было задуматься о загородной вилле сразу, как поженились. Это моя вина, прости, дорогая. Купить сейчас? Нет-нет, нужно объездить много мест, уделить проблеме надлежащее внимание, а я не хочу тебя нагружать. Но я обязательно что-нибудь придумаю!

И Мири послушно ждала, пока он придумает. А пока пересматривала свое расписание, проводила больше времени дома, даже пыталась готовить (с переменным успехом).

Через пару недель Эмиль пришел вечером с работы и заявил, что все придумал, обо всем договорился и хоть с завтрашнего дня Мири гарантирован свежий воздух, положительные впечатления и наилучший уход.

- Помнишь моего дядю Анри? Он был у нас на свадьбе. Подарил те чудесные антикварные статуэтки, стоят у нас в спальне?

Конечно, Мири помнила дядю Анри. Высокий мужчина с седеющими волосами, одетый с небрежной роскошью истинного француза, он совершенно очаровал ее при встрече. И статуэтки - фарфор эпохи Первой империи - были чудесные.

Так вот, вещал Эмиль, у дяди имеется дом в провинции. До ближайшего города недалеко. Там есть больница с прекрасным родильным отделением. В доме полно прислуги, так что тебе не надо будет заниматься хозяйством. Я стану приезжать на выходные... или даже чаще, каждый раз, как позволят дела.

- Думаешь, это удобно? – с сомнением спросила Мири. – Вот так приехать и поселиться в доме человека, которого я видела один раз в жизни?

- Конечно! Ты сама сказала, что он тебе понравился. А я так вообще провел в этом поместье все свое детство. Отец умер рано, и Анри фактически

воспитал нас с братом... Он не раз пенял мне, что не привожу тебя в поместье... - Эмиль налил себе вина, а Мири воды, сел за стол, рассеянно разгладил салфетку. Потом поднял глаза на жену и быстро договорил:

- Но мне казалось, тебе будет скучно за городом. Однако теперь развлечения и все остальное должно отступить на второй план. Главное – твоё здоровье. Уже сейчас в городе жарко, представь, что будет в августе!

Молодая женщина вздохнула. Да, лето в этом году обещает быть душным и пыльным. Мысль о саде и удобной скамейке в тени деревьев показалась ей чудесной. Увидев, что жена не возражает, Эмиль вздохнул с облегчением.

- Кстати, ты сегодня была у доктора? Что он сказал?

Мири молчала, с трудом сдерживая торжествующую улыбку. Доктор первый раз делал УЗИ, и в конце концов уверенно заявил, что плод не один.

- Эмиль, у нас будет двойня!

Он на секунду растерялся: Мириам застала его врасплох. И опять она увидела, что он испуган. Но тут же муж взял себя в руки и проявил весь восторг, подобающий случаю. Мири была очень растрогана: он боится за нее. Ей показалось даже, что голубые глаза мужа увлажнились слезами. Боже, никогда он не казался Мири сентиментальным или чересчур эмоциональным, скорее напротив, а тут столько проявлений чувств! Но опасаться нечего: она здорова, а в наши дни медицина позволяет женщинам вынашивать и по пять детей.

- Не переживай милый, - шепнула она, уткнувшись ему в плечо и запустив пальцы в мягкие каштановые локоны.- Все будет хорошо. А кого ты больше хочешь, мальчиков или девочек?

- Не хочу показаться эгоистом, - он погладил ее по волосам. – Но, наверное, каждый мужчина прежде всего мечтает о сыне.

- У тебя есть шанс получить двоих сразу.

Эмиль не успокоился, пока не отвез Мириам в дом дяди Анри. Из рассказов мужа она поняла, что дом немаленький, но когда они подъехали к воротам, и в конце длинной прямой аллеи она увидела настоящий замок, Мириам была поражена. За домом простирались принадлежащие поместью земли: виноградники, сады, поля и лес.

Зная, сколько стоит земля в этом регионе, Мири впервые осознала, насколько богат Анри Танье.

- Он ведь брат твоего отца? – спросила она мужа.

- Младший. У нас с ним всегда были прекрасные отношения. Семейку Анри так и не завел, и порой мне кажется, что он видит во мне сына. Надеюсь, ты полюбишь его так же, как я.

Мириам была достаточно проницательной, чтобы понять намек: дядюшка бездетен, а ведь земли и богатства нужно будет кому-то завещать. Мысль эта не показалась ей дурной или недоброй. Что такого, если деньги останутся в семье? Впрочем, они с Эмилем люди небедные и если что, никто перед дядюшкой пресмыкаться не собирается.

Анри Танье встретил гостей на пороге и с распростертыми объятиями. Расцеловал Мири, объявил, что она невероятно похорошела. Предложил даме руку и повел показывать "мою пустынную обитель". Дом представлял собой довольно эклектичную, но не лишенную очарования конструкцию. На одном конце - башня старого замка, сложенная из серого камня, и примыкающее к ней низкое здание с покатой крышей. С другой стороны в более поздний период был пристроен еще один дом с башенкой, стилизованной под средневековье. Все жилые комнаты располагались в новой части дома.

- Жить в средневековом замке, конечно, интересно, - Анри провел Мириам через вход в старую часть дома и широким жестом обвел пространство готического зала: жерло очага, оружие, доспехи, рога на всех стенах, темное дерево отделки. – Но не очень уютно. Кроме того, я даже теплый сортир тут оборудовать не могу. Это крыло замка признано историческим достоянием и без согласования с чиновниками переделке не подлежит. Так что тут у нас, можно сказать, музей... Ну, у вас будет время осмотреть весь этот исторический хлам... если захочется. Идемте лучше в сад.

Они перешли в новое крыло, и Мириам подумала, что именно такой дом виделся ей в мечтах. Французские окна гостиной открываются на террасу, увитую плетистыми розами нежно-персикового оттенка и темно-синими цветами ипомеи. Здесь, на терракотовых плитках пола стоит удобная плетеная оттоманка под тканевым пологом, столик и пара кресел. Широкие пологие ступени ведут на лужайку сада. Частично территорию сада ограничивает старая, местами полуразрушенная, заросшая плющом и диким виноградом невысокая стена, за которой виден парк и окрестные поля. Мири с любопытством разглядывала открывшийся ей пейзаж. Она почему-то решила, что посадками здесь занимался мужчина: возле дома, как дань традиции, сохранилось несколько клумб, да вдоль дорожек кое-где разбиты цветочные бордюры. Но в основном сад полнился кустами, полянами и деревьями. Принято считать, что такой стиль особенно любят англичане:

естественность и нагромождение разных растений. Французы предпочитают регулярные и аккуратные сады. На самом деле это заблуждение, сформировавшееся у обывателей под впечатлением французских регулярных парков. Мири в садах разбиралась слабо, а потому решила, что дяде не хотелось нанимать садовников и возиться с цветами и прочим. На самом деле, как позже объяснил ей Эмиль, сад является плодом тщательно продуманного дизайна, стоит кучу денег и его фотографии стали темой одного из номеров модного журнала по садоводству и ландшафтному дизайну.

- Как красиво, - искренне восхитилась Мириам.

- Я рад, что тебе нравится, - Эмиль нежно обнял жену.- Здесь ты сможешь гулять, отдыхать, работать понемножку. Анри не станет тебе докучать. У него полно дел в поместье, плюс куча общественных, так сказать, обязанностей. Как-никак он граф и принадлежит к сливкам местного общества.

Обед подали на террасе. К этому моменту Мириам успела насчитать как минимум четырех слуг: молоденькую горничную – полноватую, с сонным и невыразительным лицом, двоих садовников, которые копались в дальнем конце сада у компостных куч, и экономку. Честно сказать, экономка ей не понравилась. Высокая, худая, но широкая в кости, она одевалась в черное, гладко зачесывала седеющие волосы и поджимала и без того тонкие губы. Когда Анри представлял ее гостям (мадемуазель Розен, моя добрая фея), женщина улыбнулась бледными тонкими губами, но блекло-голубые глаза смотрели внимательно и строго.

После обеда Эмиль и Мириам отправились отдохнуть и сразу же погрузились каждый в свой компьютер. У него завтра важная встреча, к которой нужно подготовиться, а она не так давно начала разрабатывать собственную коллекцию ювелирных украшений и теперь с удовольствием занялась любимым делом. Вообще-то по специальности Мириам – эксперт-геммолог, т.е. специалист по драгоценным камням. Профессия достаточно редкая, но Мириам ее даже не выбирала, еще в детстве у нее открылся настоящий талант: она могла практически на ощупь, или даже по внешнему виду, отличить настоящий камень от подделки.

Конечно, ей пришлось учиться. Страшно вспомнить, сколько часов она провела в мастерской дяди Давида (крупного парижского ювелира), разбирая камни. Сперва описывала каждый экземпляр, руководствуясь лишь интуицией, затем брала аппаратуру, справочники и повторяла анализ, следуя всем правилам профессии. Она окончила специальный курс для геммологов при одном из ювелирных домов, работала на Алмазной бирже в

Тель-Авиве. Но труды и талант дали свои результаты: Мириам Гринберг входит в число самых востребованных и уважаемых экспертов Старого и Нового Света.

Время пролетело незаметно. Оторвавшись от ноутбуков, супруги погуляли по саду и парку, а потом поспешили обратно в поместье: ужин подадут в 18.00. Эмиль сказал, что по случаю их приезда этот ужин считается официальным. А потом, добавил он, будете с дядей трапезничать по-домашнему.

Официальный, так официальный. Мири надела пару бабушкиных серег с крупными бриллиантами и платье из бледно-зеленого шелка чуть ниже колен. Подобрала волосы и немножко подкрасилась. Анри и Эмиль были в костюмах. Мириам не могла не заметить, как они похожи: высокие, худощавые; каштановые вьющиеся волосы Анри начали седеть, но так же, как у племянника, мягкими локонами падают на воротник рубашки. Тонкие черты лица указывают на несомненное семейное сходство. Только глаза у Анри не голубые, а серые.

Приехали гости, которых представили Мири (Эмиль всех знает уже много лет). Первым появился сосед-аристократ: барону за шестьдесят, но он очень старается выглядеть на 52, думала Мири, разглядывая покрытые пигментными пятнами руки мужчины. На мизинце интересный перстень с желтым бриллиантом. Барон был при молодой – не больше 25 лет – жене. Кукольно одетая и накрашенная, она большую часть времени молчала, любясь игрой света в кольце с огромным изумрудом; само собой, подарок любящего супруга. Затем явился местный адвокат с женой: спортивные, загорелые, только что из велопробега по Испании, полные впечатлений. Последним прибыл чиновник из местной администрации, почему-то с дочерью, немного анемичной девицей, на предплечье которой Мири разглядела замазанную тональным кремом татуировку (роза и какие-то буквы).

Мириам опасалась, что ужин сервируют в большом зале, который она видела лишь мельком, когда Анри вел ее от парадного входа через анфиладу комнат. Темные деревянные панели, масса развешенного по стенам оружия, камин серого камня, огромный дубовый стол и соответствующие кресла, обитые черной кожей; типичный готический зал, торжественный, но неудобный и порядком тоскливый вечерами.

Однако Анри распорядился накрыть ужин в небольшой гостиной, выходящей окнами в сад. Свечи на столе плясали от легкого ветерка, белая скатерть, разноцветные салфетки, масса цветов за окном и в комнате – в вазах и кувшинах. Обитые бледно-лиловым шелком стены, позолоченные рамы картин, часы и вазы на мраморном камине; все создавало атмосферу уюта и тепла. Они прекрасно поужинали, болтая о том о сем, Мири улыбалась, слушая местные сплетни и обсуждения общих знакомых. Анри умело направлял беседу, время от времени заставляя гостей возвращаться к общим темам, политике и искусству, чтобы гостье не было скучно. Он много шутил, но не зло, был остер на язык и окончательно очаровал Мириам. Гости засиделись за полночь. Когда Мири прощалась с дочкой чиновника, та по секрету поведала ей, что слова на татуировке – имя ее возлюбленного, араба. Отец использовал все свои связи, чтобы выслать его из страны. Но она мечтает, что когда-нибудь они будут вместе. Мири, едва сдерживая гримасу удивления, кивала. Какие, однако, страсти, кипят в местном болоте. Она чуть отстранилась от девицы, которая шептала ей на ухо подробности своего романа с Махмудом, и оказалась напротив висящего на стене зеркала. И в зеркало это она увидела, как дядюшка Анри что-то опустил в карман барона, то ли баночку, то ли коробочку. Тот улыбнулся бескровными губами, с искренней благодарностью пожал руку хозяину и поспешил к выходу, призывая свою сонную, увешанную драгоценностями супругу:

- Идем дорогая, ночь только начинается! Мы сегодня много всего успеем!

Ишь, ты, жеребец, с насмешкой подумала Мири. Впрочем, может, дядюшка ему виагру покупает в соседнем городе. А то тут, в деревне, все друг о друге сплетничают.

На следующее утро Эмиль вернулся в Париж, а Мири осталась жить в поместье.

Проводив мужа, Мириам вернулась в дом и нашла Анри в той же комнате, где вчера трапезничали гости. Дядюшка завтракал. На расшитой голубыми цветами скатерти стояла тарелка с ароматным омлетом, а также блюдо с тонко нарезанным окороком, корзиночка со свежими булочками, и россыпь мелких емкостей: масло, мед, варенье.

- Однако, как серьезно вы относитесь к утренней трапезе! - воскликнула молодая женщина, озирая изобилие стола.

- Присоединяйся! – Анри встал, отодвинул стул, и Мириам села.

- Я вообще-то завтракала, - сказала она. – Но посижу для компании.

- И чем, позволь спросить, ты завтракала?

- Ну, обычно это кофе и круассаны, но мадам... мадмуазель Розен утром принесла Эмилю кофе, а мне какао.

- Видишь, не зря я ее нахваливал вчера! – Анри усмехнулся, и принялся расправляться с омлетом, рассказывая в паузах. – Видишь ли, дружок, я большую часть дня провожу, бегая туда-сюда по поместью, или езжу в город, или к фермерам. И если с утра ограничиться кофе и круассанами, то к обеду очень хочется кушать. А после сытного ланча – спать. Ну, я человек свободный, почему бы и не спать, да?

Мири кивнула, и как-то незаметно намазала вторую булочку очень вкусным маслом. А вот интересно, что это за варенье?

- Абрикосовое, - дядюшка подвинул ей вазочку. – Я и спал. Но стал замечать, что толстею. Да и времени много терялось. Поэтому пришлось пересмотреть расписание. Я ввел в обиход плотный завтрак, на ланч если что и потребляю, так фрукты или кофе, а часов в пять плотно ужинаю. И ко времени отхода ко сну тяжести в желудке уже нет. Лишний вес я сбросил, и теперь придерживаюсь именно такого распорядка.

Кстати, рекомендую. Впрочем, ты, пожалуйста, не стесняйся и требуй все, что угодно и в любое время. Прислуга получила строжайший приказ потакать всем капризам моей племянницы.

- Спасибо, дядюшка! – Мири вскочила, чмокнула Анри в щеку и оба расхохотались, довольные собой.

- Раз уж вы готовы мне во всем потакать, покажете поместье?

- Обязательно! – Анри отсалютовал ей чашкой с кофе.- Через пятнадцать минут жду тебя во дворе.

Мири доела булочку и забежала на минутку к себе в спальню: она решила прихватить из спальни палантин, потому что в парке может быть прохладно. И темные очки: нам же не нужны морщинки вокруг глаз. И бутылочку воды надо положить в сумку. И телефон... Когда она вышла на крыльцо, собрав малый вариант дамской сумки, Анри уже ждал, сидя за рулем смешной машинки: четыре колеса, руль и сидения. Но ни бортов, ни дверей. Имелась, впрочем, крыша, укрепленная на трубчатой раме.

- Гольф-кар, - пояснил улыбающийся Анри.- Купил в нашем гольф-клубе, когда они обновляли парк. Чертовски удобная штука.

Они неспешно катили по аллее, и мсье Танье рассказывал историю поместья:

- Дому бог знает сколько лет. Наше семейство въехало сюда в 17 веке, прикупив старый замок, построенный в 15 веке. Впрочем, при желании, можно считать владение замком и с момента его постройки. Тот, кто продал замок моему пра-пра – ну ты поняла – дедушке, находился с ним

в родстве. Но была там какая-то старая вражда, долги... Затем пристроили дом, тот, что примыкает к башне; серый и старый. Я поддерживаю все это в функциональном состоянии, но там, мягко говоря, неуютно. Крыло, где обитаем мы с тобой, называется новым, хотя было построено отнюдь не вчера. И, между прочим, по проекту Мансара (Mansard).

- Подождите, подождите, это тот, что проектировал Версаль?

- Да! Именно он. По его же указаниям разбивали сад. Впрочем, в начале 20 века много всего переделали и перестроили. Обошлось в кругленькую сумму, но зато у нас есть отличная кухня и ваннные комнаты при каждой спальне. И нет щелей в полах и оконных рамах.

- С ума сойти, - искренне восхитилась Мири, разглядывая здание с новым интересом.- Настоящее родовое гнездо.

- А как же! – Анри просиял.- Наш род действительно очень старый, но, честно сказать, не очень знаменитый. Предки были начисто лишены тщеславия, и при дворе им было скучно. Сидели они по своим замкам, не знаю, чем уж занимались... Может, как и я, ругались с фермерами и разводили лошадей. Однако они честно махали мечами и саблями в каждом историческом сражении, защищая своих сюзеренов и королей, а потому были пожалованы деньгами и землями. Честно говоря, тяжелее всего семье пришлось в двадцатом веке. Часть земель все же пришлось продать, и отец подумывал о том, чтобы начать сдавать замок для устройства свадеб и тому подобных мероприятий. Налоги правительство устанавливает немислимые и еще повышает с каждым годом... Что я рассказываю, сама знаешь. Крутились, как могли, очень уж не хотелось расставаться с замком и поместьем. Было трудно. Но потом меня надоумили заняться органическим земледелием и дело пошло! Ну, то есть этим занимаются мои арендаторы и, как я подозреваю, делают все то же, что их предки на протяжении сотен лет: навоз, поле, урожай... только теперь люди начали ценить именно такую морковку и тыквы. Урожай идет в дорогие рестораны, в бакалейные лавки, на рынки. Кроме того, я завел конеферму, это всегда востребовано.

- Прекрасные места, - искренне сказала Мири, оглядывая окрестности.

- Да, я счастлив, что удалось сохранить землю и дом. Не поверишь, но я чуть не с тридцати лет выполнял обязанности старшего в роду и потому всегда считал себя патриархом. Кто-то должен, знаешь, рассказывать детям сказки у камина, - Анри ласково улыбнулся молодой женщине. – У меня своих детей нет, и я очень рассчитываю, что вы будете почаще навещать старика.

- Не кокетничайте, Анри, какой вы старик!

- К тому моменту как придет время рассказывать сказки у камина, я стану немного ближе к идеалу дедушки, - усмехнулся он.

- Знаете, учитывая, что с дедушками у нас с Эмилем не сложилось, я очень и очень на вас рассчитываю, - вполне серьезно заявила Мири, на мгновение накрыв руку Анри, лежащую на руле, своей ладошкой.

- Спасибо, милая, - он выглядел искренне растроганным.

Глава 4

Через несколько дней Мири вполне обжилась в поместье. Ей очень нравились комнаты, выделенные ей хозяином дома. Симпатичная спальня с небольшим камином, отделанным бежевым камнем, была оклеена полосатыми обоями в персиковых тонах с гирляндами викторианских роз. Обивка мебели на тон темнее, и чудесные светлые шторы кремового оттенка с подхватами в виде толстых витых шнуров. Мебель розового дерева относилась к первой половине двадцатого века, а изящное бюро, инкрустированное перламутром, неизвестный мастер изготовил в веке девятнадцатом. Чтобы попасть в спальню, нужно пройти через будуар, стены которого обтянуты нежнейшего оттенка оливкового цвета тканью, а остальные драпировки сочетали розовый и палевый цвета.

Мириам много гуляла и работала, съездила в соседний город и посетила местную клинику, договорилась с врачом о наблюдении и анализах. Доктор, мадам Рувель, была чем-то похожа на экономку из дома Анри: такая же высокая и костистая, с голубыми глазами. Но вокруг этих глаз лучиками разбегались веселые морщинки, губы легко улыбались, и после неспешного разговора Мири составила о докторше самое лучшее мнение. Мадам Рувель вскользь упомянула, что знакома с графом Танье (Это провинция, милая моя, тут все друг друга знают!). Осмотром осталась довольна и заверила Мириам, что все идет хорошо: давление в норме, вес прибавляется понемножку, а уж теперь, когда будущая мама сбежала из ужасного и грязного Парижа, ей нужно просто наслаждаться жизнью и не волноваться.

Эмиль обещал приехать на выходные, каждый день они созванивались и писали друг другу электронные письма. Погода стояла теплая, практически летняя. Небо синело почти Прованской яркостью, лишь изредка заволакиваясь облаками и еще реже – тучами. Мири разгрузила свой график, нашла себе замену для нескольких важных заказов, что-то просто отменила, принесла извинения. Она вдруг ощутила себя счастливой в этой блаженной праздности, в ожидании чуда...

А потом ей приснился кошмар. Она проснулась с сильно бьющимся сердцем, рывком села в кровати, уставившись перед собой широко открытыми глазами. Сон помнился ясно и казался тем страшнее, что ничего кошмарного в нем не было: ни темных подвалов, ни преследования, ничего такого. Мири увидела поместье, словно со стороны. Вот башня и остальные постройки. Вот внутренний дворик между башней и старым крылом. Серый, вымощенный булыжником плац. И по нему движутся детские фигурки. Маленькие девочки в белых платьицах идут, взявшись за руки, вслед за высокой женщиной, которая ведет их в сад. Мири даже не могла понять, что такого кошмарного было в этом видении, что заставило ее проснуться в холодном поту.

Часы показывают три ночи. Она поняла, что не сможет вот так просто повернуться на другой бок и заснуть. Честно сказать, даже просто закрыть глаза – и то страшно. Нужно выпить чаю... или молока. Мири выбралась из постели, натянула спортивные штаны и флисовую курточку поверх футболки с сердитым гремлином (Эмиль принес после очередной ссоры, заявив, что именно так она выглядит, когда злиться) и вышла в коридор. Здесь было темно и пусто. Она вдруг растерялась, не сообразив сразу, где находится кухня. Пошла было направо и скоро уперлась в холл, за которым начиналась старая часть дома. Черт, пропустила лестницу. Мири уже вполне пришла в себя и немножко постояла, прислушиваясь и оглядываясь. Просто удивительно, как ночь меняет все вокруг... другие звуки, другие краски. Повинуясь внезапному порыву, она вошла в старый зал замка. Станным образом место, столь мрачное днем, показалось теперь очаровательной иллюстрацией из сказки братьев Гримм. Серебристые доспехи таинственно поблескивают в темноте, лунный свет выбелил плитки пола и над этой сценой танцуют пылинки, углы зала, куда не достает призрачный свет, растворились в темноте... черной пастью зияет камин, из-под потолка долетел тихий вздох. Бр-р, сказала себе Мириам, торопливо выскочив обратно в холл. Вот уж не знала, что я такая трусиха. Она все же добралась до кухни, включила свет и с облегчением вздохнула, оглядев вполне современный интерьер. Зажгла чайник и принялась открывать шкафчики в поисках какао. В какой-то момент краем глаза она уловила в дверном проеме силуэт. Мири замерла. Темная высокая фигура стоит в дверях... отражается в блестящем боку чайника. Молодая женщина стояла столбом и боялась обернуться. Может, зажмуриться? А потом открываешь глаза – а там никого нет! Но закрыть глаза еще страшнее...

- Что вы ищете?

Голос напугал ее, но одновременно принес облегчение. Этот северный акцент... Мири обернулась, уже зная, кто стоит в дверях. Так и есть – экономка.

- Я проснулась... и решила выпить какао.

- Почему?

- Что почему?

- Почему какао?

Женщина вошла в кухню, и Мири, все еще не пришедшая в себя, попятилась от нее вдоль стола.

- Не знаю... в кино, если не спится или после дурного сна, все пьют какао.

- А вы что пьете, когда плохо спите?

- Вообще-то у меня раньше и кошмаров-то не было... - честно ответила Мириам. – А если бы и были, я бы, наверное, выпила теплого вина. Но сейчас вино как-то не ко времени.

- Да. Давайте я вам чаю сделаю. Вы ведь черный пьете?

- Да...

- Привычный напиток успокоит быстрее.

- Хорошо, спасибо, - Мириам села к столу, а мадемуазель Розен ловко и быстро принялась заваривать чай в небольшом изящном чайничке, расписанном синими розами.

- И что же вам приснилось? – спросила она.

- Да так, бред какой-то, - протянула Мири, внимательно разглядывая экономку. Та была в длинной ночной рубашке, сверху надет теплый велюровый халат. На ногах домашние туфли с меховой оторочкой. - А вы разве живете в замке?

- Нет, - отозвалась мадемуазель Розен. - Я живу в доме для прислуги, вместе с остальными. Вон там, через лужайку. Но из моей комнаты видны окна кухни. Я увидела, что кому-то не спится...

- Извините, не хотела вас беспокоить, - покаянно произнесла Мири.

- Ничего... - Женщина поставила перед ней чашку и достала из шкафа коробку с печеньем. – Вот, погрызите, помогает от бессонницы.

- Спасибо. А вы? Вы будете чай?

- Я? – мадемуазель Розен растерялась.

- Ну, самое меньшее, что я могу для вас сделать, после того как разбудила среди ночи, это налить вам чаю, - Мири встала и взялась за посуду.

Экономка села к столу, приняла из рук Мири чашку чая и вдруг сказала:

- Меня зовут Марта.

- Еще раз извините, Марта, - легко кивнула молодая женщина.-
Надеюсь, кошмар не повторится.

Но он повторился. На следующую же ночь. Потом приехал Эмиль, и две ночи Мириам провела в блаженном спокойствии, прижимаясь к мужу. Но наступил понедельник, и как только Мириам сомкнула веки, тут же перед ней закружился хоровод детских фигурок. И опять она проснулась с бешено колотящимся сердцем, зажгла свет и некоторое время просто сидела в кровати, не зная, что делать. Потом взялась за ноутбук и попыталась работать. Однако от усталости ничего не получалось. Тогда Мириам проверила почту, написала пару писем, почитала статьи с профессионального сайта и заснула лишь когда совсем рассвело. На следующий день Мири попросила экономку поставить ей в комнату чайные принадлежности, чтобы не бродить ночью. Очнувшись от очередного видения, она выходила в будуар, распахивала окно в сад и дышала легким и свежим ночным воздухом. Так тихо и мирно кругом, такое райское место! Что же с ней происходит? Через несколько дней под глазами Мириам пролегли тени: она боялась засыпать, но в конце концов усталость брала свое, сон подкрадывался и опять в саду или во дворе замка появлялись маленькие девочки в белых платьицах. Они шли парами, держась за руки, или танцевали на лужайке. Девочки выглядели очень бледненькими и неулыбчивыми. И Мири было страшно, так страшно, что заходило сердце. Она съездила в город к врачу. Доктор Рувель выслушала ее внимательно, посоветовала больше гулять, не есть на ночь, прописала что-то успокоительное

Но зеленые капсулки не помогли. Эмиль, которого Мириам ждала в пятницу с надеждой выспаться и хоть немного прийти в себя, сообщил, что не приедет в эти выходные; у него важная поездка в Нормандию, а потом нужно сразу лететь в Германию. И ночью Мири с тоской смотрела, как девочки возвращаются из сада в башню замка, оборачиваясь на ходу, глядя на нее своими большими грустными глазами. У двери застыла женщина в белом; она всегда была неподалеку от девочек, словно воспитательница или няня. И вот теперь она дождалась, пока последняя девочка войдет в темный проем двери, повернулась к Мири и сказала:

- Я позабочусь и о твоей дочке.

Все, решила Мириам, надо что-то делать. Но что? Звонить матери во Флориду? Смешно. Эмилю в Париж или где он там сейчас? Он и так боится за нее, ни к чему дергать мужа. Анри? Не хочется выглядеть дурочкой. Мири подумывала о том, чтобы рассказать свой сон Марте, но экономка ни разу после того ночного чаепития не взглянула на нее приветливо, не поздоровалась иначе, чем прежде. И Мириам решила, что она не нравится суровой нормандке. Бог знает, что у нее на уме. Позвонить подружке? Знакомых полно, но вот с кем поговорить так, чтобы человек не счел ее рассказ смешным или не разболтал бы кому-нибудь? В конце концов она позвонила Полине: когда-то давно учились вместе, та уже давно замужем и мама двоих прелестных деток. Мири несколько раз гостила в доме Полины, вернее, в ее домах: в России и в Италии. Когда Полина ждала первого ребенка, она позвонила Мириам и огорошила подружку вопросом, согласна ли та быть крестной мамой ее малыша.

- Крестной? – Мири растерялась и не знала, что сказать. "Нет, потому что я иудейка"? Но это не совсем так: мать ее из еврейской семьи, но про отца никто ничего не знает. Официально никакую религию она не исповедует.

- Полечка, я бы с радостью, но... я не крещеная.

- Вот же ты... балда! – шумела подружка.- Я так на тебя рассчитывала! Теперь придется Маринку звать, а она зануда ужасная! Но знаешь, муж сказал, что после того, как родится ребенок, мы должны будем сделать приписку в завещании, назначив опекунов нашим детям, ну, на тот случай, если с нами что случиться. Так вот, я тебя напишу!

- С ума не сходи! Что с вами может случиться? Тебе 23, ему 30!

- Он говорит, надо быть готовыми, а уж что случиться, а что нет – не в нашем ведении. Ты поняла? Маринка будет крестной, но я ее знаю, она может только нотации читать и заботиться о здоровом питании. Отруби и все такое. А ты нормальная. С тобой детям не будет скучно!

Мири тогда свела разговор к шутке и так и не узнала точно, правда ли Полина в завещании назначила ее опекуном своих детей. Но мысль о потенциальной ответственности Мириам с тех пор не покидала и она регулярно навещала подругу, общалась с малышами (с облегчением убеждаясь, что их родители живы-здоровы). Так что, пожалуй, ближе Поли у нее и подруги-то нет.

Полина выслушала новости о беременности, порадовалась за будущую маму, расспросила как и что.

- Кошмары? Нет, у меня не было кошмаров, - сказала она. - Ну, ты меня знаешь: бывают люди-жаворонки, которые рано встают. Бывают совы,

которые любят вставать поздно. А я по натуре хомяк: сплю, когда и сколько могу. Слушай, а сходи-ка ты к психоаналитику. Может, твое подсознание чем-то недоволено? Или опасается чего-нибудь?

- Чего ему тут опасаться?

- Ну... у вас с Эмилем... все хорошо было последнее время?

Мириам фыркнула: - Не ругаются только мумии в музеях. Мы живые люди и у каждого свой характер. Но Эмиль очень разумный человек и мы всегда находим компромиссы.

- Ну да, ну да... А что врач говорит?

- Да как обычно: на ночь не есть, фигней не страдать.

- Съезди в Париж, в другую клинику. Или ко мне приезжай. Нет, мы сейчас в Италии, сюда не надо. Итальянцы женщин любят, но в плане медицины и аккуратности, это же... в общем, лучше в Швейцарию или Израиль.

- Ох, наверное, ты права. Но как подумаю, что куда-то ехать! Тут так здорово! Скинуть тебе фотки? Замок классный, а уж сад – вообще фантастика!

Разговор с подругой принес кратковременное облегчение, но к вечеру Мири опять скуксилась: впереди ночь и ничего хорошего она не сулит.

Вечером за ужином дядюшка спросил, как она себя чувствует.

- Сплю плохо, - пожаловалась Мириам.- Врач прописала какие-то травки, но не помогает. Думаю, может вернуться в Париж...

- Вот уж глупости, - хмыкнул Анри.- Ты прогноз погоды видела? В городе тридцать градусов жары, дышать нечем... Нет, можно, конечно, под кондиционером сидеть, но ради детей, думаю, стоит потерпеть.

- Да я и не против потерпеть, - Мириам с досадой бросила салфетку и встала. Отошла к распахнутым в сад дверям.- Но спать нужно, а я... не могу.

- Давай-ка я пропишу тебе свое лекарство, - Анри подошел к молодой женщине, приобнял ее и ласково сказал: - Эта земля дарит нам много чудес. Одно из них – местное вино... Да-да, я знаю, что теперь не принято беременным пить. Но раньше женщины пили и пиво, и вино и никто не видел в этом проблем. Оно очень слабое, зато настоящее на местных травах. Сделай пару глотков: если поможет, то и хорошо. Нет, опять съездишь к доктору. Может, массаж какой посоветует или еще что.

Он сам сходил за бутылкой, налил буквально на палец темной жидкости в бокал и подал Мири. Та с опаской понюхала, чуть пригубила. Вино пахло травами и солнцем. Мири подняла глаза и улыбнулась Анри.

- Вкусно, - удивленно сказала она.

Тот легко рассмеялся:

- Почему же не должно быть вкусно? Идем на террасу. Посидим, не торопясь допьешь. Себе я, пожалуй, плесну арманьяка.

Он отошел к столу с напитками. Мадмуазель Розен молча скользила по комнате, убирая посуду после ужина. Мири вдруг почувствовала чувствительный тычок в спину, обернулась и встретилась взглядом с бледно-голубыми глазами экономки. Та сжала губы в нитку, кивнула на бокал и покачала головой. Потом одними губами сказала: не пей.

И серой тенью выскользнула из комнаты, неся поднос с посудой.

- Ты что? – окликнул Анри замершую на месте Мири.

- Ничего. Мадмуазель... ваша экономка... мне кажется, она меня не любит.

- Она никого не любит, - хмыкнул Арни. – Такой человек. Но дом ведет безупречно. И поставщики боятся ее как огня. Ни одного несвежего цыпленка, ни одной вялой морковки на кухню не попадает. Если найдет, глянет так, что любой из фермеров готов эту морковь лично съесть невымытую и принести взамен свеженькую. Ну, идем.

Они вышли на террасу и уселись в плетеные кресла, глядя в сад.

- Расскажите мне про вашу семью, - попросила Мири, которой надо было чем-то занять дядюшку, чтобы поразмыслить, что могли бы значить странные знаки мадмуазель Розен.

- Ну, что тебе рассказать? История нашего рода, как я уже говорил, в основном состоит из сражений. Вот, кстати, один из графов Танье побывал в России с армией Наполеона. Для тебя Россия много значит, да?

- Да... Я там выросла и жила довольно долго. Но вот Эмиля никак не могу туда затащить. Он вообще не слишком любит путешествовать.

- Зато ему достались мозги. А весь авантюризм нашей семейки унаследовал его брат Поль. Тяга к приключениям и свела его в могилу.

- Вы уверены, что Поль погиб? – осторожно спросила Мири. Собственно, она единственная, кто мог быть в этом уверен на сто процентов, поскольку она присутствовала при гибели брата своего мужа.¹ Но обстоятельства были таковы, что рассказать об этом Мириам не могла.

- Думаю, да. Иначе как объяснить, что от него нет никаких вестей уже больше двух лет? – Анри помедлил, грея в ладонях бокал с арманьяком.- Я хочу, чтобы ты знала, Мириам, именно в твоём муже я вижу своего наследника. Ему достанется замок и все остальное.

¹ см. роман *Печать света*

- Спасибо, - Мири кивнула. Потом, неожиданно для себя самой, спросила:

- А привидения в замке есть?

Анри внимательно глянул на нее, нахмурился и недовольно заметил:

- Насплетничали, да? Садовники или местные? Впрочем, неважно...

Что ж, - он встал, прошелся по террасе, и Мири, воспользовавшись случаем, выплеснула вино в горшок со штамбовой розой. Бокал был глубокий, и на дне осталось чуть-чуть жидкости, она поднесла его ко рту, сделала вид, что пьет, смочила губы.

Анри улыбнулся, пробормотал: "Хорошая девочка", и принялся рассказывать, расхаживая взад-вперед.

- Дело было в семнадцатом веке, - сказал он.- Как раз после переезда Танье в замок. Один из баронов Танье – графство нам пожаловали несколько позже - отличался дурным нравом... Он был вспыльчив и всю пользовался правом первой ночи. Думаю, мерзкий был тип, хоть и грех так говорить о собственном предке. Женился он на дочери достойного человека, виконта Меркуа. Жена была очень молода, родила ему дочь, которую нарекли Клариссой, но вскоре умерла, говорили от чахотки. Девочка росла на руках служанок, отец несколько ею не интересовался, пил, участвовал в войнах, охотился по всем окрестным лесам. А потом в какой-то момент вернулся в замок и увидел за собственным столом молодую девушку. Он не узнал дочь – она выросла. Так бывает. Но вместо того, чтобы подыскать девице достойного мужа, барон воспылил к ней страстью. Он запер дочь в старой башне и навещал ее по ночам. Люди шептались: инцест никогда не поощрялся. Но барон был тот еще самодур и не слушал никого.

Бедная Кларисса забеременела и родила ребенка, девочку. Она попросила у барона разрешения покинуть башню, чтобы сходить в церковь и окрестить дитя. Но барон только захохотал и высказался в том духе, что, мол, зачем, если, когда подрастет, она будет жить в этой же башне и служить ему утехой. На следующий день Кларисса вместе с девочкой бросилась с крыши. Вот такая грустная история. Местные рассказывают ее с разными вариациями и с неизменным удовольствием.

- Бр-р, - Мириам зябко передернула плечами. – И правда, жуткая какая-то история. Значит, ваше семейное привидение – Кларисса.

- Сам не видел, - сдержанно отозвался Анри, - но старый дворецкий, который служил здесь, когда я был еще мальчишкой, не разрешал нам, детям, ходить в старую башню. Говорил, что Кларисса так и осталась там... И особенно она не любит мужчин рода Танье.

- Никогда и ни за что не разрешу Эмилю ходить в башню, - Мири захихикала, встала, прикрыв рот рукой, сделала вид, что подавила зевок. – Пойду я спать.

Анри подошел, поцеловал Мириам в лоб.- Спи спокойно.

Оказавшись в своей комнате, Мири заварила чай и села на кровать, грея ладони о кружку. Она ждала, и предчувствие не обмануло ее. Часы в коридоре пробили час ночи, когда кто-то тихонько стукнул в окно. Мири распахнула створку и в комнату вошла Марта. Как и в прошлую ночную встречу, экономка была одета в длинную ночную рубашку и теплый халат. Седеющие волосы заплетены в косицу. Она тщательно закрыла окно, задернула шторы и остановилась посреди комнаты, без улыбки глядя на молодую женщину, которая опять забралась с ногами на кровать.

- Я слышала, как хозяин рассказывал вам о Клариссе, - сказала мадемуазель Розен. – Но это не вся история. Перед тем, как покончить с собой, Кларисса прокляла род Танье. Она пожелала, чтобы все девочки в этой семье рождались уродами или безумными, чтобы впредь никому не повадно было возжелать их. И проклятие исполнилось. Сколько бы дочерей не рождалось в роду, ни одна не доживала до трех лет.

Мири замерла. Сердце ее колотилось, а мысли серыми мотыльками метались в голове. Инстинктивно она прикрыла живот руками и пробормотала:

- Я не знаю, кто будет – мальчики или девочки.

- Двойня? – Марта смотрела на нее красными то ли от бессонницы, то ли от слез глазами.- Молитесь, чтобы это были мальчики.

Она повернулась было к двери, но Мири позвала:

- Марта, подождите! Я хочу вас спросить... сказать. Я все время вижу сон. Кошмар. Он про одно и то же...

Мадмуазель Розен вернулась и встала подле кровати. Глядя на нее снизу вверх, Мири торопливо рассказывала:

- Я вижу женщину в белом, которая выводит из башни девочек. Они все маленькие, лет по пять. В белых платьицах, с распущенными волосами. Они гуляют в саду... водят хоровод... но никогда не улыбаются.

Она осеклась, чувствуя себя глупой и испуганной одновременно. Марта вздохнула, прямые плечи ее поникли, она опустилась на стул и сложила руки на коленях. Сухие пальцы с коротко остриженными ногтями теребили ткань халата.

- Это Кларисса, - сказала Марта тихо.- Она присматривает за девочками, за дочерьми рода Танье. Я тоже иногда вижу их... поэтому и не уехала отсюда. Не смогла оставить Мадлен.

- Мадлен?- Эхом повторила Мири.

- Мою девочку... - Марта смотрела в темное окно и глаза ее были сухи, должно быть, за долгие годы она выплакала все слезы.

- Я была любовницей Анри... Месье Танье. Графа Танье. Сейчас странно даже вспоминать, но когда-то я была молода... неплохо играла в теннис и училась в колледже. На теннисном корте мы и познакомились. Просто он был так хорош... и мы были молоды. Я собиралась стать экономистом. В молодости кажется, что все возможно. Стать чемпионкой по теннису. Получить диплом экономиста. Или выйти замуж за графа и стать хозяйкой замка. А потом я забеременела. И он привез меня сюда. Сказал, что женится, если я рожу ему сына. А родилась Мадлен. Я родила девочку. Прямо здесь, в замке... он пригласил своего врача, не позволил поехать в больницу. Впрочем, родов я не боялась. У моей матери было шестеро детей, и после второго она бросила куда-то спешить и ездить. Я принимала у нее роды и знала, что ничего страшного со мной не случится, что я здорова и смогу родить так же, как моя мать. Я и родила... легко, часа за три, без особых болей. Анри сразу подхватил ребенка, я видела, как он изменился в лице, увидев, что не получил желанного сына, унес ее, забрал ... сказал, что она умерла при рождении, задохнулась в пуповине. Но она плакала, когда он ее уносил, я слышала... тоненький жалобный писк, словно щенок скулил... Потом я узнала про башню, про проклятие. Уехала отсюда. И вернулась через год. Ничего не могла делать: ни учиться, ни работать. Так и живу здесь... иногда вижу Мадлен.

- Вы их тоже видите?- переспросила Мириам, не зная, что и думать: то ли кошмар менее страшен, потому что его видит кто-то еще... то ли от этой сопричастности он становится более пугающим?.

- Конечно... - Марта повернулась к Мири, и та подалась назад, заглянув в глаза мадмуазель Розен: в глазах этих была тоска.

Тоска смертная.

Та, которую может унять только смерть.

- Зря вы сюда приехали, мадам, - тонкие губы экономки двигались едва-едва, но слова падали тяжелыми глыбами. - Если вы родите мальчиков, они станут наследниками и все будет... все у вас будет... Но если девочек, они отправятся к Клариссе. А вы будете плакать и вспоминать их. Или сможете забыть... Сможете?

Мириам сидела на кровати, слушала рассказ Марты и все меньше верила в реальность происходящего. Да и как поверить? Вот сидит напротив нее женщина, не старая, но кожа лица обветрена и словно истончилась, в углах рта горькие складки. Глаза... туманно голубые, белки в прожилках,

ресницы светлые и редкие какие-то. Волосы, когда-то темно-русые, сильно подернуты сединой. Мадемуазель Розен заплетает их на ночь в косицу, а днем укладывает в низкий пучок. Руки обветренные и покрытые скорее пергаментом, чем кожей. Такая самая что ни на есть обычная женщина с внешностью нормандской крестьянки. И вот она рассказывает жуткую историю, в которую невозможно поверить.

- Я не понимаю, - резко сказала Мири, пытаюсь найти логические нестыковки в истории мадемуазель. – Вы хотите сказать, что Анри убил вашу дочь?

- Если в роду Танье рождается девочка, то ее относят в подвал башни, - монотонно и почти равнодушно сказала Марта. - Под башней замка есть подземелье... Вход в него в старом зале, между портретами.

- И что?

- Лучше вам об этом не думать, мадам.

- Да нет, как же так... Почему вы не обратились в полицию? Не потребовали выяснить, что с ребенком?

- Граф Анри обедает с местным комиссаром полиции каждую вторую субботу. Кто бы стал меня слушать? Хотя я хотела, да... а потом увидела Клариссу. И она сказала, что позаботиться о моей девочке. И Мадлен стала приходить... такая хорошенькая, волосики светлые.

- Я бы не смогла так жить, - Мири только теперь поняла, что плачет и вытерла щеки ладонью. – Я возненавидела бы мужчину, который... из-за которого...

- У вас будет такая возможность... - жестко сказал Марта, и Мири, охнув, прикрыла живот руками.

- Я... не знаю, кто у меня. Может, мальчики. Но если и девочки, то я никогда не позволю вот так, без диагноза, распорядиться судьбой моего ребенка. - Она слезла с кровати и решительно заявила. - Думаю, мне нужно уехать отсюда.

- Глупости не говорите. – Марта тоже встала и автоматическими движениями принялась перекладывать вещи на бюро, наводя порядок. - Никто вас не отпустит.

- Как это?

- Вот так. Глоток вина с травами... успокоительное, прописанное доктором Рувелем. Милая женщина, да?

- Да, - растерянно отозвалась Мири.

- А ведь она тоже была любовницей Анри. Но так и не понесла. Поэтому они расстались... он сразу предупреждает, что женится только на той, что родит сына. Однако доктор и граф остались в прекрасных

отношениях. Вы же не думаете, что она случайно оказалась вашим врачом? О нет, за долгие годы господа Танье научились ничего не оставлять на долю случая. Даже если вы попадете в больницу... неужели вы думаете, они откажутся от своего? - Мадмуазель Розен усмехнулась.- Хотите, я скажу, что будет? Вы останетесь здесь. Подчинившись уговорам мужа и Анри, или действию трав, которыми приправлено вино... Хорошо-хорошо, - она подняла руку, отменяя возражения молодой женщины. – Не вино. Чай с травами. Соус к кролику. Вы знаете, что Анри закончил химический факультет? Нет? Он очень талантливый химик, уверяю вас... Ему нетрудно будет составить коктейль из препаратов, чтобы подавить ваши тревоги и вашу волю... Ничего радикального, ведь вы должны доносить детей. – Она оставила в покое бюро и переместилась к камину, поправляя статуэтки на полочке. - Так вот, когда начнутся схватки, рядом окажется доктор, которому вы доверяете, доктор Рувель. Она примет детей. А дальше... дальше по обстоятельствам... Но не стоит обманываться – решения о судьбе детей вы принимать не будете. Родившиеся в семье Танье принадлежат роду Танье.

Мириам села обратно на кровать, во все глаза смотрела на рассказчицу и не знала, что делать. Верить или не верить? Вполне возможно, что экономка безумна. Когда-то она, должно быть, потеряла ребенка, вот психика и не выдержала.

Мадмуазель Розен сделала шаг к кровати, и Мири невольно отшатнулась.

- Думаешь, я сумасшедшая? - экономка усмехнулась.- Так спокойнее, я понимаю.

И она ушла. Вышла в сад и осторожно прикрыла за собой раму французского окна. А Мири осталась, скованная ужасом. Она заставила себя встать, согреть чаю, мысленно пообещала себе, что завтра чай купит в городе сама... просто на всякий случай. И воду отныне – только бутылированную. Свет она гасить не стала, оставила неяркую настольную лампу. Завернулась в одеяло и смотрела в темный сад, даже не пытаясь уснуть. Одни и те же мысли вновь и вновь терзали ее измученный мозг. Может ли рассказ экономки быть правдой? Что будет с ее детьми? Знает ли Эмиль о том, что должно случиться? Нет-нет, это не должно случиться, все ужасы – лишь плод воображения несчастной женщины.

Она заснула через пару часов: организм нуждался в отдыхе. И сегодня сны не мучили бедную женщину.

Глава 5

Проснулась Мириам отдохнувшей. В саду сияло солнце. Цветы и прочие растения радовали глаз сочными яркими красками и божественными запахами. Все чушь, сказала себе Мири. Бред большого разума бедной Марты. Она немного нервничала при мысли о встрече с экономкой, но завтрак принесла горничная, а мадемуазель Розен мелькнула в конце коридора, сухо кивнув. Мириам с облегчением перевела дух и отправилась в сад. Прошла, взглянула на поля. Никогда не видела она более пасторальной картины: вдалеке пасутся лошади, по краю парка едет маленький трактор, негромко урча мотором. Сочно зеленеют луга, на самом горизонте можно различить шпиль церкви ближайшей деревушки и сгрудившиеся на склоне холма домики. И венчает пейзаж совершенно картинный небосвод. Чтобы всякая чушь не лезла в голову, надо заняться делами, и Мири отправилась обратно к дому. Устроилась на террасе и принялась за работу. Переписка с друзьями и любимое дело – вот лучшее средство от хандры. Часов в 11 заглянул Анри. Спросил, как она себя чувствует. Мири уверила его, что все нормально. Она прекрасно выпалась. Дядюшка буквально расцвел улыбкой и отправился по своим делам, весело насвистывая.

Ближе к обеду Мириам решила дойти до готического зала, который располагался рядом с башней. Я не боюсь, говорила она себе, идя длинным коридором-переходом. Это все бред. Эмиль никогда бы меня сюда не привез, если бы хоть слово правды было в рассказе экономки. И я пойду в этот зал. Там нет привидений. Зато полно готических мотивов: оружие, доспехи, резьба на мебели и стенных панелях. Я дополню свою ювелирную коллекцию элементами готики; сейчас это модно. Давно хотелось поработать с чем-то таким... захватывающе-средневековым. Вот, наконец, и зал.

Зал ничуть не изменился с прошлого ее прихода. То есть остался таким же мрачным и неприятным местом. Зияет черной пастью камин. Темные деревянные панели, пусть и покрытые красивой резьбой, поглощают свет и в углах лежат вечные тени, а комната обретает унылый вид. Мириам снимала элементы резьбы на панелях, затем подошла к лавке у стены. Вот она, самая что ни на есть готика... казалось бы. Почему же у нее присутствует странное ощущение неправильности? Молодая женщина рассматривала вырезанные головки химер на поручнях. Злобные, оскалившиеся... Но ведь так и должно быть... Она вспомнила один из любимых своих соборов: собор Святого Стефана в Вене. Вот уж странное место. Оформляя интерьер, архитектор изваял множество совершенно земных персонажей, даже себя, любимого, не забыл (человек, "выглядывающий из окна" под епископской кафедрой). Не позабыл он и о всяких чудовищах,

щедро населив ими серое нутро собора и наружные его стены. Впрочем, так было нужно. Химеры, горгульи и прочие страшилки отгоняли и отпугивали зло. Мири вдруг очень четко вспомнила, как любила девочкой сидеть на таких готических старых скамьях. Пальцем она обводила головки оскаленных химер и чувствовала себя... защищенной. Они охраняли девочку, выполняя свой долг.

Мири еще раз внимательно взглянула на стоящий перед ней образчик готической резьбы. Сфотографировала и вдруг сообразила: вот что не так! Головки хищных и уродливых тварей повернуты так, что они будут скалиться на сидящего, а не вовне, словно их задача сторожить пленника, а не прикрывать сидящего на скамье от опасности. Не ради охраны призвали этих тварей. Зябко поежившись, Мири двинулась дальше. Вот доспехи... Склонив голову, она рассматривала кучу металла. Ничего. Впрочем, вот здесь, на шлеме, интересный декоративный элемент... Так, сфоткаем и идем дальше.

В конце зала, вдали от окон, темнеет дверь. Анри рассказал, что за этой дверью лестница, ведущая в башню. Ходить туда не надо. Лестница старая, деревянная, ступеньки не очень прочные... надо бы плотников вызвать, да все руки не доходят. А Марта говорила, что вход в подземелье расположен в старом зале около портретов. Мири крадучись подошла к двери. Прислушалась. Ничего, кроме стука ее собственного испуганного сердца. Она с любопытством разглядывала массивные кованые петли и засовы. Два. Две тяжеленные щеколды. Башня лишь наверху, но под замком есть подвалы. Там хранится весьма солидная коллекция вина, этим хвастался Анри. А еще экономка говорила, что девочек относят в подземелье замка...

Мири попятилась. Ей немедленно почудилось, что за дверью кто-то есть. Даже слышалось тоненькое хныканье. Она отошла еще на несколько шагов. Теперь в поле ее зрения попал портрет справа от двери. Вернее, портретов было два. На том, что висит справа, можно разглядеть сурового и несимпатичного мужчину, одетого в темное платье... Может, он кажется таким мрачным, потому что краски поблекли, вон что-то тускло блестит... то ли цепочки на груди, то ли часть латного облачения. Слева, ближе к двери, висит женский портрет. Девушка в длинном светлом платье. Мириам подошла почти вплотную, вглядываясь в покрытый кракелюрами холст. Да, женщина, молодая. Волосы накрыты жемчужной сеткой. Лицо, словно преждевременные морщины, покрыли трещинки краски. И все же она напоминает кого-то. Мири вглядывалась в неясные черты. Должно быть, Анри... Это ведь кто-то из его предков. Взгляд метнулся к подписи под портретом. В правом нижнем углу вместо имени художника было написано

«Кларисса де Танье». Мириам попятилась. Кларисса? Та, что бросилась с башни и теперь бродит по замку привидением? Что мучает ее, Мириам, чуть не каждую ночь?

Она даже не заметила, как очутилась в саду. Вот почему лицо женщины показалось ей знакомым: она видела ее во сне. Именно эта женщина выводила девочек гулять. Из башни.

Мириам села на деревянную скамью, укрытую кустами... Постаралась сосредоточиться на пении птиц, жужжании насекомых и доносящихся издали звуках: ржание лошадей, шум мотора... У меня меняется гормональный фон, сказала она себе. Истерики и мнительность лишь следствия беременности. Надо позвонить Эмилю. Он такой надежный и спокойный. Пусть приедет. Когда она окажется рядом с мужем, все страхи исчезнут. А потом она решит, что делать. Может, поедет к морю. Как там говорила дочь папаши Арно: сидеть на берегу и есть сырых моллюсков?

Мири сглотнула слюну. Нестерпимо захотелось мидий. Решено, надо позвонить Эмилю! Мири достала мобильник, нажала на номер 1 (а под каким еще номером может быть записан муж)? Но чертов смартфон грустно пискнул и погас. Вот зараза, пробормотала Мири. Это из-за фотографий. Если много снимать, то разряжается он до неприличия быстро.

Она встала и решительно направилась к дому. Вошла в гостиную через распахнутое французское окно. Увидела телефон на столике и схватила трубку. Можно же позвонить Эмилю в офис... Мири поднесла трубку к уху и очень удивилась, услышав голос мужа. Хотела уже попросить приехать и мидии привезти... и замерла, сообразив, что Эмиль разговаривает с дядей.

- Какой смысл делать УЗИ где-то еще? – говорил Анри.- Доктор Рувель сообщит нам, как только что-то станет понятно. Послушай меня, на таком сроке пол ребенка можно определить только при помощи исследования внутриматочного материала. Но это своего рода вмешательство, а значит риск, что возникнет угроза для плода. Давай подождем.

- А вдруг опять девочка?- донесся голос Эмиля.

- Ну, это, конечно, будет неприятно, но мы справимся. Мы ведь сильные. Не всякий род смог бы и из проклятия извлечь пользу.

- Да, ты прав.

- Так что не нервничай, - уверенно продолжал Анри.- Не с первого раза, так со второго или третьего, но ты должен родить нам наследника.

- Да, дядя, ты прав. А как она... вообще?

- По-моему неплохо. Выглядит получше. Вино помогло, и она стала нормально спать. Вообще очень выносливая девочка.

- У нее телефон не отвечает.

- Да? Пойду поищу. Думаю, бродит в саду где-нибудь.

Они распрощались и, лишь услышав гудки, Мири положила трубку. С трудом разжала ладонь, только теперь осознав, что вцепилась в телефон изо всех сил.

Однако медлить нельзя. Анри сказал, что пойдет ее искать. Говорил он из кабинета, это через две двери от гостиной. Мири быстро вышла обратно в сад и вернулась на лавочку под кустами. Она успела отдышаться, когда на поляне появился Анри.

- Вот ты где, - сказал он.- Звонил твой муж и волновался.

- Почему? – она улыбнулась лениво, словно уже час провела на этой скамье и разомлела от тепла и запаха трав.

- Твой телефон не отвечает.

Мири вытащила из кармана мобильный.

- Опять разрядился, - она продемонстрировала дяде темный экран. – Надо купить аппарат помощнее. На днях съезжу в город и присмотрю что-нибудь.

- Хочешь, я сам? – тут же предложил Анри.

- Да мне все равно ехать... - Мири погладила себя по животу.- Надо кое-какую одежду купить, а то тесно нам уже. И мидий хочу страсть как. Зайду в ресторан. И если Эмиль выберется на следующие выходные, тоже пусть привезет моллюсков каких-нибудь.

Мирно беседуя, они вернулись в дом. Мири показала дяде последние эскизы, выслушала его замечания. Потом сказала, что нужно поставить мобильник на зарядку и позвонить Эмилю и ушла к себе.

Позвонила мужу. Пожаловалась на мобильный. Рассказала о том, что очень хочет мидий. И еще о том, что надо съездить в город купить кое-какие вещи. Что здесь здорово, и она решила сделать не одну, а две коллекции: готическую, благо образчиков тут навалом. И растительную. Цветы и травы просто завораживают.

Эмиль поддакивал. Не удержавшись, Мири спросила:

- Я тут думала, о том, что ты сказал... про сына. А если будут девочки, ты станешь любить их меньше?

В телефоне возникла пустота. Всего пару секунд. Потом муж бодро ответил:

- Ну что ты, милая. Просто... любой мужчина мечтает о наследнике. А мама о дочке, я понимаю. И я клянусь тебе – всех наших детей я буду любить одинаково.

Мири прошептала «Спасибо» и быстро перевела разговор на свои изменившиеся кулинарные пристрастия.

- Представь, вчера съела и свою порцию цветной капусты и еще у Анри половину отобрала.

Закончив разговор с мужем, Мириам села за стол, открыла ноутбук и устала на экран. Так, это эскиз золотого перстня (желательно в белом золоте), псевдоготический стиль выражается в дробленных гранях оправы, которая должна подниматься над рукой, имитируя готические колонны. Время от времени она что-то меняла в текущем эскизе. И думала. Думала изо всех сил.

Надо бежать из замка. Может, у нее паранойя, которая разыгралась на фоне гормональных изменений, да плюс такое старинное и недоброе место, тревожные сны и ужасная история, рассказанная экономкой. Пусть нет никаких оснований подозревать мужа и дядю. И разговор этот подслушанный ничего толком не объяснил. Да, они хотят получить наследника мужского пола. В этом ничего странного нет. Да, муж отреагировал на вопрос о дочках странно... но это опять же объяснимо. Однако, сказала себе Мири, если есть хоть полшанса, что во всей этой истории есть зерно правды... пусть только то, что мне придется рожать дома... это риск для детей. И я не имею права риском этим пренебрегать. Но все же, что же не так с девочками, которые рождаются в роду Танье? Может, какой-нибудь генетический дефект... типа гемофилии, которая передается по наследству, носителем дефектного гена является женщина, а болеют только мужчины. А здесь, наверное, наоборот. Но если Анри и правда химик, то есть человек, получивший высшее образование, а значит не дремучий деревенщина... подобное объяснение не могло не прийти ему в голову. А уж тем более Эмилю! Как-то все это очень странно... Они современные люди, есть медицина и генетические исследования. В конце концов, сейчас можно сделать ЭКО и гарантированно получить ребенка нужного пола.

С другой стороны, у каждого события должна быть внутренняя логика. Есть проклятие, есть его последствия. Но если можно завязать, можно и развязать... Неужели никто не пытался найти способ снять проклятие Клариссы с рода Танье?

Глава 6

Не в силах отбросить пугающие мысли, Мириам поспешила в кухню. Распахнула дверь, нашла взглядом экономку и выпалила:

- Скажите, неужели никто и никогда...

- Ах, - мадемуазель Розен обернулась на голос, глянула в испуганные глаза, которые казались непомерно большими на осунувшемся бледном личике. Руки ее разжались и конец фразы утонул в звонком БАМ, когда расписанная розами фарфоровая чашка ударилась о грубые плитки пола и разлетелась на множество осколков.

- Простите, мадам, это от неожиданности, - сказала Марта.

- Главное, чтобы мадам Танье не напугалась!

Мири вздрогнула и повернулась на звук незнакомого голоса. За кухонным столом сидела полная женщина и таранилась на Мири с нескрываемым любопытством.

- В вашем положении, милая, не стоит бегать и вообще куда-то спешить, - продолжала толстуха.

Мири охватила быстрым взглядом пышные формы, втиснутые в спортивный костюм жизнерадостного желтого цвета, пухлые щеки, маленькие серые глазки и когда-то золотые, а теперь поблекшие от седины волосы, забранные в хвост. "Тетка с рынка", решила молодая женщина. Перед теткой стояла чашка с чаем и вазочка с печеньем.

- Мадам Танье, это мадам Орбель. Она приходит два раза в неделю помогать по хозяйству.

Тетка кивнула и отхлебнула чай.

- Так что вы хотели, мадам? – как ни в чем не бывало спросила экономка.

- Я? Чаю... нет, какао.

- Хорошо. Куда подать напиток: в ваши комнаты или в столовую?

- Я буду у себя. Спасибо.

Когда Мири закрывала дверь, до нее долетел голос мадам Орбель:

- Вот, помню, когда я была беременна Эжени, то на шоколад вообще смотреть не могла. Ела все соленое и кислое. А вот когда носила Рене...

Мири поскорее вернулась в отведенные ей комнаты. Десять минут ожидания показались ей вечностью. Она постояла у окна, посидела за столом и в конце концов забралась с ногами на кровать. Но вот, наконец, на пороге показалась мадемуазель Розен. Она поставила поднос на стол, осторожно взяла чашку с какао и водрузила ее на прикроватный столик.

Мири схватила женщину за руку и, заглядывая в невыразительное лицо, спросила:

- Скажите, а в легенде ничего не говорится о том, как можно снять проклятие?

- Снять? Нет... - Марта высвободила руку, вернулась к столу, взяла поднос, и бросила внимательный взгляд на поникшую фигурку Мириам. Словно нехотя, она сделала шаг обратно к кровати и заговорила:

- Ходили слухи, что перед тем, как бедняжка Кларисса покончила с собой, она куда-то спрятала крыло ангела. Вот если б его вернуть, может, оно и справилось бы с проклятием.

- А что такое крыло ангела? – растерянно спросила Мири.

- Один из рода Танье участвовал в крестовых походах. Вернулся живым, болел много... но дожил почти до ста лет. Родил здоровых сыновей, хоть и был немолод. Говорили, он был одним из тех, что нашли Ковчег. И ему досталось крыло...

Видя, что Мири недоуменно хлопает глазами, экономка нетерпеливо спросила:

- Вы читали Библию, мадам?

- Да, конечно. – Мириам напрочь не помнила, что в Библии говорилось о ковчеге Завета, но зато в детстве она обожала фильмы про Индиану Джонса и потому довольно уверенно сказала:

- В Ковчеге хранились скрижали, которые Моисей получил... ну, от Бога. И ковчег был сделан из золота... И...

- Ковчег Завета описан в книге Исход, - назидательно произнесла Марта.- Он был обит внутри и снаружи чистым золотом. На крышке его по углам были фигуры херувимов, обращенных лицом друг к другу, "с простертыми вверх крыльями, покрывающими каппорет".

Мири согласно кивала, хоть и не знала, что это за каппорет такой.

- Вот люди и говорили, - продолжала экономка, - что крестоносец привез из своих странствий крыло ангела с Ковчега. И оно служило талисманом всему роду не одну сотню лет: Танье рожали здоровых детей, и в доме их был достаток. Когда Кларисса забеременела, граф принес ей крыло, чтобы беременность и роды прошли благополучно. А после ее смерти крыло не нашли. Пропало оно.

- А хорошо искали? – жадно спросила Мири.

- А как вы думаете? Все наследники считали, что от реликвии зависит благополучие рода. Последним искал, между прочим, сам господин Анри. Всю башню облазил со специальными приборами. Да только ничего не нашел.

- Но почему крыло обязательно должно быть в башне?

- А где ж еще? Кларисса из нее не выходила. Служанок застращали, да и обыскивали.

Мири молчала, лихорадочно обдумывая услышанное. Марта пошла к двери.

- Но вы, как вы думаете: если найти крыло, проклятие можно снять? - почти крикнула она вслед экономке.

- Ничто не устоит перед крылом ангела с Ковчега, ни одна злая воля, - убежденно сказала Марта, забрала чашку с остывшим шоколадом и ушла.

Глава 7

- Жак, брат мой Жак, что с тобой? – Филипп де Гротель с тревогой смотрел на Жака де Танье, который сидел в углу хижины, облаченный в кольчугу и шлем. Рука его судорожно сжимала рукоять тяжелого меча. Солнце уже клонилось к закату, но жара еще не отпустила землю из своих удушающих объятий, и в хижине было ужасно жарко. По лицу Жака тек пот, глаза лихорадочно блестели, сухие губы обметало налетом.

- Жак, друг мой, что с тобой? У тебя лихорадка? - Филипп, как и большинство других рыцарей, носил лишь панталоны, рубашку и жилет, вместо тяжелого боевого меча – длинный кинжал. А уж мысль о том, чтобы надеть шлем и железные поножи вообще приводила его в ужас. Если вечером или ночью становилось холодно, рыцари – таплиеры набрасывали шерстяные плащи с традиционными "круа патэ" – крестами, окончания которых расширялись, подобно птичьему хвосту.

Жак уставился на собрата лихорадочно блестящими глазами. Белки их были желтоваты, что выдавало наличие лихорадки, которая точила его изнутри.

- Это ад, - прошептал он.

- Что?

- Мы пришли в ад, - рыцарь с трудом пошевелился: латы давили, лишая его последних сил. Он постарался передвинуться поближе к Филиппу, который опустил на колени, чтобы лучше слышать. - Земля здесь красная, как кровь... а люди черны, как черти. Когда они улыбаются, их зубы и глаза блестят в темноте... А как жарко! Такая жара бывает только в преисподней... Но за что, Филипп? За что нас сюда? Разве плохо служили мы Господу? Разве мало неверных поубивали, когда брали Иерусалим?

- Мой бедный брат... - Филипп качал головой, с сочувствием глядя на Жака, тело которого сотрясала крупная дрожь. – Ты нездоров! Господь даровал нам испытание, отправив нас в эти земли. Но помнишь ли, ради чего мы отправились в Африку? Ради чего согласились служить местному принцу Лалибеле?

Жак молча смотрел на товарища. Тот придвинулся вплотную и, осторожно сняв шлем и головы де Танье, зашептал ему на ухо:

- Ради того, чтобы увидеть, своими глазами увидеть величайшую святыню христианского мира, которую укрыли здесь от неверных. Ради того, чтобы лицезреть его...

- Ковчег, - прошептал Жак.

- Да, Ковчег! Он стоит того, чтобы мучиться от жары и терпеть вокруг черные орды... ради него мы будем служить принцу, поможем построить храмы в этой странной красной земле. Он станет нашим другом, нашим братом. А потом...

- Потом, - Жак с жадностью внимал Филиппу, который потихоньку забрал у больного меч и теперь снимал кольчугу.

- Потом мы увезем его. Вернем святыню в нашу землю. И край наш возвеличится и станет выше Рима, выше Иерусалима. Наш орден...

- Наш орден будет править миром... - губы Жака еле двигались.

- Да, мой бедный брат. - Филипп потянул Жака к себе, коснулся губами холодного и липкого лба. - Приляг, брат. Я принесу тебе питье. Брат Марсель говорит, местные указали ему дерево, кора которого помогает от лихорадки. Мужайся брат, ибо миссия наша еще не завершена.

- Я выдержу, - Жак схватил за руку брата-рыцаря. - Я все выдержу. И мы вернемся домой. Да, брат мой?

Когда случай свел тамплиеров с принцем Лалибелой в Иерусалиме, они поняли, что это перст судьбы. Перед ними был человек, в чьей земле находился Ковчег Завета, давно утерянная святыня, завладеть которой тамплиерам хотелось не меньше, чем святым Граалем. А может, и больше, потому что Грааль вряд ли удалось бы использовать как оружие, а вот Ковчег доказал высокую боеспособность еще во времена осады Иерихона. Принц говорил на варварской латыни и ужасном греческом и рыцари-храмовники были первыми, кто разобрал, чем именно хвастается молодой человек.

А он, подогретый вином и вниманием, рассказывал о том, что его царство не менее важно, чем этот многолюдный Иерусалим. Ибо сам Господь отметил его, оставив на сохранение величайшую ценность – золотой ковчег. И если бы он, Лалибела, сидел на троне, как и должно быть, он бы позаботился, чтобы весь мир узнал об этом. Паломники потянулись бы в его царство, и оно стало бы богаче Иерусалима!

Так нет – трон отца захватил его сводный брат Харбай. Но у него, Лалибелы, тоже есть сторонники! И придет время, когда он сядет на трон!

Осознав, с кем имеют дело, тамплиеры окружили молодого человека заботой и участием. По мере возможности, вся информация была проверена. Выяснилось, что принц ничего не наврал: и на престол он права имеет, и Ковчег вполне мог оказаться в Эфиопии, когда возникла угроза для

Храма в Иерусалиме со стороны неверных. И вот, решением совета Ордена тамплиеров был сформирован отряд из верных рыцарей, которым поручили сопровождать принца в родные земли. Официально они ехали как специалисты по строительству храмов, так как принц дал обет построить десять христианских церквей, если Господь приведет его на трон. Неофициальная часть задания включала захват этого самого трона и свержение царя Харбая в пользу Лалибелы, который называл рыцарей "мои белые ангелы". И уж совсем тайная миссия тамплиеров заключалась в том, чтобы привезти Ковчег в Европу и передать его совету Ордена.

Испытание оказалось тяжелым. Жара, непривычная пища и отсутствие санитарии не одного Жака наградили лихорадкой. Однако рыцари две трети работы уже выполнили: они посадили Лалибелу на трон, и теперь под их руководством местные высекали в красной земле необычные храмы. Жак, который попал в отряд потому что был очень силен, а кроме того, умел читать, писать и даже математику немножко знал, переносил лишения с трудом.

- Почему мы их не строим на земле, как дома? – допытывался он, глядя на размеченный участок земли, место будущего храма. – Здание должно стремиться к небу, во славу Божию! Чтобы величие его было видно издалека!

- Здесь нужно учитывать местную природу, климат и желание заказчика, - толковывал ему Филипп.

Лалибеле было видение о том, как именно он должен выполнить свой обет, и он требовал, чтобы храмы высекались в земле, на берегу реки, которую переименовали в Иордан. При этом все десять строений должны быть соединены между собой и с дворцом сложной системой подземных коридоров и переходов.

Жак кивал, но про себя думал, что не дело это – закапываться в этот красный, цвета высохшей крови, камень.

И вот готов самый главный из 10 храмов, высеченный в форме креста. Филипп, докладывая королю о том, что храм можно освящать, спросил мимоходом, когда именно король планирует перенести в него Ковчег. Это был важный момент, ибо план, составленный храмовниками, был таков: Ковчег разместят в одном из новых храмов и оттуда его украсть будет вполне возможно, ибо планы всех подземных коридоров и переходов были в руках тамплиеров. А один коридор они строили вне плана и вел он в гавань, где всегда стоял готовый поднять паруса корабль.

И тут Филиппа ждал удар – махнув рукой, король Лалибела заявил, что Ковчег останется на месте, потому что так сказал хранитель. А с ним спорить никто не станет. Даже король. На все попытки Филиппа как-то повлиять на это решение, Лалибела лишь разводил руками и отвечал, что хранитель, он на то и поставлен. И говорит он от имени Бога. А потому спорить с ним бесполезно.

Осторожные расспросы показали, что хранитель – вовсе не придворная должность, как думали храмовники. Когда-то давно, когда Ковчег только поместили в свежепостроенный Кафедральный собор (который был тогда синагогой), доставившие его иудеи присматривали за сокровищем. Но они старились, а смена все не приходила (не до того было Иудейскому царству). Тогда велено было привести к зданию "чистых душой и сердцем" молодых здоровых мужчин. Из всех претендентов старик – хранитель отобрал десяток человек. Остальных отпустил, а избранные должны были сутки провести в одном помещении с Ковчегом. Потом их вывели из храма. В течение следующих трех дней девять человек умерло. Тот, кто выжил, и стал следующим хранителем. Он прожил жизнь длиной в три обычные жизни, почти не выходил из храма, мало говорил, пил только воду и ел то, что жертвовали люди. Потом выбрал себе приемника и умер. И так и повелось с тех пор.

Тамплиеры собрали военный совет. Долго судили и спорили, что делать. И большинство высказалось за то, чтобы попытаться захватить Ковчег силой. Идея не выглядела такой уж фантастической. Кафедральный собор охраняли десяток воинов- туземцев, вооруженных ножами и копьями. Караул они несли по очереди: пятеро отдыхают, пятеро охраняют.

- Если снять их всех по-тихому, - говорил Филипп, - то вполне можно обойтись без шума. Вынести сундук, погрузить на коней – и ходу к берегу. Пока очнутся и хватятся, мы будем далеко.

И план почти удался: они перебили охрану и рассыпались по зданию... и никак не могли найти Ковчег.

- Его нигде нет! – Жак в сердцах топнул ногой по каменному полу так, что эхо загудело вокруг.

- Не ори! – Филипп толкнул его в плечо. - Нужно искать... кто-нибудь видел лестницу в подвал? Не может быть, чтобы здесь не было подвала!

Конечно, они нашли подвал и там, в крошечном чулане, задвинутый в угол и накрытый старыми шкурами, стоял золотой ларец.

Кто-то забормотал молитву, но Жак рявкнул: - Некогда! Беритесь за ручки! Потащили!

Развернувшись в комнатухе было негде, и они изо всех сил тянули и толкали, пытаясь вытащить тяжеленную конструкцию на открытое место. И вот он уже подался, и рыцари приободрились было, вдели копыя охраны в золотые кольца и, подхватив ларец, устремились к лестнице. На верхней ступени этой недлинной лестницы стоял хранитель, держа в руках лампу. Свет от фитиля падал на его лицо и Жак успел удивиться тому, что кожа мужчины гладкая и без морщин... хотя местные говорили, что он охраняет ковчег вот уже почти сто лет... и в отличие от остальных жителей королевства, кожа хранителя была не черного цвета, а пепельно-серой. Он смотрел на них сверху вниз очень спокойно, а растерявшиеся храмовники замерли на месте и тоже смотрели: снизу вверх. Потом хранитель поставил лампу и, очнувшись, Филипп рванулся вперед. Но он не

успел. До того, как меч тамплиера вошел в грудь хранителя, тот ударил в гонг. Никто из них не понял, что металлическая стена, мимо которой они проходили в своих поисках – это гонг. И вот теперь удар вызвал звук – низкий, он не затихал, как должно было бы, но нарастал, становился выше и проникал внутрь людей. Мужчины зашатались, кто-то первым разжал руки и Ковчег тяжело упал углом на каменные плиты.

Кто-то крикнул "Бежим", его не услышали, но было понятно, что надо бежать: звук гонга должны были услышать не только в королевском дворце и казарме, но и во всем городе.

Позже Жак и сам не мог бы объяснить, что заставило его ударить Ковчег. Злость? Осознание неудавшейся миссии и близкого конца? Желание урвать хоть что-то от добычи? Святыня или нет – но эта штука была сделана из золота, это точно. Так или иначе, он схватил боевой топор одного из стражников, ручку которого использовали как шест для переноски, и со всей силы ударил по фигуркам ангелов, украшающих крышку Ковчега.

Он подхватил отломившийся кусок золота, сунул его за пазуху и побежал за остальными. Филипп пытался остановить панику, но его никто не слушал. Тамплиеров было двенадцать. До гавани добрались пятеро. Пережил морское путешествие и ступил на берег Европы только Жак де Танье.

Глава 8

Мириам выждала некоторое время, прислушиваясь к шагам экономки. Потом вышла в коридор и осторожно двинулась к старому крылу. Вот и холл. Тут как всегда полутемно. Она подошла к портретам. Так и есть, та блестящая деталь на груди у мужчины, которую она приняла за латы, наверное, и есть крыло. Размером оно, должно быть, с ее, Мири, ладонь. Выписана реликвия не очень тщательно... то ли художник не сумел передать тонкую работу, то ли видел артефакт лишь мельком... если вообще видел. Мири сделала пару снимков и перешла к портрету Клариссы. Теперь она рассматривала полотно внимательно. Красивая женщина. Надо будет узнать у дяди, когда написан портрет; при жизни или после смерти несчастной женщины. Художник запечатлел ее во фронтальной позе, одна рука прижата к груди (пальцы унизаны перстнями), другая лежит на подоконнике. Пальцы рук плотно сжаты. За окном, подле которого стоит Кларисса, виднеются деревья и каменная ограда, за ней какое-то здание, кажется, церковь... да ведь Мири видела это место, когда дядюшка катал ее по имению на гольф-каре! Впрочем нет, церкви она не видела...

С улицы донеслись голоса и шум машины, Мириам вздрогнула, оглянулась. Вроде пока никого. Она торопливо достала планшет и сфотографировала картину, а затем с максимально возможным приближением отдельные фрагменты полотна. Вернулась к себе и день пошел своим чередом: разговор по телефону с мужем, ужин с дядей, неторопливая вечерняя прогулка по саду.

Мири намеренно шла в сторону деревьев, что росли у полуразрушенной каменной стены. Летние дни длинные и на улице еще совсем светло. Старая кладка поросла плющом и вьюнком, чьи нежно-розовые цветы придавали серым камням самый романтический вид.

- Прелесть какая, - вполне искренне сказала Мири. – А это что за камни – там, за оградой? Похоже на надгробия.

- Это могила Клариссы. Помнишь, я рассказывал грустную историю про девушку, которую заперли в башне?

- Конечно, помню, но почему здесь?

- Самоубийц не хоронят на освященной земле. Даже граф, хоть и был сюзереном, не посмел пойти против обычаев церкви и похоронить свою дочь на кладбище. Вот и пришлось успокоить ее здесь. Там, правее, видишь, небольшой холм? Там была церковь, а за ней кладбище. Так что это место располагалось как раз за церковной оградой. Но церковь была деревянная, давно сгорела, кладбище забросили, могилы никто не посещал. Мой дед велел вывезти камни и разбить тут парк. Но могилу Клариссы не тронули, должно быть, боялись, что привидение обидится и сбежит. А что за замок без привидения?

Мири через силу улыбнулась, чтобы показать, что оценила шутку. Потом решила перевести разговор на другую тему и поинтересовалась, далеко ли до пруда. Помнится, они проезжали такой милый прудик или озерцо... вполне в духе Клода Моне. Дядюшка с готовностью предложил ей руку и уверил, что прогулка не займет более 15 минут.

Вечером, уединившись, она принялась рассматривать снимки... Крыло на мужском портрете толком не разобрать. Она пошарила в компьютере, поискала описание Ковчега и ангелов на его крышке. Выяснилось, что сам Ковчег давным-давно никто не видел, а в Библии, которая содержит подробнейшее описание устройства самого ларца, т.е. Ковчега, про ангелов говорится лишь, что они из золота и "с простертыми вверх крыльями, покрывающими каппорет", т.е. крышку. Надо же, мадемуазель Розен цитировала книгу Исхода почти наизусть.

С другой стороны... учитывая размеры Ковчега... она застучала пальцами по клавиатуре... ага, метр двадцать пять в длину и семьдесят пять

сантиметров в высоту и ширину, размер крыла вполне подходящий. Если художник передал размер верно, а не преувеличил или преуменьшил, чтобы не вносить дисбаланс в композицию.

Она опять уставилась на нечеткое изображение. Вряд ли это часть статуэтки с Ковчега... да и непонятно, куда делась фигурка самого ангела... И где второе крыло? Еще некоторое время она шарила в интернете, так и эдак формулируя запросы, пытаясь обнаружить хоть какой-то след статуэток, ангелов или хотя бы крыльев. Результат оказался равен нулю. Повздыхав и не придумав ничего интересного или многообещающего, Мири обратилась к женскому портрету. Долго смотрела на снимки и чувствовала, как искорки азарта колются внутри. Что-то все же есть на этой картине... Искусственность и странность. Напряженная, неестественная поза даже для портрета того времени. Она вывела на экран снимок, на котором крупно запечатлена рука Клариссы, прижатая к груди. Пальцы женщины унизаны перстнями. Это, в общем-то, означает лишь желание продемонстрировать довольство и богатство, но все же...

Мири постаралась увеличить изображение. Первый перстень вовсе без камня, зато на ободке кольца прикреплен женский символ: кружок с крестиком внизу. Никогда не думала, что в средние века носили такие кольца... вообще таких колец не видела, если честно. Потом кольцо с большим голубым камнем, потом с чем-то непонятным тускло-красного цвета, затем перстень тоже с красным, но этот раз блестящим камнем и на мизинце еще два кольца: тот же перстень с женским символом и кольцо с зеленым камнем. Вообще-то этот набор смотрится очень необычно, особенно два кольца без камней. Одинаковые. Мизинец Клариссы художнику так и вовсе пришлось удлинить, чтобы поместить на него все это богатство.

Мириам поймала за хвост странную мысль, покрутила ее в голове, пожалала плечами: почему бы и нет? Она нашла листок бумаги и начала выписывать названия камней по порядку: на большом пальце золото. На указательном пальце... что же это за камень? Опять увеличить, посмотреть, прикинуть огранку... пожалуй, топаз. А дальше? Что это такое за башенка, или пирамидка венчает надетый на средний палец перстень? Красный без блеска камень. Агат? Нет. Похоже на пластик. О! Может, коралл? На безымянном пальце рубин, это очевидно. Потом два кольца на мизинце: опять золото и, наконец, изумруд. Она увеличила изображение. Да, блеск и огранка однозначно свидетельствуют, что это изумруд. Теперь нужно прочесть послание, которое, как Мириам надеялась, заключено в наборе колец.

Мири где-то читала, что в средневековье люди, испытывая естественное желание сохранить свои секреты, постоянно изобретали какие-нибудь шифры. Существовала азбука жестов, движений веером, а также азбука цветов, так что с помощью тщательно подобранного букета можно было передать целое послание. То же относится и к камням. С их помощью можно было что-нибудь сообщить окружающим. Но Мири решила, что здесь речь не идет о толкованиях и символах, нет, если камни из перстней несут некое сообщение, то его должны доставить названия камней. Она уставилась на список: gold, topaz, coral, ruby, gold, emerald. Попробовала прочесть первые буквы, слога, но ничего осмысленного не получилось.

Мири взъерошила волосы, залезла в сумку, вытащила шоколадку и съела. Когда облизывала пальцы, ее осенило: она написала названия камней по-английски, хотя вряд ли Кларисса знала этот язык. Обозвав себя балдой, Мири переписала получившиеся названия по-французски и уставилась на то, что получилось. Если взять первые буквы, то получится: o (of золото), t(topaz), c(coral), r(ruby), o(ruby), e(emerald). Отсрое. И что? Нет такого слова. Бред! И идея с самого начала было бредовая.

Расстроенная, она легла спать. Ночь прошла спокойно и следующий день Мири так и этак крутила буквы, рассматривала фото, но ничего осмысленного получить так и не смогла.

Вечером за ужином дядюшка спросил, чем она расстроена. Мири мельком подумала, что даже в подростковом возрасте столько не врала, а потом принялась убедительно жаловаться, что эскизы украшений, которые она делает для своей готической коллекции, кажутся ей однообразными и она не знает, куда еще податься за вдохновением.

- Давай-ка я тебе кое-что покажу, - предложил Анри и после ужина повел ее в тот самый готический зал. Он взял с собой мощный фонарь и направил свет на одну из стен чуть выше своей головы. Оказалось, что в дубовые панели вставлены потемневшие от времени пластины с гербами.

- Это гербы всех родов Франции, с которыми когда-либо род Танье связывали кровные узы. Посмотри, какие узоры, как сочетаются щиты, башни, прочие символы и геральдические звери. Мне всегда казалось, что в повторяющихся и в то же время разнообразных и бесконечных сочетаниях есть своеобразная красота.

- О да, это здорово! И какой красивый шрифт они использовали, чтобы написать девизы! Но слова совершенно нечитаемы.

- Это латынь, - хмыкнул дядя. – В старые времена круто было знать латынь, вроде как сейчас английский. Кроме того, в разных провинциях

Франции языки существенно отличались, и овернец мог запросто не понять провансальца, так что требовалось нечто универсальное.

Мири подскочила на месте и даже тихонько ахнула.

- Что с тобой? – Анри впери́л в молодую женщину внимательный взгляд. – Ты побледнела.

- Э-э, простите, я... не надо было баранину есть на ужин, она слишком для меня жирная. Извините, но мне надо срочно... - Мири поспешила к двери.

- Скажу Марте, чтобы отнесла тебе мятного чаю! – крикнул дядюшка.

- Лучше ромашкового, - через плечо ответила Мири.

Для правдоподобия она заперлась в ванной и схватилась за планшет. Латынь! Универсальный язык многих веков! Так, все переписываем. Сперва золото. Или не золото? Ведь Кларисса выбрала не просто золотые кольца (да полно, были ли у нее два одинаковых кольца? Или женщина просто попросила художника написать то-то и то-то). Главное, видимо, не металл, а символ. Кружок с крестиком. Символ женственности, женского начала. Мири почесала за ухом. Может, Кларисса не нашла нужного камня? Тогда очевидно было бы взять понятный всем символ. А символ этот – астрологический и общечеловеческий и означает женщину, или деву. Пишем v(irgo). Дальше опять t, потому что топаз, он так чуть ли не на всех языках назывался. Потом коралл, coral...минуточку. Что-то там по латыни было другое. Она опять полезла в гугл. К этому моменту жесткие и непослушные ее волосы стояли дыбом, потому что молодая женщина то ерошила их руками, то чесала в затылке, то билась головой о планшет, злясь на собственную тупость и медлительность мысли. Ага, вот: коралл по-латыни excelsa. Рубин по латыни rubinus, что значит "красный", это она помнит. Опять то ли "золото", то ли "дева" и потом emerald, ах, нет, пардон, smaragdus. Если все-таки дело в золоте, тогда получается ateras. Запускаем переводчик... и видим, что такого слова нет. Но если исходить из предположения, что дело не в золоте, а в символе девы, тогда вообще чушь получается с кучей согласных букв: vtervs.

А может, тут как в иврите, где гласные приходилось подставлять... Она опять схватила отложенный было в сторонку планшет. Что, если подставить похожие по написанию гласные? Ну не нашла она понятных символов или камней на букву... U. Так, подставляем, получаем uterus, запикиваем это в словарь для верности, потому что Мири и так знает, что перевод... точно, "живот" или "чрево".

Мири откинулась назад, позабыв, что по-прежнему сидит на унитазе и треснулась головой о стену. Черт. Чрево, это, конечно, хорошо. Но в чем смысл послания?

Глава 9

На следующий день было воскресенье, и Анри с утра поехал в Ларок-Верне, ближайшую деревню, где в храме служили мессу, а потом вернулся домой и засел в кабинете с какими-то бумагами. У Эмиля обнаружились важные дела и в эти выходные он не приедет. Впрочем, это к лучшему, призналась себе Мири. Она довольно легко лгала и притворялась перед дядей, но опасалась, что мужа обмануть будет сложнее.

После неспешного завтрака Мириам устроилась на нагретой солнцем каменной скамье в саду. Села по-турецки (пока могу!). Закрывает глаза (длинные ресницы позволяют следить за происходящим вокруг). Руки лежат на коленях, дыхание ровное. Дыхательные упражнения и опыт занятий йогой (пусть и недолгий) помогли: она успокоилась. Сердце забило ровно. Через некоторое время Мири заметила тень, мелькнувшую в окне второго этажа. Дядюшка. Бдит. Вот черт. Хотя... может, он просто беспокоится, а вся история, рассказанная Мартой – бред больного воображения? И это якобы послание Клариссы, которое она вчера прочла по кольцам... Сегодня ей кажется, что все выводы притянуты за уши и получившееся слово лишь случайность. А сны... Ее, Мири, собственные сны? Ну, как человек разумный и образованный, она знает, что у беременных женщин нарушается гормональный баланс и это часто приводит к разного рода фантазиям... Действительно, у нее нет ни одного доказательства, ничего, увиденного собственными глазами. Есть сомнения и подозрения. И страх, страх, который сжимает желудок и толкается в сердце, стоит ей сбиться с дыхания. Если допустить возможность, что ее двойня – девочки? И они окажутся... больными? Генетический дефект... даже думать не хочется. Но если не думать, то альтернатива – отдаться на волю случая. Надеяться на мальчиков. На каком сроке УЗИ покажет пол ребенка? Кажется, с 16 недель можно что-то разглядеть, но при многоплодной беременности это труднее, чем обычно. Ее срок 12 недель, три месяца. Итак, согласна ли она ждать и доверить судьбу детей другим людям, неважно, каковы их намерения?

Нет. Это моя собственная ответственность. Мири не заметила, как руки ее сжались в кулаки, и ногти впились в ладони. Принять решение, от которого может зависеть жизнь ее детей... Она подумала об Эмиле. Было бы здорово опереться на его плечо, доверять ему. Но она не может, не может!

Если хоть что-то из истории рода Танье правда, то она обязана защитить своих детей. И сейчас ей первый раз предстоит принять решение, от которого могут зависеть жизни малышей... наверно, это и есть суть материнства... страшно как!

Успокоиться, успокоиться и все взвесить. Что будет, если девочки родятся больными? Мири выговорила про себя этот вопрос и вдруг поняла, что не может дышать. Она сделала над собой усилие, вернулась к дыхательным упражнениям. Привела в норму сердцебиение. Открыла глаза, дождалась, пока окружающий мир обретет четкость. Опять сомкнула ресницы, Сосредоточиться на том, что будет, если..? Она вспомнила женщину, которую видела несколько раз в своем московском дворе. Та гуляла с коляской. В коляске сидел мальчик, хотя по возрасту ему полагалось бы уже ходить в школу. Как-то Мири видела группу больных детишек на экскурсии в одном из музеев... С ними были родители и педагоги.

У меня есть преимущество по сравнению со многими, сказала себе Мириам. Я богата. Бабушка оставила мне около трех миллионов евро. Я хорошо зарабатываю. Случись что – у меня есть деньги на то, чтобы испробовать все возможные виды лечения... или просто обеспечить достойный уход. Что бы там ни было, я буду заботиться и любить. Я никогда не позволю отнести моих детей в башню и оставить там умирать.

Мири открыла глаза и пошевелилась. Тело ломило, словно она занималась атлетическими упражнениями или бегала с нагрузкой. Она хотела вытереть пот со лба и увидела кровь на левой руке: ногти слишком сильно впились в ладонь и прорвали кожу. Мириам рассеянно облизала ранку, сплюнула и встала. Надо залепить пластырем, а то одежду перемажу. И надо как можно скорее найти доказательства истории про привидение и проклятие. И если такие доказательства найдутся, то бежать отсюда.

Весь день она отдыхала, рисовала, работала над эскизами, как всегда поужинала с Анри. Показала ему кое-какие наброски готической коллекции. Дядюшка проявил должный интерес, долго разглядывал эскизы. После ужина зазвал Мири в свой кабинет и показал несколько прекрасных образчиков искусства готического периода: часть деревянного алтаря, покрытого позолотой, набор кинжалов с затейливыми рукоятками.

Он с улыбкой наблюдал, как вспыхнули глаза молодой женщины, порозовели щеки, а рот приоткрылся, как у удивленного ребенка. Она крутила в руках кинжалы, пальцы ласкали рукоять, касались вделанных в металл самоцветов, обводили каждый изгиб, каждую неровность металла.

Они распрощались поздно, и Мирим ушла к себе, унося снимки отдельных деталей произведений искусства, которые созданы были давным -давно, но пережили свое время, и, скорее всего, переживут и наше.

Оказавшись в своих комнатах, Мири огляделась, потом переслала все материалы со своего ноутбука на адрес Полины, попросив сохранить их на всякий случай. Потом она села на кровать и принялась ждать. Как ни странно, время шло довольно быстро и вот уже стрелки часов показали три... тот предрассветный час, когда силы зла на земле властвуют безраздельно. Еще молчат птицы и уже гаснут звезды. В саду туман обнимает кусты, превращая их в призрачных чудовищ. Впрочем, над центральным входом с дом горит свет. И на площадке подле башни тоже. Значит, снаружи в башню лучше не лезть, вдруг кто-нибудь заметит.

Она пойдет через готический зал. Мири встала, взяла набор инструментов, мобильник (там имеется функция фонарика) и вышла в коридор. Раз, два, три... тихие, осторожные шаги. Вот и двери в зал. Темные деревянные панели на стенах, узкие окна... господи, как же здесь мрачно. Она касается рукой стены и осторожно ступает по неровному каменному полу. Вот дверь в башню. Она закрыта, но все равно выглядит как мрачный темный зев, ведущий в чрево чудовища. Слева от двери портрет Клариссы. В темноте он кажется лишь мешаниной пятен. Мири осторожно тянет за кольцо, но дверь, как и следовало ожидать, заперта.

Инструмент ювелира не очень похож на орудия труда взломщика, но и в нем можно найти пару железочек, которые без труда открывают старый замок. Еще она побрызгала на петли специальным составом, и дверь открылась почти бесшумно.

Мири шагнула в темный коридор прежде, чем разум воспротивился безумному поступку. Она осторожно притворила за собой тяжелую створку, включила фонарик и увидела, что в двух шагах впереди начинается каменная лестница. Ступени ведут вверх и вниз. Она пошла вниз, держась за стену. Поворот, еще и вот площадка, от которой расходятся два коридора. Оба темные, без освещения, с низкими сводами. То есть она может двигаться нормально, но и Анри, и Эмилю (если он здесь бывает) приходится пригибать голову.

Мири двинулась направо и через несколько шагов уперлась в дверь. Замок на ней оказался вполне современным, но не очень хитрым. Еще копаясь в замочной скважине, она уловила запах чего-то... то ли лекарства, то ли химия. Приоткрыв дверь, направила луч фонарика вглубь помещения. Тускло блеснули металлические столы, приборы, полки с бутылками, коробками. На столах мониторы и опять приборы. Колба в штативе. Это,

должно быть, лаборатория Анри. Марта говорила, что он химик по образованию, да и сам дядюшка как-то упомянул, что довольно много времени посвятил химическому исследованию состава местных вин... Она отступила, заперла дверь, вернулась к развилке и пошла по коридору налево.

Здесь пахло сыростью и чем-то еще. Тленом. На этот раз идти пришлось дольше, но в конце концов луч фонаря осветил темные доски двери. Замка не имелось, только железный засов. Он оказался тяжелым, и Мири намучилась, отодвигая его. Но все же сумела справиться с древней железякой. Пока она тянула и толкала непослушную железку, то налегая на нее всем телом, то упираясь одной рукой в дверь, ее чувствительные пальцы нащупали неровности на дереве и металле. Присмотревшись, она увидела на щеколде символы. Похоже, их наварили сверху, на старый металл. И на двери тоже что-то вырезано... Она водила пальцем по потрескавшейся древесине. Знаки состоят из палочек... это руны. Кто-то пытался защитить вход... или запечатать его?

Глянув под ноги, Мири увидела выцарапанную на каменном полу пентаграмму, краем уходившую под дверь. Она толкнула створку, сделала крохотный шаг вперед и остановилась на пороге. Направила фонарик вглубь помещения. И чуть не заорала в голос, увидев лежащие на столах тела. Потом все же сообразила, что это склеп и посреди него стоят саркофаги; каменные усыпальницы. На крышках нескольких саркофагов по средневековой моде вырезаны из камня фигуры людей. Мири вытянула шею, сясь разглядеть получше. Так, вон рыцарь с мечом, потом дама, а дальше не видно кто... Надо бы подойти и посмотреть... Она бросила взгляд под ноги и увидела, что стоит в рамке пентаграммы.

Честно, никогда, несмотря на свою богатую приключениями жизнь, не верила она во всякую магию и прочее... Но вот как-то очень не хотелось ей пересекать черту. Что-то коснулось щеки... ветер? Сквозняк? Мириам потянула носом. Нет, даже этот сквозняк пах тленом, не чувствуется здесь притока свежего воздуха. Тогда откуда ветер? Стараясь не думать о страшном, она зашарила лучом фонарика вокруг. В стене слева, начинаясь всего в нескольких шагах от двери, обнаружили вырубленные ниши. Словно полки в два ряда, они вели вглубь, где свет фонарика пропадал, споткнувшись о плотный мрак. В нишах стояли деревянные ящички. Сперва у нее мелькнула мысль о сокровищах, но тут же Мири сообразила, что это такое. Это гробики для младенцев. Нет, сказала она себе. Я не смогу заглянуть внутрь. Сердце колотилось как бешеное, тело покрылось холодным потом. Ей показалось, что на ближайшем ящичке что-то написано. Она

подалась вперед, напрягла зрение... Имя и дата. Розали. 25 октября 1971.
Почему эта дата знакома?

25 октября... это день рождения Эмиля, ее мужа!

Телефон выпал из дрогнувшей руки, фонарь погас, и все вокруг погрузилось во тьму. Мири испуганно охнула, опустила на корточки и зашарила руками по полу. Но ладони нашли только пыль, песок и шершавый камень. Должно быть, телефон отлетел дальше. Если сделать шаг вперед... ей показалось, что тьма вокруг уплотнилась. Вот что-то слабо замерцало перед глазами. Это от темноты и прилива крови, такое бывает, сказала себе Мири. Но ей стало страшно, так страшно... Еще чуть-чуть и она грохнется в обморок: голова стала легкой и закружилась... Нет, только не упасть вперед! Живот вдруг свело болью, и эта вспышка вернула Мири разум. Она протянула руку назад, вцепилась в косяк двери, медленно встала и, пятясь, вышла в коридор. Закрыла дверь, не стала возиться с засовом и медленно двинулась в обратный путь, держать одной рукой за живот, а другой – за стену. Мысленно она мурлыкала старую, услышанную когда-то в детстве песенку:

- Au clair de la lune

Mon ami Pierrot
Prête-moi ta plume
Pour écrire un mot
Ma chandelle est morte
Je n'ai plus de feu
Ouvre-moi ta porte
Pour l'amour de Dieu²

При свете Луны,
Пьерро, друг мой,
Одолжи мне своё перо,
Чтобы кое-что написать.
Моя свеча погасла,
У меня больше нет огня.
Ради Бога,

Оригинал: http://fr.lyrsense.com/carmen_campagne/au_clair_de_la_lune

Copyright: <http://lyrsense.com> ©

Глава 10

Мири добралась до своей комнаты без приключений, свернулась калачиком на кровати и неожиданно провалилась в темное, лишённое снов забытье.

Утром ее разбудила экономка.

- Мадам, уже девять часов. Вы хорошо себя чувствуете? – спросила она, когда Мири, напуганная неожиданным прикосновением, села и уставилась на нее бессмысленным, но полным ужаса взглядом.

- Да... я что-то заспалась, - выдавила молодая женщина, с трудом приходя в себя.

- Принести вам завтрак?

- Да, пожалуйста.

Посмотрев в зеркало, Мириам выяснила, что выглядит она сильно так себе. Бледная, под глазами круги. Ну, это ничего. Гораздо сильнее ее напугал вчерашний спазм внизу живота. Мириам пила чай и думала. После вчерашнего похода в подземелье она абсолютно уверилась, что нужно уехать из замка. Уехать, не дав никому шанса остановить ее. Хорошо бы иметь союзника. Можно ли довериться Марте? Поразмыслив, Мири решила не рисковать. Лучше быть осторожной.

Она вспомнила бабушку. Вот кому можно было доверять безоговорочно: бабушка спрятала бы, уберегла, защитила. Но нет ее больше, умерла два года назад. Мири тихонько всхлипнула. Как так получилось, что нет никого, к кому можно обратиться за помощью? Названный брат где-то в России, на Алтае. Муж... не буду я думать о муже. Друзья... все они знают Эмиля и решат, что у нее психоз. Он такой положительный, нормальный, состоятельный и состоявшийся человек: немислимо связать его с историей о привидениях и гробах в подземелье. Значит, надо действовать самостоятельно. Мири вытерла слезы. Мужчин она обманет, потому что ни один мужчина не сравнится с женщиной в притворстве. С женщинами будет труднее, но она сделает и это.

Она позвонила врачу, пожаловалась на спазм. Доктор Рувель велела лежать, сказала, какое лекарство выпить и пообещала заехать ближе к обеду.

- Ну что вы, Мириам, мне не трудно, а вам не стоит лишний раз трястись по сельским нашим дорогам. Пошлите кого-нибудь в аптеку и лежите. Если спазмы повторяются, звоните мне.

Мири выполнила все, как было велено. Анри навестил ее, лично занес доставленное из аптеки лекарство. Потом звонил Эмиль и спрашивал, не нужно ли ему приехать. Решили, что Мири перезвонит после визита врача, и тогда, если потребуется, он все бросит и приедет.

- Кстати, а почему твой мобильный не отвечает? – спросил муж.

- Ой, только не смейся... я его утопила.

- Как это?

- Ну, знаешь тот пруд, что за тисовой аллеей? Там такие цветочки красивые... Я потянулась сфоткать... на приближение. И уронила его.

- Что с тобой, Мири, делать? За цветочками она потянулась! А если бы ты сама туда нырнула?

- Ну не нырнула же...

- Хорошо, я попрошу Анри восстановить тебе номер и купить телефон.

- Спасибо.

Доктор Рувель явилась к трем часам дня. Мири невольно вздрогнула, когда она появилась на пороге: высокая, в отлично сшитом сером костюме с пышной блузой лавандового цвета. Тонкие кружева пенились на высокой груди и в узких рукавах пиджака. Она поздоровалась, решительно закрыла дверь перед носом замершей на пороге горничной и, присев на край кровати, поинтересовалась:

- И что это вы, милая, вздумали хандрить и всех пугать?

Расспросила Мири, осмотрела. Потом порекомендовала не заниматься пока йогой. Мири согласилась. Спазмы не повторялись и все постепенно успокоились. Доктор согласилась остаться на чай. Они говорили о местном варенье, фруктах, климате. Мири соглашалась, что да, это место настоящий рай, особенно для детей. Кто купил виллу в соседнем городке? Замминистра? И даже русские уже проявляют интерес к недвижимости?

Они распрощались почти как подруги, и Мири пообещала через пару дней заехать – просто на всякий случай – показаться еще раз. Прощаясь, доктор поинтересовалась, где Анри? Мири не знала. Ну, это неважно. Я привезла ему образцы, которые он заказывал в нашей лаборатории, поставлю сумку в кабинет. Глядя в окно, Мириам видела, как мадам Рувель забрала из машины и отнесла в дом сумку. Вернее, ящик. В кино в таких транспортируют органы для пересадки или химическое оружие.

О да, сказала себе Мири, решительно задергивая шторы и отходя от окна. Химическое оружие – самое то, что надо.

Она изо всех сил старалась вести себя пайнкой. Эмиль, успокоенный ее звонком, пообещал явиться в выходные. Мири отправилась

на свою любимую террасу, поставила на столик ноутбук и невидящими глазами уставилась на эскизы. Может, все же паранойя? Немыслимо представить мадам Рувель в роли убийцы... такая милая женщина, прекрасный врач... Но подвал-то был. В этом, к сожалению, сомневаться не приходится: она своими глазами видела те ящички... Мысли Мириам вернулись к крылу ангела и слову "чрево", которое она якобы прочла, следуя азбуке камней. Принимая логику происходящего, нужно признать, что ей очень и очень важно отыскать пропавшее крыло ангела. Это поможет детям. Не будем о здравом смысле. Чудеса случаются и, когда речь идет о жизни и здоровье малышей, нельзя пренебрегать ничем, даже мистической возможностью снять проклятие.

Итак, что это за чрево и как оно может быть связано с крылом? Мири задумалась. На ум приходила лишь одна ассоциация – "Чрево Парижа", известный роман Эмиля Золя. Ну, то есть сама Мири его не читала, но что-то такое они в школе проходили... или бабушка рассказывала? Ну, ок, гугл... Так, роман написан в 1871 году, "Действие романа происходит в середине 1850-х годов в условиях становления режима Второй империи. Название романа отсылает к Центральному продовольственному рынку, вместе с прилегающими к нему кварталами служащим местом действия произведения. Это первое произведение Золя, в котором изображается не только средняя буржуазия, но и низшие слои населения..." Спасибо, Википедия, но к чему все это, если Кларисса умерла задолго до того, как писатель Эмиль Золя появился на свет? Нет, дело должно быть в другом.

Поломав голову еще некоторое время, Мири отправилась на поиски мадемуазель Розен. Та отыскалась в кладовой подле кухни, где распекала горничную за рассыпанную крупу. Заметив Мири, экономка отослала девушку и, сложив руки поверх фартука, сухо поинтересовалась:

- Что угодно мадам?

- Марта, вы простите меня, что отрываю вас от работы, но я все думаю... а вы не знаете, когда и кем был написан портрет Клариссы?

- Портрет? – мадемуазель удивленно моргнула.- Ну, сколь помнится, господин Анри рассказывал, что портрет заказал ее младший брат, наследник рода Танье. Когда бедняжка покончила с собой, он был еще мал и очень любил старшую сестру. Говорят, убивался после ее смерти ужасно. Портрет он заказал, когда был уже стариком, наверное, из сентиментальных соображений. Он же запретил когда-либо тревожить могилу Клариссы.

Она умолкла и уставилась на Мириам.

- Ага, - протянула та, - спасибо...

Заглянув по дороге в столовую и прихватив пару яблок из большой серебряной вазы, Мири вернулась на террасу. А что, если крыло забрал мальчик, который тосковал без любимой сестры? Не захотел отдавать его отцу, который был виновен в ее смерти. А потом... потом он его спрятал. И тогда слово зашифровано в картине по его воле. Но до Золя и Парижа все равно далеко. Что же, черт возьми, означает слово "чрево"? Чревовещание? Чревоугодие? Чем дальше, тем бредовей.

Ночью она опять увидела девочек и Клариссу. Теперь Мири знает, что одну из девочек зовут Мадлен, а другую – Розали. Она вглядывается в бледные личики и зовет: "Розали!" Одна из фигурок отделяется от призрачного хора, приближается к ней. Мири силится разглядеть черты лица, но они плывут, не обретают четкость, словно меж ней и девочкой завеса дождя или слез. Розали манит ее, идет куда-то. Неуверенно, Мири спешит за девочкой и вот уже они подле ограды. Тонкая ручка указывает на надгробие, а потом девочка взмахивает рукой, и Мири понимает вдруг, что это не рука, а крыло. "Крыло ангела?" спрашивает она. Фигурка кивает и опять показывает на могилу. А потом, словно вспугнутая пташка, спешит прочь, обратно к башне замка.

Мири проснулась, налила себе чаю и устроилась на кровати с твердым намерением не спать до утра. Чем дольше она думала о своем сне, тем больше крепла ее уверенность, что мальчишка спрятал крыло на теле сестры. Или знал о том, что там его спрятал кто-то другой. И не случайно на портрете рука Клариссы указывает за окно, туда, где... Минутку! Мири защелкала клавишами компьютера. Открыла фотографию картины. Вот этот фрагмент. Так и есть: за оградой четко виднеется отдельно стоящий серый камень надгробия самоубийцы, и вытянутые пальцы Клариссы указывают точно на него.

Мириам встала, завернулась в плед и вышла на террасу. Уже рассвело, но сад еще дремал в утренней дымке, а в доме было тихо-тихо.

И что же теперь делать? Вскрыть могилу? Бр-р, ужас какой! Да черт с ним, с ужасом, но она физически не сможет этого сделать. Выкопать гроб... хотя зачем же весь гроб? Достаточно сделать шурф, т.е. выкопать вертикальную яму в земле. Трудновато будет рассчитать место, где именно нужно копать.

Мири очнулась и огляделась вокруг, испуганная, что кто-то может догадаться о ее мыслях. Может, я сошла с ума? Сажу в красивом саду, вокруг поют птицы, по небу бегут чудесные пушистые облачка. Собственно, не бегут, а плывут, потому что ветерок совсем слабый, теплый, ароматный. А я думаю о том, как буду раскапывать могилу несчастной

женщины, покончившей с собой несколько сотен лет назад. Глаза Мириам наполнились слезами. Как же так вышло, что не у кого попросить помощи? Что попала она в ужасную западню, что окружающая ее пастораль – не больше, чем ширма. Красивая ширма. Но в этом открыточно-великолепном замке есть подвал, полный гробов. И хозяин замка – убийца, присвоивший себе прерогативы бога, решающий, кому жить, а кому нет. И она должна бежать, бежать ради себя и детей... но сперва нужно найти крыло ангела.

Легко ли раскопать могилу? Мири с содроганием вспомнила последние похороны, которые ей пришлось посетить. К сожалению, было это в России, а там нет таких милых кладбищ как в Европе. И сдержанности европейской тоже нет. Погост располагался за одним из новых районов. Был он огромен: кучка провожающих не менее получаса шла по аллее, широкой, как улица с двусторонним движением. Стояла промозглая осень. Октябрь отказался от золота, и все кругом было какого-то ржаво-серого цвета; ограды, пожухлые листья, истоптанная, испачканная трава. Мири помнит, как с ужасом смотрела на отвал земли подле свежей могилы: пласты, вывороченные лопатами, не распадались, так и лежали, словно нарезанный кусками непропеченный пирог. И было очевидно: вот она, та самая сырая земля, тяжкая, из-под которой не выбраться...

Хоронили они тогда кого-то из дальних родственников, и горя-то Мириам почувствовать не могла: она напрочь не помнила, встречала ли ушедшего при жизни, но все одно: тяжело и холодно было на кладбище, тоскливо и муторно на поминках. Серо-кирпичные лица людей, принявших "за упокой" еще до поминок. Воспоминания о чужой жизни и подспудная мысль о том, что и вспоминать-то не о чем... хотя грех так говорить: если человек жил, значит, так надо было. И были у него свои радости и печали, и след он какой-то наверняка оставил. Хотя прав, прав был поэт:

Спускаясь к Великой реке,
Мы все оставляем следы на песке.
И лодка скользит в темноте,
А нам остаются круги на воде...

Что-то я не о том, одернула себя Мири, чувствуя, как по спине пробегает озноб, словно она опять замерзает, как на том осеннем кладбище. Земля здесь, в этом саду, расположенном чуть ли не посреди Франции, легче.... наверное. Черт, я ничего не знаю о почвах, но готовиться надо к худшему. Если придется копать – чем я буду копать? Наверняка в саду есть сарай с инструментами... Но она понятия не имеет, где он. Мысленно Мири составила список необходимого: лопата, перчатки, фонарь.

Дождалась завтрака и сказала Марте, что проедется по соседним деревням, посмотрит виды, может, найдет какой-нибудь интересный ресторанчик, куда они с Эмилем сходят в выходной.

Экономка равнодушно кивнула, но Мири почему-то уверена была, что она упомянет о ее поездке в утреннем докладе Анри.

Первым делом она отправилась в крупный торговый центр. В принципе, и лопату и остальное можно было купить в ближайшей деревне, но Мири не хотелось рисковать, что ее увидит какая-нибудь мадам Орбель, или еще кто-то из obsługi замка. Все жители провинции жуткие сплетники. Они мало интересуются международными событиями или происходящим в столице, зато долго и с удовольствием обсуждают все, даже самые незначительные события местного значения. Итак, сверившись с навигатором, Мири без приключений добралась до торгового центра для садоводов. Выбор инструментов оказался огромен и молодая женщина растерялась. Оглядев ее хрупкую фигуру и понаблюдав пару минут, как нерешительно она берется то за одну, то за другую лопату, к Мири подошел пожилой консультант:

- Мадам решила заняться садоводством?

- Честно говоря, это разовая акция, - Мири улыбнулась как можно очаровательнее. Консультант был плешив, невысок, со впалой грудью и животиком обжоры. Но глазки у него были неприятно цепкие и внимательные. - Хотела порадовать племянников и устроить поход с поиском сокровищ. Ну, и в процессе они должны выкопать пару ям, но эти лопаты такие тяжелые...

- Позвольте, я подберу вам инвентарь, - месье направился к дальнему стеллажу и вернулся с небольшой лопаткой в руках.

- Прошу внимания, мадам. Телескопическая ручка, титановая поверхность легкая и прочная. Подобрать остальное?

- Э-э, а вы знаете, что мне нужно?

- Думаю, вам потребуются перчатки, фонарь и мешок.

- Мешок?

- А в чем вы понесете сокровища, мадам?

- Ах, ну да... хотя там не так много, такой игрушечный сундучок...

- То есть мешок не нужен?

- Ну, - Мири подумала, что лопату и все остальное в багажнике лучше чем-то прикрыть и пластиковый мешок в этом плане вещь полезная. - Давайте.

Продавец улыбнулся и быстро принес и сложил в тележку все нужное. Еще раз оглядел Мири и негромко сказал:

- Не забудьте, что фонарь нужно оставить открытым только с той стороны, которая будет освещать... поле вашей деятельности.

- Ага, - Мири кивнула, подумав, что сама нипочем бы не сообразила обратить на это внимание. Потом она испуганно уставилась на продавца и спросила:

- Мне кажется, мсье, или вы в чем-то меня подозреваете?

- Ну что вы, мадам! – он отступил, улыбаясь. – Просто если бы вы знали, сколько раз я продавал именно такой набор... Видите ли, тот, кто ищет сокровища и тот, кто хочет спрятать труп, покупают совершенно одинаковый набор инструментов.

И, чуть поклонившись, он поспешил прочь. Мири осталась стоять с открытым ртом и полным хаосом в голове. Потом она все же покатила тележку к кассе, утешаясь тем, что она-то труп прятать не собирается, скорее наоборот...

Дождавшись двух часов ночи, она оделась в темные джинсы и черный свитерок, прихватила из сумочки перчатки и, осторожно открыв французское окно, выскользнула в сад. Лопату и фонарь она еще накануне спрятала у дороги, не решившись тащить сверток к ограде или к себе в комнату у всех на виду.

И вот она на могиле. Ночь выдалась довольно светлая, как это часто бывает летом, и Мири пока не стала зажигать фонарь. Она опустилась на колени перед надгробием, положила ладони на землю, зажмурилась и мысленно попросила у Клариссы прощения за то, что тревожит ее. "Но ты не сердись на меня, пожалуйста, - слезы потекли по щекам, и она смахнула их, не открывая глаз.- Это ради детей. "

Мири перевела дыхание, открыла глаза и потянулась за лопатой. Оглядела клочок травы перед старой серой плитой. Поморгала. Потерла глаза. Тихонько всхлипнула, убедившись, что по-прежнему видит нечто: туманный оттиск на траве, по форме напоминающий ладонь со сложенными пальцами. Крыло ангела. Значит, Кларисса не против, чтобы она, Мири, забрала талисман. Решив не тратить время понапрасну, Мириам взялась за лопату.

Легко ли раскопать могилу? Нет, чертовски нелегко. Да, земля не была такой плотной и сырой, как на том подмосковном кладбище, да, Мири копала небольшой шурф, сантиметров тридцать- сорок, да, она не боялась потерять направление, потому что оттиск крыла оставался на месте, но все же Мири казалось, что она умрет раньше, чем докопается до артефакта. А потом лопатка ударилась обо что-то и провалилась внутрь. Потеряв опору, Мири упала на землю, больно ткнувшись грудью и лицом в комки земли.

Встав на колени, Мири вытянула лопату и заглянула в яму. Странно, ей казалось, что должно быть глубже: тут не было и метра. Внизу тускло блестел металл. Мири сунула руку в отверстие, уже не думая о том, чего касаются ее пальцы – останков человеческого тела или еще чего. Нашарив что-то холодное и гладкое, она извлекла из могилы кусок золота. Осознав, что темнота летней ночи сменилась ранним, еще неярким утром, она рассмотрела артефакт, убедилась, что это именно крыло, кое-как забросала яму, утоптала землю, спрятала лопату в кустах и поспешила в дом. Несмотря на перчатки, руки ее болели, а одежда была перемазана землей. Мири запихнула грязные вещи в чемодан, и поспешила в ванную. Встала под душ и принялась отмывать себя и кусок золота, который извлекла из-под земли. Крыло было размером с ее ладонь, кончики перьев даже чуть длиннее. Вещицу эту отливали, и она оказалась тяжелой и плотной. Скорее всего, кто-то использовал острый тяжелый металлический инструмент, чтобы отломать крыло, позже рваные края заполировали, чтобы они не ранили кожу. К месту слома же неведомым умельцем были приварены два золотых ушка для цепочки или шнурка. Даже невооруженным взглядом было видно, что золото добавленное отличается от основного материала.

Мириам провела пальцами по изгибу, закрыла глаза и ощутила тщательно проработанный узор перьев. Человек, который изваял эту вещь, вкладывал в нее душу, да иначе и быть не могло: тот мастер отливал крылья для ангела. Закончив с водными процедурами, Мири надела чистые вещи и минут десять провела перед зеркалом, пытаясь привести лицо в порядок: постаралась замаскировать тональным кремом пару царапин на щеке и синяки под глазами, наложила румяна, чтобы не пугать окружающих своей бледностью. Подумав, она продела в ушки крыла шнурок, но надеть довольно большую вещь на шею не рискнула. Убрала в сумку и стала дожидаться завтрак.

Сегодня Мири должна явиться на прием к доктору Рувель. Перед отъездом из замка она вскользь заметила, адресуясь к мадемуазель Розен, что пройдет по магазинам и пообедает в городе. Зашла к дядюшке и спросила Анри, не нужно ли ему чего-нибудь.

Они мило поговорили, и Мириам отправилась к своей машине, помахивая на ходу дамской сумочкой. Визит к врачу прошел на удивление неплохо. Та констатировала небольшой подъем давления, но в целом осталась вполне довольна состоянием пациентки. Мири пожаловалась, что всю ночь видела во сне мидии и теперь собирается отправиться в ресторан, не дожидаясь обеда. Однако, попрощавшись с доктором Рувель и выйдя из клиники, она отправилась в банк. Вошла в прохладный зал, расположенный

в старом особнячке, подошла к девушке за стойкой, протянула свою карточку и попросила позвать управляющего. Вставив карточку в считывающее устройство, управляющий взглянул на сумму и условия вклада и бегом бросился встречать посетительницу. Препроводил в свой кабинет, придвинул удобный стул, уселся за свой стол и воззрился на солидную клиентку с отеческой улыбкой. Мири внимательно разглядывала его: солидный седой господин. Наверняка дружен с местной аристократией, не исключено, что и с дядюшкой Танье.

- Мне нужна вот такая сумма, наличными, - сказала Мири, начертив цифры на листочке. – Сейчас.

Управляющий поднял брови. Внимательно посмотрел на молодую женщину и, тщательно подбирая слова, спросил, не может ли он быть еще чем-то полезен. Служба безопасности банка состоит из профессионалов высокого класса. Также у него имеются связи в администрации города... практически во всех структурах...

- Не волнуйтесь, - отозвалась Мири.- Я не являюсь жертвой шантажа. Деньги нужны лично мне на собственные...экстравагантные нужды.

Управляющий если и не поверил, то навязываться не стал. Отдал распоряжение о деньгах и предложил чаю или кофе.

- Воды без газа. С лимоном. Благодарю вас.

Седой господин кивнул, повторил заказ в телефон. Улыбнулся и хотел было что-то сказать, но Мири невежливо его перебила:

- Я хотела вас попросить, господин управляющий банком, сохранить мой визит в секрете.

- О? - господин управляющий продемонстрировал вежливое удивление.

- Я знаю, что мои слова покажутся невежливыми и недостойными взрослой и рассудительной женщины, но... я рассчитываю на вашу скромность и разумность. Неумение держать язык за зубами может обойтись вам дороже, чем дружеские связи с местной аристократией.

Управляющий перестал улыбаться. Вошла секретарша с водой на серебряном подносе. Не успела за ней закрыться дверь, как на пороге возник сотрудник банка с требуемой суммой.

Мири встала, забрала конверт, поблагодарила, вежливо попрощалась и ушла. Седовласый господин некоторое время смотрел ей вслед, потом побарабанил пальцами по столу, покосился на телефон. Погуглил Мириам Гринберг. Покачал головой и решил, что тайна клиента – вещь священная. Даже если возникнет конфликт интересов, местное сообщество предпочтет неболтливому управляющему банком. И он не стал никому звонить.

Покинув банк, Мириам зашла в магазин, обзавелась минимальным багажом. Села за руль и довольно быстро, часа за два с половиной, добралась до Парижа. Очень хотелось заехать домой, но... это больше не мой дом. Там, где живет Эмиль Танье, не может быть места для меня. Она бросила машину на парковке у Северного вокзала. Подошла к выходу на площадь. Крепко прижимая к себе сумку, огляделась. Так, вон стайка подростков африканской внешности. Встретившись глазами с одним из них, Мириам кивнула. Через минуту, двигаясь самой что ни на есть расхлябанной походкой, двое отделились от группы и направились к ней. Мешковатые штаны, толстовки, кепки с дурацкими квадратными козырьками.... цепи на шее и запястьях. Нелепые, желающие внушать страх и жалкие своим невежеством. Однако она прекрасно знала, что недооценивать опасность стаи таких вот волчат не стоит. Поэтому Мириам стояла на месте, там, где ее мог видеть полицейский патруль, расположившийся на привокзальной площади.

- Чего желает мадам? – тот, что покрепче, оценивающе оглядел ее с ног до головы.- Травку? Мальчика?

- Мне нужен телефон.

- Какой?

- Чтобы работал.

- 150 евро и через час...

- 50 и сейчас.

- 100.

Она протянула руку. Подросток вынул из кармана и подол ей трубку мобильного.

- Скажи мне свой номер, - обратилась Мири к другому парню. Тот, переглянувшись с подельником, продиктовал цифры. Мири убедилась, что телефон работает и вынула из кармана заранее приготовленную купюру. Забрав деньги, подростки направились обратно к своей компании.

Взглянув на часы, Мири зашла в кафе на вокзальной площади. Села за столик в углу, настороженно рассматривая зал. Я устала, думала она грустно. Интересно, хватились ли меня уже в поместье? Она заказала кофе со сливками и сладкий десерт. Посмотрев на сочащееся медом тесто, пообещала себе пропустить ужин. Нашла в памяти ай-пада нужный номер и набрала его на купленном за наличные новом телефоне.

- Это Мириам, здравствуйте, Олег Иванович.

- И вам не хворать, - прогудел на другом конце насмешливый голос по- русски.

- Мне нужна ваша помощь, – она старалась, чтобы голос звучал твердо и уверенно. - Мне нужно попасть в Россию по любым документам, кроме своих.

- М? Как интересно. Минутку, – слышались неразборчивые реплики в сторону, шорохи, потом ее собеседник снова возник в трубке. – Что случилось-то? – по-прежнему лениво-насмешливо спросил он. – Вы кого-нибудь убили?

- Нет. Я поссорилась с мужем. Он хочет запереть меня, дожидаться, пока я рожу и забрать детей.

- Что-то неладно в Датском королевстве... то бишь в Евросоюзе. Это не так просто, вы ведь гражданка Франции. Да и связи у вас... Может, просто нервишки шалют? Говорят, у беременных это бывает. Соленые огурцы в шоколаде, мания преследования...

- А если и так? Я хочу, чтобы он меня не нашел. И я готова за это заплатить.

- Дорого? – теперь собеседник явственно хихикал.

- Я найду для вас Розу Тронхайма.

Мири слушала молчание в трубке, наполненное тяжелым дыханием тучного человека. Потом Олег Иванович спросил:

- Когда?

- Через год. Мне надо родить и устроить детей.

- Через го-од?

- Самое раннее – через семь месяцев. У вас есть более реальные предложения от кого-то еще?

Ее собеседник посопел сердито, затем сказал:

- Хорошо. Езжай в Швецию. Доедешь?

- Да.

- Оттуда позвони.

Глава 11

Когда Мири еще раз набрала тот же номер, Олег Иванович спросил:

- Ты хочешь в Москву или еще куда?

- Мне все равно. Нужно доносить и родить.

- И когда срок?

- В начале января.

- Ага... примешь мое гостеприимство?

- Да, - ответила Мири, не колеблясь.

- Ну и ладненько. Ты где?
- В Стокгольме. В кафе на Самуэльсгатан.
- Сиди и жди.

Минут через 20 к Мири подошел дядечка лет 55. Плотный, в кепочке, джинсах и клетчатой рубашке. На вид – типичный турист.

- Мадам Гринберг? – спросил он, и сразу стало понятно, что родился он не дальше 100 км от Москвы, такое звонкое "аканье" слышалось а его "ма-ада-ам".

- Да.
- Прошу вас, машина ждет.

Он подхватил ее нетяжелую сумку, открыл дверь и внимательно следил, как Мири переступает порог. Не телохранитель, подумала она. Профессионал смотрел бы по сторонам.

Они доехали до пристани, где Мириам осторожно пересадили на яхту. Мири с интересом оглядывала белоснежную красавицу. Она несколько раз бывала на вечеринках, которые устраивались на яхтах, да еще с друзьями как-то плавала вокруг греческих островов. Но этот корабль был и строже и шикарнее одновременно. Оценив роскошный салон, отделанный натуральным деревом и кожей, она хотела выйти на палубу, но дядечка, который до этого был ее шофером, торчал подле трапа.

- Не надо вам лишний раз на палубе показываться, - сказал он негромко, но как-то убедительно. – И команда не разглядит, и никто другой не заметит. Ступайте себе в каюту.

Мири подчинилась: после долгой дороги включавшей и переезды и перелет она чувствовала себя ужасно уставшей. Да и понервничала порядком. Оказавшись в роскошной каюте, она свернулась калачиком на большой и удобной кровати и уснула, едва заурчал мощный мотор.

Мириам проспала почти сутки. Проснулась утром, чувствуя себя отдохнувшей и зверски голодной. Села на кровати, выглянула в окно. Яхта стояла – вода тихонько шелестела у борта, слышалось пение птиц.

Дверь распахнулась. На пороге стояла уютная полноватая дама.

- Доброго утрачка! – сказала она приветливо. – Выспались?
- Да, спасибо.
- Чаю хотите?
- Очень.
- Сейчас-сейчас... Миша, неси чай! – крикнула она куда-то за спину.

Потом опять повернулась к Мири. – Как вы себя чувствуете?

- Нормально, вроде...

- Меня зовут Людмила Петровна,- затараторила женщина. Она все делала быстро, несмотря на полноту. Приняла поднос с чаем у Миши, который оказался вчерашним дядечкой-шофером и молча с улыбкой покивал Мири от двери. Потом Людмила ловко накрыла столик подле кровати и остановилась у двери, продолжая тараторить:

- Вот вы чайку попейте... не волнуйтесь, голодом вас морить не будем (должно быть, она перехватила разочарованный взгляд молодой женщины при виде тостов и меда). – Но нам на машине надо ехать, а после плотного завтрака растряссти может. Чай я заварила на свой вкус – черный, но не крепкий. Если вы любите зеленый, скажите какой. Олег Иванович поручил нам о вас заботиться. Я бывшая медсестра, 20 лет в отделении акушерства отработала. Потом присматривала за дочкой Олега Ивановича, когда она ребеночка ждала. Ну, и нянькой побыла на первых порах. Потом – то они за границу уехали. Миша – мой муж. Он бывший военный. Ну, и на все руки мастер: шофер и садовник и все по дому. Олег Иванович решил, что вам удобно будет в его доме. От Питера полтора часа на машине. Если чувствуете себя нормально – отдохните пару дней, а потом свозим вас в Клинику акушерства и гинекологии. Я-то, признаться, в другом месте работала, в институте имени Отта. Но сейчас клиника имени Крассовского в городе самая лучшая. Там договорено все, вас будут ждать. Олег Иванович сказал, что вы его племянница, документы ваши у меня.

Мири кивала, как болванчик. Вышла на палубу. Яхта стояла у причала. Кругом было тихо, на березках, свесивших ветви в воду, вперемежку шелестели золотые и зеленые еще листочки. Сероватая вода мягко толкалась в борт и рябью убегала в прибрежные камыши. Вверх от причала поднимался некрутой берег, дальше виднелись сосны и лес.

- А мы где? – спросила Мириам, принюхиваясь к прохладному воздуху.

- Недалеко от Выборга, - ответил Молодой человек, стоявший у сходней, должно быть, один из членов экипажа яхты.

На берегу небольшого заливчика ждал удобный внедорожник. И вот побежали вдоль дороги сосны, лесочки, озера, пустоши. Дачки и деревни.

И вот, наконец, дом. Сложенный из золотистых бревен двухэтажный коттедж стоял на большом – соток 50 - участке. Был он вполне европейской планировки: с большими окнами, бассейном и тренажерным залом в подвале. От самых ворот усыпанная сухими сосновыми иглами дорожка из каменных плит вилась мимо дома и до берега озера. На берегу – беседка со скамейками. Дальше еще пара таких же беседок, к которым выходили

тропинки от других домов. Самих домов, однако, видно не было: большие участки позволяли наслаждаться одиночеством.

Олег Иванович позвонил на следующее утро. Спросил, довольна ли она домом и прислугой. Мири поблагодарила: все чудесно. Он хмыкнул, потом сказал:

- Думаю, тебе надо связаться с родственниками или хотя бы с адвокатом семьи.

-Зачем? - вскинулась Мири.

- А ты поставь себя на их место. Муж тебя ищет, рассказывая всем, что у жены депрессия или психоз, вызванный беременностью...

- Нет у меня психоза!

- Это неважно. Если нужно, они надавят на врача, который тебя консультировал и тот все подтвердит... ведь подтвердит?

Мири кивнула, вспомнив доктора Рувель. Потом сообразила, что разговаривает по телефону и неохотно выдавила:

- Да.

- Вот и я так думаю. А дальше недалеко и до обвинения в похищении, если кто-нибудь узнает, что это мои люди вывезли тебя из Европы. Нам ведь это не нужно?

- Не нужно.

- Хорошая девочка. Думаю, имеет смысл поставить в известность родственников, что ты совершенно сознательно не желаешь общаться с мужем.

Может, он и прав, думала Мири. Она вдруг очень живо представила себе, как Эмиль сидит с несчастным видом в кабинете комиссара ... кажется, как-то она гуляла с Анри по деревушке, и он представил ей какого-то типа, сказав, что это комиссар местного полицейского управления "наш гарант безопасности и спокойствия". Точно, невыразительный такой господинчик, с прилизанными светлыми волосами, унылым носом и цепочкой от часов на жилете. Ну кто в наше время носит часы на цепочке?

- Значит, договорились? Михаил подключит твой телефон через компьютер... чтобы нельзя было отследить звонок. И говори сколько угодно.

Эмиль и Анри сидели в кабинете комиссара полиции. На столе лежало заключение доктора Рувель, которое комиссар бегло просмотрел. Теперь он слушал несчастного мужа и сочувственно кивал головой.

- Я бы не волновался и не стал выносить на люди наши семейные разногласия, - говорил Эмиль, - Мириам всегда была немного взбалмошной и порой даже... неуправляемой. Но я все равно ее люблю. А иногда, если хотите знать, даже жалею. Ее детство прошло в России. Мать никогда ею не интересовалась и девочкой Мири жила в чужой семье. Фактически, жена не поддерживает отношений с матерью... та сейчас живет в Америке, и я даже не знаю, сообщила ли ей Мириам, что ждет ребенка.

- Думаю, именно беременность повлияла на эмоционально неустойчивую женщину, - добавил дядюшка. – Доктор тоже так считает.

И комиссар кивает. Да и как не поверить словам графа Танье! Старинный род, местная аристократия, регулярно жертвует на нужды местной школы и в фонд помощи вдовам и сиротам полицейских. Само собой слухи о нем ходят разные: говорят, например, что он занимается нелегальной торговлей антиквариатом. Тут комиссар, может, и прислушался бы к сплетникам, но он регулярно играет с графом в гольф, и тот был так любезен, что пару лет назад, когда комиссар занимался отделкой дома, помог подобрать чудесную мебель в гостиную... и по очень божеской цене, учитывая, что мебель антикварная.... М-да. И вообще, кто станет верить глупым слухам? Чего только люди не болтают! Местные фермеры до сих пор шепчутся, что в поместье иной раз пропадают молодые девушки... и что в башне замка живет привидение.

Комиссар покивал головой и перевел взгляд на молодого Танье. Он навел о нем справки. Очень достойный человек, обеспеченный, партнер в солидной юридической конторе. И потянуло же его жениться на этой чудачке!

Комиссар бросил беглый взгляд на экран компьютера, где имелось фото Мириам, предоставленное безутешным мужем беглянки. На лице написано, что взбалмошная и своенравная. Волосы темные, непослушные и видно, что жесткие. Глаза, конечно, красивые, брови изящные, да... а вот губы, пожалуй, тонковаты.

Комиссар вздохнул и решил что как мужчина он Эмиля Танье, конечно, понимает. Вот один из его, комиссара, кузенов и вовсе женился на кореянке. И вроде вполне счастлив. Комиссар опять вздохнул. Как отец двух дочерей на выданье он предпочел бы видеть таких как Эмиль Танье на рынке местных невест, девушек из приличного французского общества. Так ведь нет, экзотику им подавай!

- Я не думаю, что имело место похищение... - продолжал Эмиль.- Скорее просто всплеск эмоций. И я не стал бы вас беспокоить, но речь идет о моих детях...

- Да-да я понимаю, - кивает комиссар.

А может, и похитили, думал он. Муж человек небедный, могут и выкуп потребовать. Или она сбежала. Или он ее убил. К сожалению, такой вариант тоже исключать нельзя.

- Не беспокойтесь, - сказал комиссар самым приветливым тоном. – Я наведу справки и объявлю мадам в розыск. Уверен, все будет хорошо, мы быстро отыщем беглянку, и вы сможете поместить ее... под наблюдение врача.

На следующий день комиссар позвонил Анри и извиняющимся тоном сказал:

- Думаю, месье, вам лучше забрать заявление о розыске жены вашего племянника.

- Почему? Что случилось?

- Я получил некоторые сведения... По данным родственников мадам, она приняла осознанное решение покинуть мужа, так как он выражал... - комиссар пошуршал бумагами и процитировал: - "Намерения и планы о будущем детей, несовместимые с моральными нормами мадам". Я разговаривал с адвокатом мадам Танье, и он намекнул, что она располагает доказательствами своих слов.

- Это чушь! – возмущенно воскликнул Анри.

- Не сомневаюсь, господин граф. Но... э-э-э, подавать в таких обстоятельствах заявление о розыске мне кажется неразумным. Я пока придержу его, а вы обсудите все еще раз с племянником. Думаю, на данный момент он также получил письмо от адвоката жены, так что... И мой вам совет: дождитесь, пока она родит, и, если она не успокоится, подавайте на развод и поднимайте вопрос об опеке.

- Спасибо за совет, - Анри в сердцах швырнул трубку в камин.

Комиссар повесил трубку аккуратно. Зачем же ломать казенное имущество? Честно сказать, после разговора с графом господин комиссар полиции испытывал некоторое злорадство. Он вспомнил телефонный разговор с адвокатом мадам Гринберг. Когда комиссар попытался что-то сказать о роли отца в делах не только воспитательных, но и денежных, адвокат холодно перебил его и заявил, что мадам Гринберг вполне может обеспечить детей, ибо размеры ее личного состояния превышают состояние месье Эмиля Танье. Намного превышают... И все необходимые

распоряжения об открытии трастовых фондов на детей уже сделаны. На имя каждого положен один миллион долларов. По нынешним временам не так много, но все же это дает общую картину, не так ли? Да, мадам Мириам оказалась не так проста, думал комиссар. Впрочем, если муж подаст в суд, процесс будет стоить обоим огромных денег: раздел детей нынче гораздо дороже раздела имущества.

Комиссар взглянул на часы. Скоро домой. Сегодня за ужином он позабавит жену рассказом о событиях в семействе Танье.

Поговорив с дядей, Эмиль не стал швырять трубку. Он находился в своем кабинете, который расположен почти напротив кабинета старшего партнера юридической фирмы. Так что не стоит проявлять несдержанность.

В тот день, когда Мириам отправилась в город, ни Эмиль, ни Анри не ожидали подвоха. Доктор Рувель отзвонила графу, как только пациентка покинула клинику. Она не вернулась домой к обеду, но такое бывало и прежде. Кроме того, Мириам предупреждала, что хочет морепродуктов и отправится на поиски какого-нибудь милого ресторанчика. Она не приехала к ужину и Анри заволновался. Ее мобильник был выключен. Граф позвонил Эмилю и тот первым делом связался с экстренными службами. Нет, в больницы и морги женщина с такими приметам не поступала. Анри заглянул в комнаты Мириам: вещи на месте, она уехала с одной дамской сумкой. Не похоже, что сбежала... И все же смутные подозрения точили его душу и, когда и утром никаких вестей не поступило, Анри сообразил спуститься в подвал и нашел на полу разбитый мобильник. Значит, она здесь была, видела их семейный некрополь. Остается открытым вопрос, как она вообще узнала, что именно хранится в подземелье башни? Фермеры и окрестные жители любят посплетничать и рассказать пару страшных историй, но не знают ничего определенного. Может, Марта проболталась? Или просто сработало извечное женское любопытство: узнать, что там, за запертой дверью? Впрочем, какая теперь разница...

Эмиль сжал голову руками. Он так надеялся, что все пройдет хорошо... на этот раз. Будучи человеком образованным, и, услышав от дяди о семейном проклятии, он вспомнил школьный курс биологии и что пол ребенка зависит от отца, и отправился к врачам. Господи, каких только анализов он не делал! Все исследования и генетические экспертизы стоили кучу денег. Врачи нашли несколько потенциально опасных генов, но

заявили, что такой набор есть почти у всех: возможность развития того и сего в зрелом возрасте. Но они не нашли ни единого гена, на который можно было бы указать пальцем и сказать: этот ген дефектен и поэтому ваш ребенок родится с такими-то отклонениями. Услышав о результатах исследований, вернее, об отсутствии каких-либо определенных результатов, дядюшка пожал плечами и опять принялся вещать о проклятии. Эмиль не верил... и верил. В какой-то момент очередной доктор упомянул искусственное оплодотворение как возможность выбрать пол будущего ребенка. Он тогда зацепился за эту мысль, но как объяснить жене? Глупо упоминать о проклятии, а болезнь ведь так и не нашли... Сейчас он вдруг подумал, что сваял дурака. Она ведь любила его. И, скорее всего, согласилась бы на процедуру. Эмиль закрыл глаза. В руках он бессознательно крутил предметы из роскошного бьюара: то брал глобус, украшенный полудрагоценными камнями, то перо, то нож для разрезания бумаг.

Я сам все испортил. Конечно, я могу завести детей с другой женщиной... но это потребует времени и душевных сил. И ведь он так привязался к Мири. Любил ее. Она такая ... нескучная. И красивая. И умная. Вспоминая жену, он вдруг подумал, что не в характере Мири оставить без последствий то, что она узнала про семью Танье. Может, предупредить дядю? Нет уж, черт с ним, старый идиот воображает себя чуть ли не алхимиком! Эти его махинации в подвале и снадобья, которые он готовит и пьет...

Открылась дверь, на пороге возникла его личная ассистентка, мадам Бернивели.

- Месье Танье, у вас через двадцать минут встреча с представителями Инкос Корпорейшн. Вы не запросили документы, и я взяла на себя смелость...

Глава 12

Письмо Карла Эдуарда Болина брату Генрику Густаву Болину, март 1834год:

" ... Пишу не просто, чтобы поведать о делах семейных, но и потому, что имею к тебе, брат мой, предложение самого делового и практического свойства. Как ты знаешь, женившись на Катерине Эрнестине Ремплер, дочери придворного ювелира императорского дома Российской Империи, господина Ремплера, я стал причастен к семейному бизнесу. Господь милостив ко мне, (хотя как добрый христианин я знаю, что большая удача порой бывает лишь началом испытания еще большего). Однако же,

нанимаясь бухгалтером, мог ли я предположить, что найду не только счастье семейное, но и стану совладельцем компании наикрупнейшей! Второй совладелец – тоже зять господина Ремплера, взявший в жены Софию, сестру моей Катерины, Эрнст Ян, человек достойнейший, родом из Саксонии.

Как истинный немец, он ведет дела фирмы с тщанием и аккуратностью, которой могли бы поучиться многие в этой стране. Я же, всецело доверившись его деловому чутью, все больше уделяю внимания оценке камней и ювелирным работам. Дела наши идут хорошо, так хорошо, что мастерскую и магазин держим на Невском проспекте, а мастеров мы нанимаем не только русских, но и выписываем из Франции и Италии, а от заказов отбою нет.

Грешно хвастаться, но талант мой был не единожды оценен государем, который тоже не обходит нас своими заказами. Ездили мы на выставку в город Лондон, где нас, российских ювелиров, и не ждали вроде. Ах, брат мой, если бы ты видел, как задирали нос французы! Чисто павлины: и каблуки у них самые высокие, жилеты самые пестрые, а усы напомажены сверх всякой меры! Все они пользуются духами и притираниями, отчего дышать порой бывает затруднительно. А только как они ни пыжились, всеми признано было, что наши украшения превосходили совершенством оправы все другие представленные на выставке предметы.

Так вот, брат мой, я и подхожу к предложению, которое, хочу надеяться, ты не откажешься принять: если нет такого дела, которое удерживало бы тебя в родной Швеции, хотел бы я видеть тебя здесь, в России, помощником своим и компаньоном. Знаю, что есть у тебя деловая хватка. А кроме того, брат мой, всегда лучше дела вести с человеком, которому можно доверить и деньги и заказы..."

Братья, воссоединившиеся в Санкт-Петербурге, стали руководить компанией вместе. Генрик Густав для удобства ведения дел с русскими купцами и заказчиками стал зваться Андреем, а в году 1852 братья приняли решение расширить дел, и Андрей Болин отправился в Москву, открывать новый магазин. Тем не менее связи братья не теряли и отношения их были самые сердечные. В 1870 Андрей приехал в Санкт-Петербург поздравить старшего брата с успехом поистине небывалым.

На Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге в 1870 году Карл Эдуард Болин был признан лучшим российским ювелиром. В этом «мирном состязании на почве художественной промышленности» участвовали 11 ювелиров из Санкт-Петербурга, Москвы и Гельсингфорса.

Среди них были придворный столичный ювелир Фридрих Кехли, знаменитый мастер Иван Чичелев, поставлявший свои изделия королю Италии Виктору Эммануилу, зачинатель машинного производства изделий из золота Отто Крумбюгель и Бенуа Фульда — лучшие московские ювелиры. И все же «первое место как по изяществу рисунка, совершенству работы, так и по высокой ценности изделий принадлежало богатой витрине петербургского ювелира господина Болина». Знатоки дела «не могли довольно налюбоваться его большой диадемой из листьев плюща, исполненных только бриллиантами, чрезвычайно искусно сплетенными, так что металл, их поддерживающий, совершенно исчезает». Карл Эдуард Болин, единственный из всех ювелиров и серебряников, участвовавших в выставке, получил по ее итогам высшую награду, а именно «право употребления Государственного герба». Как отмечено в официальном отчете, этой награды он был удостоен «за совершенную чистоту ювелирной работы, искусный подбор камней и изящество рисунков, при долговременном существовании фирмы»³.

- Густав, что тебя тревожит? – Карл Эдуард с любовью смотрел на брата. Генрик Густав отставил хрустальный на серебряной ножке бокал. Брат потчевал его крепким сладким мускатным вином - подарок самого Александра II, в знак уважения и восхищения трудами ювелира, которые не только доставили удовольствие самому императору и его близким, но и послужили к вящей славе России.

- У меня к тебе просьба, - Густав вздохнул, достал из –за пазухи кожаный мешочек и положил его на стол. – Спрячь у себя.

Карл Эдуард вопросительно вскинул брови, но младший брат молчал. Ювелир взял мешочек, развязал тесемки и вытряхнул на ладонь камень. Нахмурился, встал и подошел к бюро, где лежали инструменты. Надел на лоб ободок с лупой, зажег яркий свет. Осмотрел, измерил и взвесил камень. Потом вернулся за стол к брату и положил кожаный мешочек на белоснежную скатерть.

- Что такого особенного в этом камне, что его нужно прятать? – спросил он.

- А что ты увидел?

- Алмаз. Вес хороший, но огранка! Кому пришло в голову придавать камню форму октаэдра? Только если он очень старый... В центре мельчайшие вкрапления, которые сильно снижают ценность камня, потому что создают своего рода облачко. Даже если его как следует огранить, эти

³ <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6025.php>

вкрапления сильно снизят блеск. Так что цену высокую за него не взять. С другой стороны, если его разбить...

- Нет! Брат, его нельзя разбивать. И лучше не гранить заново.

- Ты ничего не хочешь мне объяснить?

- Помнишь моего друга Ганса?

- Как же, как же! – Карл Эдуард прекрасно помнил Ганса Мейерса. Они жили тогда в Швеции, еще был жив отец, и братья Болин учились, чтобы найти работу получше: отец ходил в море и не желал сыновьям той же доли. А Ганс ничемный был парень. Студент, так и не окончивший университет. Выпивоха и бабник. Вечно куда-то ехал и искал приключений. И Густава сманивал с собой. Пару раз они отправлялись в путешествия вместе. Первый раз вернулись ни с чем: корабль, на котором они плыли, затонул, их спас какой-то турецкий бриг и они чуть не угодили в рабство; повезло, что в Константинополе наткнулись на английских офицеров, те сжалились над молодыми глупцами и отбили их у турок.

Второй раз Ганс сманил Густава поехать в Африку за алмазами. Да, алмазы они привезли, но к ним прилагалось подорванное здоровье, лихорадка и тревога, которая не давала брату спать по ночам. Карл Эдуард вынужден был тогда пригрозить Гансу, что если он не оставит Густава в покое, он, Карл, примет меры. И вскоре Ганс пропал – отправился в очередное свое путешествие.

И вот, оказывается, Густав продолжал тайком от брата столько лет поддерживать связь с этим авантюристом!

- Так что Ганс учудил на этот раз? Неужели так и не остепенился? – резко спросил Карл Эдуард.

- Он занимается теперь историей германских народов. Изучает скандинавские и германские легенды и мифы. Написал несколько научных трудов. Между прочим, он профессор университета в Упсале.

- Надо же! – воскликнул Карл.- Что ж, я рад за него. Честно сказать, боялся, что он сгинет в каких-нибудь диких джунглях. Он добыл этот камень?

- Да. Камень называется Око Слейпнира.

- Красиво... Погоди-ка, - Карл нахмурился, вспоминая сказки и сказания, читанные в школьные годы.- Не хочешь ли ты сказать, что Ганс полагает этот камень тем самым алмазом, что Один изготовил и вставил в голову своему коню, вмести в него карту всех миров?

- Да. Ганс именно так и полагает.

- Но это же...

- Послушай меня, брат, - Густав был так серьезен, что Карл Эдуард умолк и с тревогой воззрелся на брата.- Не важно, во что именно веришь

ты. Пусть видишь в мифе сказку, а камень считаешь низкосортным алмазом. Но есть люди, которые верят в Око Слейпнира. И хотят заполучить его, чтобы добраться до других миров.

- Да? – Карл взглянул на кожаный мешочек.- А почему бы и нет? Что дурного будет, если они и доберутся? Исследуют же люди Африку и Антарктику? Читал в газетах? Британская экспедиция под руководством сэра Джорджа Нэрса отправилась к Северному полюсу. Почему бы людям, которые так рвутся в другие миры, не позволить проторить туда дорогу?

- В уме ли ты, брат? – от возмущения Густав позабыл почтительность, с которой всегда обращался к Карлу Эдуарду.- Ты говоришь так, словно это всего лишь еще один континент или остров. И когда его обживут вездесущие колонисты, там можно будет открыть филиал нашей фирмы!

- Почему нет? – Карл Эдуард плеснул себе вина и сел в кресло перед камином. Огонь тихонько потрескивал, распространяя приятное тепло. Выложенная голландскими изразцами печь украшала комнату. Карл почему-то вспомнил, как обожали эту печь его сыновья, когда были мальчишками. Они могли часами сидеть, рассматривая рисунки парусников, бригов и каравелл, украшавших некоторые изразцы. А на других были искусно выполненные карты открытых островов и неведомых земель.

- Потому что те миры не просто так были закрыты от людей! Подумай сам: если человек сможет найти дорогу меж мирами, то и кто-то другой, оттуда, из мира мертвых... или из мира старых богов, сможет попасть на нашу землю. – Волнение охватило Густава. Он вскочил, толкнул стол. Опрокинулся бокал и вино пролилось на скатерть, оставив кроваво-красное пятно на безупречной белизне батиста.- Нельзя допустить этого!

Он обернулся, и Карл Эдуард встревожился, видя, как лихорадочно блестят глаза брата, как нездоровым румянцем покрылись его щеки. Не дай Бог, та лихорадка вернется, думал он, а Густав все говорил и говорил, и слова его повергали Карла Эдуарда в недоумение, ибо похожи были на горячечный бред.

- Помнишь ту первую нашу с Гансом поездку? Из которой мы выбрались еле живые? Он тогда уже искал всякие диковины и намеревался доказать, что все в наших легендах правда, и что жили когда-то на земле боги и герои.

Мы забрались тогда в горы, в пещеры... и я видел... Карл, я видел таких тварей, каким нет места на земле!

- Хорошо-хорошо, - Карл поднялся, взял брата за руку и усадил на свое место перед камином. – Не стоит вспоминать приключения давно минувших дней, - мягко сказал он.

- Но я хочу, чтобы ты поверил!

- Не важно, во что верю я, - Карл положил прохладную ладонь на горячий лоб младшего брата. Да, ему самому уже за шестьдесят и сидящий в кресле мужчина тоже давно не мальчик. Но он всегда будет для Карла младшим братом, которого надо поддерживать и оберегать.- Важно, что ты в это веришь. А потому я сделаю, как ты хочешь. Я спрячу камень. Спрячу там, где никто не сможет до него добраться.

Брат смотрел на него в сомнениях и Карл Эдуард улыбнулся:

- Как ты считаешь, сокровищница русского государя императора достаточно надежное место?

Глава 13

Олег Иванович заехал к Мири. До этого они общались исключительно по телефону, а тут он вдруг явился лично. Бритый наголо, невысокий, одышливый от излишней плотности человек лет 55 с окладистой темно-русой бородой, носом-картошкой и маленькими развеселыми глазками цвета лесных орешков: рыжевато-карие, порой отливающие в зелень. Он вылез из сделанного на заказ майбаха (с усиленной подвеской, форсированным мотором и пуленепробиваемыми стеклами). Оглядел дом; оглядел его с удовольствием, т.к. когда-то сам выбрал место, проект, и вот теперь, как и многие из его начинаний, дом радовал глаз. Отмахнулся от выбежавшей навстречу Людмилы Петровны, то ли счастливой, то ли напуганной нежданной радостью лицезреть хозяина, прошел по выложенной плитам дорожке к берегу озера. Вот и беседка. В ней, завернувшись в теплую куртку и укрыв ноги пледом, сидит молодая женщина. Она поправилась, живот слишком велик для ее хрупкой фигуры. Волосы отросли, но стричь их сейчас нельзя (Людмила Петровна так сказала) и Мири собирает их в небрежный узел на затылке. Волосы непослушные, да еще по привычке она ерошит их пальцами. В результате серьезное ее личико обрамлено торчащими в разные стороны прядями. Кроме того в узле волос торчит пара карандашей. Мири рисует узловатую сосну, которая растет на берегу озера.

Олег Иванович остановился за несколько шагов до беседки и заколебался, словно хотел повернуть обратно. Но Мири уже подняла голову, увидела его и улыбнулась. Мужчина вздохнул, подошел к беседке и сел на деревянную скамью.

- Тебе тут хорошо?

- Да. Очень хорошо, спасибо вам.

- Я сделал ошибку, приехав сюда.

- Почему?

- Потому что ты сейчас похожа на мою дочь. И мне сложно будет давить на тебя, когда это понадобится.

Мири покачала головой.

- Я выполню свое обещание. Если только камень можно отыскать, я его найду.

- И отдашь?

- Конечно, - Мири удивилась.- Почему нет?

- Что ты про него знаешь?

- Про камень? Ну, его называют Розой Тронхайма, потому что кто-то прочитал слишком много книг фэнтези, а еще потому что, как говорят, его нашли где-то в горах Скандинавии. Алмаз дымчато-серого цвета, ограненный придворным ювелиром русского Императорского дома. Ювелир Болин вставил его в фермуар, который император преподнес жене по случаю круглой годовщины свадьбы. Во время революции большевики нуждались в деньгах, а потому зачастую ломали произведения ювелирного искусства и продавали золото и камни по отдельности. Такая же судьба постигла Розу Тронхайма. Камень попал в частное собрание и хранился там долго, пребывая в забвении. А потом наследник коллекции решил заработать денег и вставил алмаз в музей в ... не помню где.

- Я помню, - Олег Иванович поерзал на лавке и добавил: - выставка была в Тронхайме. Есть в Норвегии такой город. Милый, чистый. Домики деревянные... Только алмаз изначально назывался Северной розой, а уж потом, после ограбления, к нему приклеили это дурацкое название.

- Я не знала, - покаянно произнесла Мири.

- Мало кто знает. Камень не слишком знаменит. Он подолгу пропадал из виду, за ним не тянется такой кровавый след, как за сапфиром Хоуп или рубином графа Дракулы. Но он по-своему очень интересен. Я пришлю тебе материалы. Хотя... - он искоса глянул на живот Мириам, который она бессознательно поглаживала.- Сейчас что об этом говорить...

- Расскажите, зачем он вам? Ведь не ради денег?

- Ну, почему же не ради денег? Он был застрахован именно в моей компании... так что потерял я много. И самое дурацкое, что вора нашли, а камень не вернули.

- Как нашли?

- Вот так. У нас, знаешь ли, очень неплохие следователи. Талантливые и шустрые такие ребята. Ну, и полиция Норвегии сотрудничала охотно. Просмотрели записи с камер, снимали отпечатки пальцев,

прошерстили интернет и телефонные переговоры. Вышли на профессионального вора по кличке Нимрод.

- Нимрод? Забавно. Это из иудейского эпоса. Он был охотник и царь. Жестокий. Хотел соперничать с Богом. Говорят, именно он затеял строительство Вавилонской башни.

- Этот тоже хотел соперничать... с некоторыми людьми...

- Но ведь он, наверное, воровал не для себя. Такие кражи, как правило, делаются на заказ.

- Да. И наша главная задача была – не дать ему передать камень заказчику.

- И что?

- Ну, его выследили. Он, видишь ли, отправился в тур.

- Куда?

- Осматривать достопримечательности. Есть там, в Норвегии, такая деревенька – Гудванген. Недалеко от нее находятся пещеры. Называются Волшебные белые пещеры. Бывала там?

- Нет. – Мири покачала головой. – Я... не очень люблю пещеры. - Но меня, черт возьми, вечно в них заносит, добавила она про себя.

- Так вот Нимрод поехал в этот тур. Вошел с группой в пещеры. Мы как раз сели ему на хвост и караулили у выхода. Когда группа вышла, обыскали всех. Камня ни у кого не было.

- А Нимрод?

- Он остался там, в пещере. Нашли потом, конечно... лежал за сталактитом... или сталагмитом? Короче, за одним из выступов породы.

- Мертвый? – спросила Мири.

- Да. И знаешь что? Он умер от инфаркта.

- А?

- Да. Смешно. Ну, то есть не смешно... но у него было прекрасное здоровье.

- Следы уколов?

- Нет... на руках было что-то... типа следов обморожения. Ну, там температура градусов 8. Для обморожения вроде маловато.

- И камня при нем не было?

- Нет. Мы обшарили все. Каждый сантиметр на этом чертовом маршруте. И ничего не нашли.

- Может, он успел передать его заказчику?

- Вряд ли. Точно никто ничего не знает, но не похоже. Так что, присылать тебе материалы?

- Да, давайте все, что есть.

- А почему ты думаешь, что найдешь камень?

- Ну... у меня же талант.

- Талант. Да, слышал я кое-что... Ладно, ты пока отдыхай. – Олег Иванович поднялся, посмотрел на нее сверху вниз. Мири видела, что он колеблется, но все же мужчина спросил:

- Что не поделила с мужем-то?

- Я расскажу. А вы мне потом скажете, зачем вам камень.

- Ишь ты... Ну, ладно. Твоя тайна на мою, – он переступил с ноги на ногу, вздохнул и сел на место.

И Мири рассказала. Про сны, семейное проклятие, привидение и подвал в замке. А вот про крыло ангела она промолчала. Олег Иванович, как вдруг оказалось, не чужд сентиментальности. Вот и с дочкой своей ее сравнил и приют дал.... Но все же... Некоторые события в жизни Мириам приучили ее без крайней необходимости информацией не делиться.

Олег Иванович покачал головой.

- Звучит как полный бред.

- Да. Мне иногда и самой кажется, что все привиделось. Но нет... И в любом случае, лучше перестраховаться.

-Как знаешь.

Они помолчали.

- Так вот про камень... - начала Мири.

- Сперва его звали Око Слейпнира. Ты знаешь, кто такой Слейпнир?

- Э-э, конь Одина?

- Начитанная какая девочка. Точно. Конь был, если помнишь, не простой. Его родил лично бог Локи, не спрашивай как... эти скандинавские боги были ребята с причудами. Конь этот имел восемь ног. На зубах коня вырезали защитные руны. А в лоб ему Один вставил камень. И камень этот верховный бог Один создал лично. Слейпнир нужен был Одину, чтобы перемещаться из мира живых в мир мертвых или еще там куда... И вот, чтобы конь не заплутал, Один сложил все карты и схемы и вплавил их в алмаз. Поэтому и получился он таким дымчатым... как туманы, что разделяют миры.

- И как же этот камень попал к придворному ювелиру Русского императорского дома?

- Тут история такая темная... Болин был родом из Скандинавии. И однажды, как говорят, приехал к нему брат или кузен... был он человеком по тем временам не очень уважаемым, потому что занимался сказками и прочим. Искал всякое... молот Тора, вход в Йотунхайм, пень от

Игдрасила... Он был очень напуган и просил родственника спрятать величайшее из всех сокровищ, чтобы оно не досталось ...

- Кому? – спросила Мири, не выдержав паузы.

- А черт его знает, кому. Сын Болина, в чьем дневнике я нашел эту историю, высказывался туманно. То ли не знал, то ли боялся называть. Ничего кроме общих слов: силы зла, жаждущие власти над миром... А когда их было мало кругом, жаждущих-то?

- Ну да...

- И Болин решил, что лучший способ спрятать драгоценный камень – это сделать из него украшение. Знаешь, как говорить? Хочешь спрятать лист, положи его в лесу.

- То есть вы всерьез верите, что камень содержит карту прохода в мир мертвых?

Мириам недоверчиво взирала на Олега Ивановича. А тот перестал вдруг куда-то торопиться и теперь сидел, откинувшись на спинку скамьи, и с удовольствием смотрел на озеро и уток, плещущихся у берега в холодной воде, и на малыша в ярко-красной шапочке, который уток этих кормил под бдительным оком тяжеловесной то ли бабушки, то ли няни.

Она знает Олега Ивановича давно. Он владеет несколькими крупными компаниями, среди которых есть и связанные с торговлей драгоценными камнями.

Сперва он был одним из самых тяжелых заказчиков: вечно чем-то недоволен, порой не стеснялся перепроверять ее экспертизу и даже не считал нужным это скрывать. Мири пару раз слышала, как он называл ее "пигалицей". Но по мере того, как проверки подтверждали экспертизу за экспертизой, авторитет Мириам увеличивался, количество и статус заказчиков росли, Олег Иванович становился все сдержаннее, а затем и приветливее. Мириам знала, что он нереально богат, хотя имя Олега Ивановича никогда не появлялось в списках Форбс. Он свято следовал принципу "не светиться".

Около года назад она приехала в Москву, чтобы провести очередную экспертизу по заказу Олега Ивановича. График встреч получился у нее плотным, а потому в аэропорту уже ждала машина, из которой Мириам вышла на маленькой улочке в районе метро Маяковская.

Подъезд, лифт, сопровождающий вставляет ключ в гнездо, и кабина поднимается на этаж. На выходе из лифта Мири принимает другой человек и ведет через несколько помещений с кодовыми замками и бронированными дверями в комнатку без окон. Здесь стоит стол с инструментами,

присутствует специальное освещение. Два человека сидят напротив стола, не сводя с нее глаз.

Сперва Мири проверяет бриллианты, потом – изумруды, потом, к ее удовольствию – опалы. Это, пожалуй, любимые ее камни. Опалы бывают разных оттенков: синего, зеленого, красного, желтого, белого. Всем камням свойственна опалесценция, то есть эффект мерцания. Из этого описания, к сожалению, ровно ничего не следует. Но если человек хоть один раз видел настоящий опал, забыть его очарование он не сможет. Жидкий огонь, переливающийся под поверхностью. Словно пламя жертвенных костров, лава вулканов и отблески солнца на воде: все собралось в камне. Как специалист, Мириам знает, что научное название опала – аморфный кремнезем. Подумать только, такое чудо – и кремнезем!

Она перебрала камни, любуясь ими, потом, поерзав на стуле, взялась за приборы; красота должна быть измерена и описана.

А когда она закончила, лифт почему-то поехал не вниз, а вверх и она оказалась в пентхаусе Олега Ивановича. Мири не знала, является ли это помещение жилым. Комната, куда ее привели, выглядела как кабинет в каком-нибудь английском особняке: камин, полосатые обои, тяжелые гардины. На стенах охотничьи гравюры и пара старинных пистолетов. Фикус в углу. Больше всего ее удивил фикус. Оглянувшись и убедившись, что охранник вышел и закрыл за собой дверь, она подошла к кадке и потрогала листочки. Настоящий, надо же.

В тот день Олег Иванович был непривычно тих и вежлив. Пришел один, без обычной свиты из секретарей и охраны, принес шкатулку, поставил на стол. Посопел сердито, двигая плечами и тесноватом пиджаке. Потом сказал:

- Вопрос один: все ли камни природные. Ты поняла? Аппаратуру принести?

- Не нужно. Если вопрос только в этом, я так справлюсь.

- Да, я слышал. Талант такой, да?

- Да. – Она протянула руку к шкатулке, но короткопалая рука мужчины по-прежнему лежала на крышке.

- Ты же не станешь болтать?

Мири с удивлением взглянула на Олега Ивановича.

- Вы же знаете: неразглашение тайн клиентов является частью профессиональной этики.

- Смешная девочка, - буркнул тот и толкнул к ней шкатулку.

Мири открыла ее и с губ сорвался возглас удивления. На шелковом ложе лежали три камня. Один величиной с грецкий орех, мутноватый

бледно-голубой голыш. Мири взяла его в руку, посмотрела на просвет, покатила в ладони. Проигнорировала насмешливое хрюканье Олега Ивановича.

- Алмаз, - сказала она. – Думаю, с Урала. Если огранить, будет красивый камень.

Взяла следующий. Этот камень, размером с лесной орех, был огранен. Неизвестный ювелир придал ему форму октаэдра, что было, с точки зрения Мириам, совершенно нецелесообразно. Небольшое количество граней не позволило в полной мере проявиться красоте розоватого камня, он не играл на свету.

- Природный алмаз, родом из... скорее всего Южная Африка. Огранка невыгодная для камня.

Олег Иванович молчал и, пожав плечами, она взяла третий камень.

Тоже нелепая форма для огранки алмаза, в этот раз додекаэдр. Камень мутный, зеленоватого оттенка, с большим количеством вкраплений. Если разбить и огранить части, наверняка можно увеличить цену в несколько раз. Но ее мнения никто не спрашивал, поэтому она сухо сказала:

- Камень из Индии. Большое количество вкраплений.

- Все три природные?

- Да.

- Хорошо.

Он закрыл шкатулку, встал и ушел. Ни тебе спасибо, ни мне здравствуй, с некоторой досадой подумала Мири, которую разбирало любопытство.

Когда ее вызвали подтвердить подлинность Розы Тронхайма, она вдруг с удивлением подумала, что этот серого оттенка камень дурацкой огранки вполне хорошо вписался бы в коллекцию Олега Ивановича.

А потом камень украли, и сумма страховки за камень удивила многих. Олег Иванович позвонил ей и спросил, не хочет ли она принять участие в поисках камня. Мири, только-только узнавшая о своей беременности, отказалась. А потом решила воспользоваться возможностями, которые имелись у богатого и властного человека. Но не бесплатно же. Вот родит, пристроит малышей – и отправиться искать для него камень. Кто его знает, может, он и вправду верит, что камень создал Один и внутри его скрыты тайны миров. Какая разница?

Глава 14

Август 1941г.

- Мне кажется, ты допускаешь большую ошибку. – Игорь Ефимович грустно смотрел на сына, который мерил шагами узкую комнату. Пять шагов вдоль стены, разворот у окна и пять шагов обратно до двери. Дверь вела во вторую из принадлежащих их семье комнат, и была она побольше и посветлее, с двумя окнами. Они жили в этих комнатах втроем: дед, отец и сын. Так уж получилось, что женичины в их семье не задерживались: бабушка давно умерла, а жена Ивана Игоревича, мать Олежека, уехала в Москву, заявив мужу, что ненавидит и его, и этот город с кошмарным климатом и бессонными белыми ночами, и деда с его замашками военного коменданта. Олежека она не ненавидела, но как тащить ребенка в неизвестность?

Так вот и жили они втроем: дед вел хозяйство, отец работал, а Олежек ходил в школу. Он и сейчас в школе; несмотря на войну и панику, занятия продолжаются.

Иван Игоревич служил бухгалтером в одном из научных институтов Ленинграда. На работе его ценили и уважали. Но сейчас никому не нужны стали бухгалтера, а понадобились солдаты. И Иван Игоревич записался добровольцем. Честно говоря, ему очень не хотелось на фронт. Никаких иллюзий по поводу того, что ждет его и многих других солдат он не питал, так как всегда был человеком трезвомыслящим. Но что делать, если нужно защищать страну, защищать своего ребенка и свою миссию?

А в его жизни была миссия, о которой когда-то рассказал ему отец, а теперь они спорили о том, не пора ли посвятить в служение и Олежека.

- Он всего лишь мальчишка, - говорил дед, и его сухие руки, лежащие на набалдашнике палки, подрагивали.

- Он на редкость разумный мальчишка. Кроме того, так шансы, что вы сможете сохранить камень, увеличиваются в два раза. – Игорь жалобно посмотрел на старика. - Прости, что я тебе это говорю, папа.

- Да я все понимаю... - Игорь Ефимович вздохнул. - Ты уверен, что нам стоит уезжать в Москву? Тут, дома, было бы проще...

- Вам обязательно нужно уехать! Ты же сам раскладывал карты, ты видел, что наш город ждет страшная судьба.

- Это похоже на бегство, - хмуро сказал старик. – А бегство, это как предательство.

- Я знаю. Но мы обязаны сохранить камень, сохранить знание.

- Жаль, что нельзя использовать его сейчас.

- Жаль. И знай я как его можно использовать, я ни секунды не колебался бы... но ключа у нас нет. Нет знания, как извлечь то, что хранится в алмазе. И самое ужасное, что ни у кого нет таких знаний.

Поверь, я слежу за тем, что делается у нас в науке, и за рубежом. Ты же сам переводил те статьи из немецких и французских журналов... Все не то, и химики, и физики движутся не в том направлении.

- Да-да... - Старик опять вздохнул.

- Не переживай, папа. Поживете пока у Нины. Все же она мать Олежека. И как я понял, квартира у нее большая... Если что не сложится, вот, я написал адреса своих друзей. – Игорь выложил на стол лист бумаги. Потом добавил конверт.- Это деньги. Думаю, скоро наступит инфляция и они обесценятся, но хотя бы на первое время... И вот еще что... Я расскажу ему про камень, про то, что каждый артефакт имеет своего Хранителя и один из нас должен беречь камень до того момента, пока он не понадобится всем людям. И что момент этот должны указать карты Таро.

Старик кивал в такт словам сына. Его глаза чуть слезились, кожа отливала восковой желтизной и он вдруг показался Игорю очень хрупким, словно высушенный ветром лист - тронь, и рассыплется в пыль.

- Папа, - он подошел, сел рядом, накрыл ладонью руки старика, лежащие на набалдашнике трости.- Учить его мудрости Таро придется тебе. Не откладывай. Война- не война, мы должны помнить свой долг.

- Не учи меня, мальчишка, - Отец сделал вид, что сердится.- Я учил тебя, научу и его. Уж Олежек –то пошустрее тебя будет. Вспомни, сколько времени ты заучивал комбинации старших арканов, я уж думал, придется на стороне кого искать...

- Ладно-ладно! - Иван вскочил и опять заходил по комнате. За дверью послышались шаги, и одновременно взвыли сирены воздушной тревоги. Иван распахнул дверь, увидел испуганные глаза сына и сказал:

- Не бойся. Сюда бомба не упадет. По крайней мере, не сегодня. Иди сюда. Я должен рассказать тебе что-то важное.

Круглоголовый, коротко стриженный, плотного телосложения мальчишка в пионерском красном галстуке сидел на диване рядом с дедом и слушал диковинный рассказ о камне, который прадед привез с Урала.

Есть на Восточном склоне Среднего Урала, в верховьях рек Нейва, Реж и Адуи, места странные и заповедные. Говорят, здесь раньше жил народ чудной, еще до людей жил. Народ этот не строил домов, предпочитая пещеры или создавая воздушные шалаши на деревьях. Многие они умели: и камни двигать без инструментов, и растения выращивать на камнях, и много чего еще. А потом пришли в эти места люди, и народ старый они так и называли: "чудь". Какое-то время чудные жители терпели пришельцев, а потом стали уходить. Тяжко им оказалось существовать

рядом с жестокими и жадными человеками. Были среди чудных те, кто считал, что людям нужно помогать: учить, лечить; глядишь – и получится что-нибудь путное. Но другие уверены были, что не следует вмешиваться в естественный ход событий, и просто отступили за преграду мира, ибо та его сторона ничуть не хуже, чем эта.

Но кто-то из чудных упрямцев - такие во все времена и среди любого рода-племени находятся – придумал оставить людям наследство. Он создал камень, алмаз. Тот получился бледно-голубым и мутноватым, потому что внутри его крошечными вкраплениями, молекулами и атомами клубились терабайты информации. Чудной человек нашел среди местных жреца, которого и сделал Хранителем камня. И с тех пор так алмаз и передавался из рук в руки, одна из надежд человечества когда-нибудь обрести "многая знания" и избавиться, может быть, от "многая печали".

Глава 15

- Эмиль, я хочу, чтобы ты приехал, - голос дяди в трубке звучал встревоженно.

- Что случилось?

- Кто-то раскопал могилу Клариссы.

- Что?!

- Я хочу, чтобы ты на это взглянул.

- Да, хорошо... я приеду, как только освобожусь.

Эмиль добрался до поместья лишь поздно вечером. Дядя встретил его на крыльце, поманил за собой и открыл дверь гаража. Там на полу лежал пластиковый черный мешок, а на нем легкая титановая лопатка, испачканная землей, фонарь и кучка грязной одежды.

- Одежду Марта нашла в ее чемодане. Там же были перчатки. Все перемазано землей. А лопата и фонарь валялись под кустами около могилы.

- Но как она могла раскопать могилу? Ты представляешь, каких сил это должно стоить? Она слабая, к тому же беременная!

- Но это ее одежда! И перчатки маленькие, смотри сам! Я обыскал все вокруг; дождей давно не было, поэтому со следами так себе, но похоже, там был только один человек.

- Но зачем?

- Может, она искала талисман.

- Талисман? – Эмиль не сразу понял, о чем речь, потом вспомнил очередную семейную легенду: - Ты про крыло ангела?

- Именно.

- Глупости это все! Все наши предки столько веков искали и впустую, а она, значит, приехала и нашла, да?

- Я думаю, - Анри бросил полный ненависти взгляд в сторону могилы.- Думаю, Кларисса помогла ей.

- Дядя, что ты говоришь... - Эмиль осекся. Анри не переубедить. Для него вся история с проклятием случилась чуть ли не вчера. И Клариссу он воспринимает как живого человека. – Давай я пороюсь в компьютере Мириам, который она здесь оставила, может, что и найду, - предложил он.

- Конечно.- Анри запер гараж, и мужчины пошли в дом.

В комнатах Мириам царил беспорядок. Вещи, вываленные из чемодана, кучей лежали на кровати, шкафы распахнуты.

Беглый осмотр содержимого ноутбука показал, что он пуст. Мири вычистила все: пропали файлы с эскизами украшений, фотографии замка и сада, которые Мириам показывала дяде на прошлой неделе, пропала переписка и все прочее.

- Пусто? – спросил Анри, стоявший за плечом племянника.

- Да. Наверное, специалист смог бы восстановить хоть часть, но есть ли в этом смысл?

- Думаю, нет.

Они помолчали.

- Переночуй здесь, - сказал Анри.- Не стоит ехать обратно в Париж на ночь глядя.

- Да, спасибо, - рассеянно отозвался Эмиль. – Но сперва мне надо кое-куда съездить.

Эмиль крутил руль и размышлял. За то недолгое время, что прошло с побега жены, он понял две вещи:

Первое и самое главное: Мириам никогда не простит его и не подпустит к детям. И второе: он не готов так просто отказаться от шанса стать отцом. Ведь вполне возможно, что родятся мальчики и все будет прекрасно!

И тогда он вспомнил о Райнике.

Они ходили в одну школу и именно там долговязый, рыжий и обладающий бурной фантазией подросток получил прозвище Райнике Лис. На уроках литературы школьники проходили средневековую литературу (эпопея о плутоватом Лисе была написана в двенадцатом-четырнадцатом веках) и в учебнике была картинка, до смешного похожая на мальчишку: близко посаженные глаза, острые черты лица. С тех пор настоящее имя почти забылось. Как же его... Густав, кажется. Точно, имя совсем не французское,

потому что мать его была родом из Швеции... или Норвегии? Райнике был парень головастый и после школы, так же как и Эмиль, поступил в юридическую академию. Только Эмиль доучился, а Райнике нет. Что-то там у него случилось, в семье, он пару лет пропустил, а потом поступил в полицейскую академию.

Эмиль, будучи юристом, за карьерой однокашника следил. Даже пересекались они как-то по работе. Райнике быстро стал детективом, числился на хорошем счету благодаря уму и пронырливости. А затем его уволили. Вернее, попросили оставить службу. Было это после раскрытия крупного дела о педофилах. Организация негодяев оказалась хорошо законспирированной и состояла отнюдь не из каких-то жалких неудачников. В группу входили самые что ни на есть "достойные члены общества", они имели семьи, солидные должности и никаких пятен на репутации. Помимо других дел люди эти занимались благотворительностью, в частности, спонсировали фонд помощи молодым незамужним матерям.

В поместье, принадлежащем одному из учредителей фонда, была построена больница, жилой корпус, детский сад – все в рамках приюта для сирот. Таким образом, как заявил один из педофилов, материал для развлечений всегда под рукой и источник его был неисчерпаем.

Во время преследования членов организации, Густав – Райнике попал в комнату наказаний. И у мужика не выдержали нервы. Вообще-то он работал в полиции не первый год. Бывал в наркопритонах, участвовал в штурме нелегальных публичных домов, арестовывал маньяков и психопатов. Но тут психика Райнике не выдержала увиденного, и он убил обоих задержанных. Одного застрелил, а потом у него закончились патроны и второму педофилу он сломал шею.

Уволившись из полиции, Райнике записался в наемники и лет пять болтался по разным странам и континентам. А потом вдруг вернулся в родные места и осел на отцовской ферме. Охотился, бродил по лесам, иной раз исчезал на несколько дней или пару месяцев.

Если его спрашивали, чем он занимается, Райнике поднимал светлые брови (правая рассечена шрамом) и, глядя на собеседника серо-зелеными нахальными глазами, отвечал:

- Фри-лансер я.

Большого от него никто не добился, но в местном обществе ходили упорные слухи, что Райнике не иначе как наемный киллер. Эмиль от одного из своих клиентов слышал, что его бывший одноклассник берется за разного рода поручения: перевезти что-нибудь не очень законное, выбить долг, попортить жизнь конкуренту.

Телефона Райнике у Эмиля не было, и он отправился напрямик на ферму. Старый каменный дом стоял на краю леса, на небольшом холме. Перед ним простиралась поля. С дороги дом казался заброшенным. Асфальт вдруг кончился, дальше пошла грунтовка, и Эмиль сбросил скорость, опасаясь повредить машину. Вот и деревянные ворота, замотанные ржавой цепью. Вышел, подошел к калитке и толкнул ее. В тихом предвечернем сумраке раздался громкий и тоскливый скрип несмазанных петель. При подъезде к дому Эмиль заметил в окне свет, но сейчас дом был темен. Вот черт, неужели Райнике ушел в деревню? Эмиль поколебался, но все же поднялся на крыльцо и стукнул в дверь.

Прислушался. Но ответ пришел не из дома. За спиной, с дорожки, ведущей к калитке, раздался голос:

- Зачем пожаловали?

Эмиль обернулся. Райнике стоял между ним и машиной. Джинсы, высокие ботинки, темная куртка, светло-рыжие волосы словно светятся в темноте.

- Привет, Райнике, не узнал? Эмиль Танье.

- Привет, Эмиль. – Густав умолк, повисла пауза, и Эмиль понял, что он по-прежнему ждет ответа на свой вопрос: зачем пожаловал незваный гость.

- Я... у меня к тебе есть деловое предложение.

- Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я избавил тебя от дядюшки ради наследства?

- Пока нет. Он становится все более эксцентричным, но мы все еще неплохо ладим.

- Ну и хорошо. Давай войдем в дом.

Эмиль посторонился и Райнике прошел мимо него, толкнул дверь и включил свет. Они оказались в типичной деревенской кухне. Низкий потолок, серые каменные стены, обшитые деревянными панелями лишь в том углу, где стоит обеденный стол. Доски стола начисто выскоблены и с одного угла покрыты вышитой салфеткой.

- Выпьешь? – спросил Райнике.

- Я за рулем... Вот если кофе.

Хозяин кивнул и загремел туркой и банками.

- О, ты тоже теперь пьешь кофе? – улыбаясь, сказал Эмиль.- А помнишь, в школе ты пил только молоко. Бесил нашу учительницу ужасно: ни сок, ни чай пить не хотел, только молоко.

- Помню. Хотя это было чертовски давно.- Райнике мельком глянул через плечо на мужчину, который был когда-то его одноклассником.- Давай-

ка я сэкономлю тебе время. Ты наверняка слышал, что я работаю по контракту. За этим, думаю, ты и пришел. Изложи мне кратко суть своего поручения, а я скажу, возьмусь за работу или нет. И если да, то скажу, сколько это будет тебе стоить.

- Хорошо, - Эмиль вздохнул с облегчением. Так даже лучше. Не нужно ни светской беседы, ни общих воспоминаний. Отношения заказчик – исполнитель всегда самые понятные. – Думаю, ты в курсе, что вот уже два года как я женат.

- Да, - Райнике снял турку с огня, разлил кофе по чашкам, одну поставил перед гостем, вторую обхватил ладонями и сел за стол.

- Спасибо, пахнет вкусно. – Эмиль поискал глазами сахар или сливки, но на столе ничего похожего не было, а человек, сидящий напротив, не шевелился. Он пригубил кофе, одобрительно кивнул, хотя едва сдержал гримасу от горечи.

- Итак, моя жена. Мириам Гринберг. Она сохранила в замужестве свою фамилию, хотя мы и не афишировали этот факт. По профессии она геммолог, довольно известный специалист в своем кругу, – он сделал паузу, не для того, чтобы продумать, что говорить, просто по привычке и потому, что непросто рассказывать о своих личных проблемах чужому, в общем-то человеку. - Так вот, моя жена забеременела. И тут... я не знаю, что с ней случилось. - Эмиль отодвинул чашку и сжал руки.- Врач говорит, есть такая вещь, как психоз беременных. Гормоны там и все прочее... Мы поругались, потому что она заявила, что хочет, чтобы дети воспитывались в ее вере, носили ее фамилию... Может, я был резок, просто не ожидал такого, понимаешь?

- И что дальше?

- Дальше она сбежала.

- Откуда?

Эмиль хмуро взглянул на бывшего одноклассника.

- Зачем спрашиваешь? В этой деревне все всё знают. Если ты хоть раз пил в местном баре, наверняка тебе доложили, что моя жена поселилась в поместье дяди.

- А почему?

- Потому что у нас нет загородного дома, а в Париже жара и нечем дышать и негде гулять. Она хотела пожить на природе, среди цветочков и всего прочего.

- С Анри она поладила?

- Вполне. – Эмиль пожал плечами и честными глазами посмотрел в светлые то ли зеленые, то ли серые глаза Райнике. – Старик по- своему

очарователен. Мири хихикала, рассказывая о его куртуазности, и как он за ней присматривает и заботится. Она регулярно мне звонила и рассказывала, что ей нравится врач, что дом замечательный, что Анри предложил ей рассматривать его как свой, и привозить сюда детей... нашла материалы для своей коллекции...

- Какой коллекции?

- Я же говорил, она геммолог. Решила пока отойти от дел и на досуге сделать собственную коллекцию ювелирных украшений. Сперва все рисовала цветочки, а потом, под влиянием замка, наверное, готические узоры. Интересовалась историей замка, изучала интерьеры и портреты... окрестности... и...

- Да?- Райнике произнес короткую реплику невыразительным голосом, чтобы не напомнить человеку, что он говорит перед посторонним.

Эмиль по-прежнему смотрел перед собой остановившимися глазами.

- Неужели она нашла и забрала крыло ангела? – пробормотал он.- Не может быть... Если она раскопала могилу... - он вскочил и принялся мерить шагами комнату. – С другой стороны, теперь я смогу обвинить ее в краже. И это дает мне право обратиться в полицию...

- Ей не найдется чем ответить?- тем же тусклым и невыразительным голосом поинтересовался Лис.

- А? – Эмиль растерянно уставился на него.- На обвинения в воровстве? Нет! – но уже выговаривая это "нет", он вспомнил о подвале и нишах вдоль стен. Если Мириам расскажет об этом полиции... И еще есть дядюшкина лаборатория. Наверное, можно это все убрать... но куда? И кто будет этим заниматься? Он вдвоем с дядей? Это займет кучу времени. А больше никому доверять нельзя... Да дядя и не согласится ломать лабораторию. С другой стороны, при его связях с местными чиновниками, вряд ли ему грозит какая-то неожиданность.

Он плюхнулся обратно на стул и обхватил голову руками. Неужели она нашла и взяла крыло ангела? Наверное, это странно: не понимать, что двигало его женой... женщиной, с которой он собирался прожить всю жизнь и которую – как ему казалось – он прекрасно изучил. Тем не менее Эмиль совершенно растерялся. Если допустить, что Мири действительно нашла артефакт в могиле Клариссы, неужели она оставила его себе ради цены золота? Ну, это было бы странно, потому что Мириам женщина не бедная и к деньгам относится очень спокойно. Может, она увидела в нем культурную ценность? По легенде эту штуку отломали ни много, ни мало, но от самого Ковчега Завета. Или кто-то рассказал ей легенду о семейном обереге, и Мири пытается таким образом защитить детей? Да боже мой, если бы он

нашел этот чертов артефакт, он сам принес бы его жене и нимало не смутился бы тем, что верит в дурацкие старые сказки!

Эмиль вдруг осознал, что уже какое-то время сидит молча и думает о своем. А напротив за столом сидит Райнике Лис и таращится в свою чашку с кофе.

- Прости, я отвлекся, - пробормотал Эмиль.

- Я все понимаю. У тебя стресс. Жена сбежала. Она носит твоего ребенка.

- Детей. УЗИ показало двойню.

- Поздравляю. Детей. Видимо, госпожа Гринберг прихватила что-то из имущества... - он сделал паузу, и Эмиль кивнул. - И ты пришел ко мне. Зачем?

- Я хочу, чтобы ты ее нашел.

- И вернул имущество?

- Черт с ним, с имуществом! Найди ее!

- И сообщить тебе ее местонахождение?

- Да... - Эмиль помолчал, а потом продолжал, тщательно подбирая слова:

- Я сознаю, что поиски могут занять некоторое время. Честно говоря, для меня гораздо важнее вернуть... детей, которых я смогу воспитать сам, чем возвращать жену, потому что... непонятно, смогу ли я с ней договориться.

Райнике кивнул и отодвинул чашку.

- Я понял, - сказал он. Достал из кармана мобильник, набрал на экране цифры и показал Эмилю: - Это аванс.

Тот вяло кивнул.

- Сумма по итогам выполненной работы будет вдвое больше плюс расходы.

Опять кивок.

Райнике оценивающе посмотрел на бывшего одноклассника. Тот выглядел так, словно вот-вот свалится со стула и заснет. Лис видел такое прежде и знал, что это нервная реакция человека, которому потребовалось сделать над собой немалое усилие, чтобы прийти сюда и озвучить свои желания... довольно откровенно озвучить.

Он встал, протянул гостью руку:

- Завтра по электронной почте пришлю тебе номер счета. Как переведешь деньги, я начинаю искать.

- Да, спасибо, - Эмиль поднялся, потому что неудобно было сидя пожимать руку.

И вот он уже у двери, и Рыжий Лис провожает его до машины. На улице темно и Райнике заботливо говорит:

- Езжай осторожно, а то дорога тут у меня не очень.

- Да, дорога паршивая, - Эмиль садится за руль, стараясь побороть чувство разбитости и усталости.

Райнике некоторое время смотрит вслед машине, потом возвращается в дом и первым делом сохраняет запись разговора (в кухне установлена неприметная камера) на удаленном сервере в папке с надписью "Эмиль Танье". Полная приключений жизнь приучила его подстраховываться.

Глава 16

- Куда вы хотите заехать? – Михаил Иванович с трудом удержался от желания обернуться и лишь зыркнул в зеркало заднего вида. Его пассажирка сидела, улыбаясь и поглаживая шар живота.

- На Удельную.

- И что это Вам понадобилось в этом гадюшнике?

- Там ведь блошинный рынок, да? Я очень люблю рынки, особенно со всяким антиквариатом.

- Антиквариатом? Вот уж... нашли, где искать! Да там барахло одно и мусор! Тряпье и все такое.

- Нет-нет, я бывала на Удельной когда-то давно... да и в интернете вчера посмотрела. Рынок на месте. Мы ненадолго, хорошо?

- Это причуда такая, да? Вроде огурцов или чего вы там все едите, когда беременны?

- Ну, не все.

- Ага, - пробурчал недовольно шофер.- Некоторые огурцы едят, а некоторых тянет по помойкам шляться.

- Михаил Иванович, я скоро уж и не смогу никуда выходить. Мы по краешку пройдемся.

Качая головой, шофер повернул руль. Машина плавно заскользила в сторону самого большого и колоритного блошиного рынка Санкт-Петербурга.

Здесь оказалось грязно – гораздо грязнее, чем она думала. Мири уговорила Михаила Ивановича остаться в машине: в таком месте можно и без колес остаться. Клятвенно пообещала далеко не заходить. Октябрь пока радуется теплом но у Людмилы Петровны не забалуешь, и Мири была облачена

в куртку и с шарфом на шее, как пай-девочка. Она шла вдоль разложенных на земле картонок, рассматривая чашки, рамки от фото, бижутерию, жуткие вазочки, никчемные игрушки, пачки старых журналов.

На повороте в другой "торговый ряд" стоял колченогий складной столик. Рядом на перевернутом ящике сидела баба-яга.

Мириам уставилась на бабку во все глаза. Та походила на персонаж русской народной сказки просто невероятно! Через некоторое время молодая женщина сообразила, что образ бабки-ежки, видимо, культивируется сознательно. На голове торговки цветастый платок, покрывающий волосы и завязанный надо лбом рожками. Из-под платка падают на плечи пепельные дреды, на первый взгляд похожие на седые космы. Нос и подбородок и правда стремятся друг к другу по природе, но прищур глаз и выпячивание подбородка явно часть имиджа. На почти фольклорном персонаже надета цветастая же юбка, и несколько выбивающаяся из образа джинсовая куртка. Из-под юбки торчат крепкие ботинки на толстой подошве и со шнуровкой. Ей никак не больше 50, подумала Мири.

Перехватив взгляд молодой женщины, Баба-яга подмигнула. Мири ухмыльнулась в ответ и, наконец, перевела взгляд с торговки на товар. На столике было разложено много всякой всячины, и кое-что стояло на картонке рядом. Из крупногабаритного на картонке имелись настольная лампа стиля сталинский ампир, может, даже бронзовая. Кальян, дешевый, скорее всего китайский. Зачуханного вида прялка и поставец. Все это Мириам не интересовало, и она уставилась на столик. На относительно небольшой поверхности уместилось неправдоподобно много всякой мелочи. Мириам не спеша рассматривала вещь за вещью, время от времени касаясь чего-нибудь рукой. Чашка, расписанная нежными полевыми цветами, с незначительными сколами, Мейсен, стоит на блюде из Дулевского фарфора, красного в белый горох. Бюст Пушкина, шкатулочка, еще одна, подсвечник, орел из дерева сувенирный с надписью по постаменту "Владикавказ – 87". Пара мельхиоровых ложек, солонка в виде гномика, бусы из янтаря... янтарь искусственный.

Вот брошь... винтажная, с природным камнем. Оправа в стиле модерн, металл – сплав на основе бронзы. Мири покрутила безделушку в руках, глянула на хозяйку:

- Сколько хотите?

- Сколько предложишь? Да ты посмотри еще, а уж потом спрашивай.

Мири послушно заскользила пальцами дальше. Открыла-закрыла маленькую табакерку, потом взяла лорнет. Вернее, монокль, потому что стеклышко имелось только одно. Ручка у него была костяная, серо-желтая,

металл оправы тусклый. И стекло тоже то ли помутнело, то ли покрылось сеткой мельчайших трещин.

Молодая женщина поднесла его к глазу и посмотрела. И тотчас мир вокруг расплылся и затуманился. Мири моргнула. Она не успела опустить монокль, когда поняла, что видит сквозь него. Края поля зрения по-прежнему расплывались в тумане, но картинка в центре обрела четкость. Только вот это были не совсем та же картинка, которую Мири видела невооруженным глазом. Мужичок вполне обыкновенного вида, хоть и пьяненький и грязноватый, крутившийся в соседнем ряду, оказался вдруг мерзким до отвращения. Кожа его обрела зеленоватый оттенок и видно стало, что склизкая она на ощупь. Глазки мужичка, и без того заплывшие, спрятались в бородавчатых щелях, а в углу рта мелькнул клык. Мири задохнулась от изумления и опустила монокль. Мужичок как мужичок – неопрятный, пьяненький, но вполне безобидный, если покрепче держать свою сумку. Потом она опять поднесла к глазу мутное стеклышко и осознала, что тот, кого она видит теперь, может и ножом пырнуть и ребенка украсть... Что-то мелькнуло перед самым лицом, и Мири испуганно опустила монокль и нерешительно уставилась на продавщицу.

- Что? – Та прищурилась. – Интересное что увидела?

Мири кивнула. Ей очень хотелось посмотреть через монокль на хозяйку лотка, но было как-то неудобно. Та, словно угадав мысли покупательницы, сказала:

- Смотри, чего уж там. Для того и сделано. Для того и дадено.

Мири поднесла стекло к глазу. Мгновение помутнения, а потом она увидела ведьму – на этот раз настоящую: лет ста или больше, с глубокими морщинами и совершенно седую. Но глаза ведьмы поблескивали веселенькими голубыми искорками.

- Нравится? – спросила она.

- Н-не знаю.

- Бери. Глядишь – пригодится. А как не надо станет – отдашь.

- А денег сколько?

- Денег-то? Да как было сказано – сколько не жалко. И брошку возьми.

- Брошку?

- Да, ту, что с камнем. Это старая вещь. Сейчас-то камень не в моде, а раньше очень его уважали. Он и при родах помогал и вообще в доме.

Мири опять взяла брошь, погладила переливчатую поверхность и кивнула:

- Это лабрадор.

- О как, понимаешь в камнях, значит? Дай-ка, – ведьма протянула руку, взяла монокль и через него глянула на Мириам. Потом отдала монокль обратно и, помолчав, спросила:

- Чем помочь тебе?

- Вы хотите мне помочь?

- Почему ж нет? Твоим детям нужна будет мать. А ты куда-то собралась... На тебе обещание невыполненное. И страх. И охотник идет по твоим следам.

- Я убежала от мужа, - сказала Мириам. – Мне страшно за детей. И я должна заплатить тому, кто мне помог спрятаться, найти для него драгоценный камень, который украли.

- Камень? Какой?

- Серый алмаз. Око Слейпнира. – зачем она это говорит женщине, торгующей на блошином рынке? Но ведьма не удивилась.

- А, этот... - она покивала головой. – Ну, найти-то можно: он там, в белых пещерах так и остался. А вот забрать... Малый народец всегда был жадноват. Может, они согласятся поменять его на что-нибудь... милое. А ну, не крутись здесь!

Мири вздрогнула, оглянулась и увидела давешнего мужичка. Она прижала к себе сумку, где как раз залился трелью мобильник.

- Беги-беги, - сказала ведьма, протягивая женщине завернутые в газету вещи. - Нечего тебе тут делать больше.

- Спасибо, - Мири убрала покупки, достала кошелек, выгребла наличность. Пара тысяч всего и оказалась: кто сейчас с собой больше носит - все на карточках. Оглянувшись и убедившись, что мужичок отошел, она наклонилась к торговке, и, передавая деньги, сказала:

- Табакерку отнесите в антикварный, и меньше чем за 10 тысяч не продавайте. На ней монограмма, думаю, кого-то из князей. Кроме того она серебряная. И вон тот браслет с красными камушками, сломанный. Это золото и гранаты. Золото не очень качественное, но все же.

- Да ты что? – Баба-яга оживилась и быстро прибрала названные предметы.

Мири, улыбаясь, пошла к машине. Она вдруг почувствовала, что очень устала.

Глава 17

Густав по прозвищу Райнике Лис сидел в кафе на набережной и курил. Как и большинство мальчишек, он попробовал сигареты еще в школе, и в отличие от многих, никаких неприятных симптомов после курения у него не было: ни повышенного слюноотделения, ни тошноты. Мать была тогда еще жива, и он не хотел ее расстраивать, а потому баловался табаком редко. В колледже покуривал на вечеринках, но в основном травку, табак такого эффекта не давал. А вот когда стал работать в полиции, начал курить по-настоящему. Голуаз или Житан; никакого американского ширпотреба. Запах табака делал его неотличимым от многих, помогал не чувствовать вони притонов и подворотен, человеческих тел, когда иной раз не понять было, кто пахнет лучше – живой или мертвый.

А потом, после ухода из полиции, он попал в тренировочный лагерь наемников. Инструктор, ветеран Иностранного легиона, отобрал сигареты в первый же день. Просто велел кому-то обыскать вещи новичков и забрать все: и табак, и спиртное.

- Переломайтесь сейчас, - сказал он.- Потом это может стоить вам жизни, как и любая другая слабость.

Райнике перетерпел период отвыкания довольно легко; молодой и здоровый организм, загруженный физическими и психическими стрессами, сократил синдромы абстиненции до минимума, все-таки табак – не героин.

Теперь, став вольным стрелком, он иногда выкуривал сигарету- две в компании, или после кофе, или под выпивку. Но случалось это раз в неделю, иногда реже.

Сегодня был как раз подходящий день, чтобы покурить. Конец октября вдруг порадовал жителей Стокгольма ясной погодой. Обласканный солнцем, город, застроивший острова неласкового Балтийского моря, сказочно преображается. Подмигивают окна и стекла витрин, словно выше становятся скупо декорированные тяжеловесные здания. Вода в каналах отдает синевой, хотя обычно она серо-коричневого цвета.

Сегодня Райнике нашел след женщины, за розыск которой взялся два месяца назад. Ему потребовалось время и деньги, чтобы выйти на людей, занимающихся компьютерами, проникнуть в базы полиции, где хранились записи с вокзалов и аэропортов и просканировать огромное количество материалов в поисках нужного лица. Но Райнике был чертовски упорным парнем и он таки нашел нужное лицо. Она приехала в Швецию. В Париже купила билет на какой-то задрипанный лоукостер и быстро добралась до Стокгольма. И последний раз ее видели именно на этой улице. Возможно, в

этом самом кафе. Почему нет? Фрикадельки с картошкой тут отменные. Варенье к фрикаделькам, на его взгляд, лишнее, но что взять со шведов.

За эти два месяца он сумел сделать еще кое-что: специалист восстановил часть стертых файлов на ноутбуке Мириам, и Рыжий Лис провел немало времени, изучая эти материалы. Он просматривал ее почту, искал в соцсетях, собирал материал... И потихоньку начал понимать, что именно происходило в голове Мириам в момент побега.

Она приехала в замок Танье с искренним желанием поселиться там и ждать срока родов. А потом что-то изменилось. Что-то напугало ее до такой степени, что она сбежала, постаравшись как можно больше километров и границ проложить между собой и мужем. Он пока не будет думать, что именно могло до такой степени вывести из себя молодую, но с весьма непростым прошлым женщину. Учитывая профессию, состояние в долларах и опыт путешествий и общения с людьми, Мириам должна быть неглупой и уверенной в себе особой.

Однако она убежала. И, следуя логике, которую он не мог объяснить, но мог понять, Райнике почти наверняка знал, куда она направилась.

Много лет Мириам жила между Россией и Европой. Даже брат у нее в России какой-то имеется (не родной, правда, но все же). Куча друзей и знание местных реалий. Реалии эти, нужно отдавать себе отчет, весьма неоднозначны. Райнике вспомнил свой опыт общения с русскими. Ну, тут надо учитывать специфический контингент его деловых партнеров, все-таки Мириам Гринберг общается, наверное, с другим кругом людей: почище и без ярко выраженных криминальных наклонностей. И все же все знают, что Россия велика, климат там плохой, дороги еще хуже, а все остальное непредсказуемо. То есть это именно то место, куда Эмиль Танье, добропорядочный французский буржуа, соваться не захочет.

А значит ему, Райнике, предстоит ехать в Россию. Он вздохнул, докурил, и не спеша побрел в сторону отеля. Торопиться некуда. В июне ее беременности было три месяца, сейчас октябрь и до рождения детей еще куча времени. Где бы ни была Мириам Гринберг, она будет сидеть тихо и ждать. Ждать, пока родятся дети. И пока Райнике Хитрый Лис ее найдет.

Райнике подал документы на туристическую визу и принялся пристально изучать контакты Мириам в России. Он убедился, что брат ее живет где-то на далеком Алтае, и напрямую Мири с ним давно не общалась. Что квартира ее в Москве официально сдана молодой семейной паре педагогов-энтузиастов, которые работают с проблемными детьми.

И что официально женщина по имени Мириам Александра Гринберг границу России в текущем году не пересекала. Этот факт мог бы показаться обескураживающим, но не для Хитрого Лиса. Пару лет назад Райнике выполнял кое-какую работу в самых северных районах Норвегии. И в ходе выполнения той работы он несколько раз пересекал эту самую границу с Россией, не оставив ни в памяти таможенников, ни на серверах компьютеров никаких данных об этом факте. Море, береговые линии, изрезанные шхерами, тесные коммерческие и преступные связи местного населения; все создавало возможность неформальных контактов и перемещений. Хитрый Лис не сомневался, что и Мири переместили вот так, незаметно и быстро.

Задумавшись, куда могла его жертва подеваться, он печально разглядывал карту. Обширные пространства, ничего не скажешь... но Райнике помнил свои впечатления о населенных пунктах Севера вообще и России в частности. Молодая женщина, привыкшая к европейской цивилизации, сможет, наверное, пожертвовать удобствами, но вот рискнет ли она пожертвовать возможностью получить медицинскую помощь? Если она хочет рожать в больнице с приличным оборудованием, ей придется держаться вблизи крупных городов. И ближайший из них – Санкт-Петербург. С него и начнем.

Он поселился в гостинице "Санкт-Петербург", с видом на набережную и крейсер Аврору. Впрочем, про Аврору Райнике ничего не знал, ну, корабль и корабль, почти в каждом порту любой страны есть какая-нибудь посудина с историческим прошлым, которую бесконечно показывают туристам. Он совершенно не удивился, выяснив, что красивым видом исчерпываются почти все достоинства отеля. Ремонт здесь был давно, убирались горничные нечасто и без всякого энтузиазма, так что человек более брезгливый, чем Хитрый Лис, мог бы, пожалуй, и скандал устроить. Но Райнике, побывав наемником в некоторых странах Азии и Африки, приучил себя смотреть на комфорт как на бонус: есть - замечательно, нет – обойдемся. Он спустился в бар, взял пива и сел за столик в углу. В течение следующих

15 минут он отшил продавца кокаина, сутенера и еще пару человек, которым не терпелось что-нибудь ему продать. На следующий вечер у него назначена была встреча с местным хакером: русские традиционно предпочитали оплату наличными, не боясь персональных контактов. Райнике решил работать по проверенной схеме: пропустить кадры с уличных и прочих камер наблюдения через фильтр, чтобы среди миллионов лиц компьютер отыскал черты Мириам.

Сегодня заняться Райнике было нечем, и он отправился бродить по городу. Проехался на туристическом автобусе, послушал экскурсию на немецком (французский текст был записан с таким жутким акцентом, что он и пытаться не стал). Вечером зашел в ресторан. Опять отказался от настойчиво предлагаемых услуг.

Пока ужинал, обратил внимание на барменшу: фигурная мулатка с пышной копной вьющихся волос ловко управлялась с коктейлями и жаждающими общения посетителями. Поймав ее взгляд и получив ответную улыбку, Райнике написал на салфетке номер своего телефона и имя, отнес листочек на стойку бара и минут через десять получил СМС с вопросительным знаком. Спросил по-английски, во сколько она заканчивает работу. Девушка подняла глаза от телефона и принялась рассматривать Райнике. Должно быть, осталась довольна, т.к. написала "Через 2 часа". Он ответил, что вернется к этому времени, расплатился и опять пошел бродить по улицам.

Она вышла через два часа и десять минут, остановилась перед ним. Каблуки ее сапог сделали их одного роста. Райнике рассматривал смуглую кожу, блестящие темные глаза, чуял пряный запах духов и думал, что девчонка действительно хороша. Бюст размера пятого, не меньше.

- Как тебя зовут?

- Эва, – голос у нее оказался низкий и это тоже ему понравилось. И ее кожаный корсет поверх шелковой красной рубашки длиной почти до колен. И яркий макияж.

Эва взяла его за руку и подалась поближе, словно принюхиваясь. На секунду ее щека коснулась его небритого подбородка. Потом Эва отстранилась, улыбнулась и, не выпуская его руки, замахала проезжавшему мимо такси.

В машине он попробовал было завести разговор, но Эва лишь тряхнула волосами и на удивительно хорошем английском спросила:

- Ты точно хочешь разговаривать? Давай я сделаю это быстро. Смотри: ты бизнесмен и приехал в Питер по делам. А я студентка и

подрабатываю в баре. Ты молод и тебе скучно, а я люблю приключения. Вот и все, что нам с тобой нужно знать. Разве нет?

- Да, - с готовностью отозвался Райнике, и они перешли к предварительному знакомству на заднем сидении такси.

Портье в гостинице посмотрел неодобрительно, буркнул напарнику:

- Что они вечно со стороны тащат, будто у нас своих девок нет.

Но вслух сказать ничего не посмел.

Эва оказалась хороша. Райнике увлекся, и поспать получилось всего пару часов. Проснувшись, он потянулся и выскользнул из кровати. Девушка спала. Шторы в номере были задернуты, и на какой-то момент в полумраке зрение сыграло с Густавом дурную шутку: ему вдруг показалось, что черты смуглого лица его подруги грубые и резкие, надбровные дуги низкие, как у человекообразной обезьяны, ноздри выворочены и в углу большегубого рта блестит желтоватая слюна. Шагнув к окну, Райнике дернул шторы. Обернулся. Потревоженная светом, Эва прикрыла лицо ладонями, потом отняла руки и обиженно захлопала глазами:

- Ты чего?

Мужчина оглядел слегка помятую со сна симпатичную мордашку, перевел дыхание и понял, что у него колотится сердце, и ладони взмокли от пота. Черт, возраст, наверное. Пора завязывать со всякой фигней, сказал он себе. Вернусь домой, буду... что я там буду делать?

Выкинув дурацкие мысли из головы, он отправился в душ. Эва постучалась через пару минут, и они чуть не разнесли душевую кабину, развлекаясь.

Он заказал на двоих кофе и сырники в номер (хотел круассаны, но Эва отсоветовала). Она пила кофе и рассматривала сидящего на кровати рыжего мужчину. Вздохнула.

- Давай я тебе помогу.

- Чем же?

- Ты ведь ищешь кого-то? Может, я его знаю.

- Откуда ты знаешь?

- Да уж знаю. И еще я знаю, что ты много ездил и много убивал за свою жизнь. И тебя убивали.

Райнике отставил чашку с кофе. Черты лица его словно заострились. Очень быстро он оказался на ногах, схватил девушку за горло и, вздернув на ноги, прижал спиной к стене.

- Объясняй.

Глаза ее наполнились слезами.

- Я лишь хочу помочь... потому что ты мне понравился.

Он не отпускал руки, сжимавшей горло. Эва всхлипнула, подумала, что она дура, и жизнь ничему ее не учит. Потом положила смуглую ладонь на плечо мужчины. Пальцами нащупала шрам. Закрыла глаза. Побледнела. Заговорила быстро.

- Жарко... влажно. Лес кругом. Кровь не останавливается. Ты только что кого-то убил. Двоих. Теперь нужно выбирать. Идти тяжело. Тебя кто-то видит... большая кошка.

Пальцы на ее горле разжались. Райнике тяжело дышал. Лицо его блестело от пота. Он чуть не сдох тогда в колумбийском лесу. Заказ выполнить оказалось не так уж сложно, наркобароны отстроили себе виллу посреди джунглей и почему-то решили, что никто туда не полезет. Два коротконогих, пузатых мужика курили на краю бассейна, завернутые в белые махровые халаты. Густав использовал снайперскую винтовку, даже подходить близко не пришлось. Охрана, прибежавшая на выстрелы и увидевшая трупы, палила из автоматов наугад, и зацепило его случайно. Пуля прошла навывлет и рана-то была несерьезная, но в местном климате кровила не переставая, и Райнике шел по лесу, петляя и путая следы, чтобы выйти к тому месту, где ждала помощь. И в какой-то момент он почувствовал этот взгляд. Обернулся и увидел среди мешанины ярких пятен и бликов солнца чудесное тело и глаза убийцы. Ягуар смотрел на него в упор. Немигающий взгляд, красивое тело. Ноздри зверя подрагивали, чуя запах крови.

Райнике подумал, что у него есть шанс, только если он сможет ударить первым. Достал нож, напряг мышцы. Но зверь не стал нападать. То ли был сыт, то ли решил не связываться. Прикрыл глаза, притушив их блеск, и канул куда-то в чащу.

И вот теперь он вспомнил тот день и взгляд зверя-убийцы: холодный, равнодушно-внимательный, призванный парализовать жертву. Он усилием воли взял себя в руки и поднял глаза на девушку:

- Ты кто?

- Эва. У меня есть кое-какие способности, - она потерла горло. - Хотела помочь тебе, просто... Черт, забудь, - бочком, боясь повернуться спиной к мужчине, она двинулась к двери.

- Подожди.- Рыжий Лис выдохнул, подошел к кровати и взял мобильный.- Смотри, вот эту женщину я ищу.

Он нажал пару кнопок, и на экране ожила темноволосая молодая женщина. Она оглянулась, с загорелого плеча соскользнула лямка цветастого сарафана, что-то сказала, засмеялась. Прищурилась от солнца, раскинула руки, словно пытаясь обнять простирившиеся до горизонта

виноградники. Эмиль снимал жену около года назад, когда они ездили в Шампань к друзьям.

- Повтори, - Эва смотрела ролик еще раз и еще, потом покачала головой:

- Я ее не видела. Но знаю того, кто видел. Отведу тебя, если хочешь.

Райнике был готов через три минуты.

И вот они идут по улицам Санкт-Петербурга. Вчера день был солнечным и теплым. но сегодня все вдруг поменялось: с залива потянуло холодом, ветер дул сырой и промозглый, небо потонуло в серой дымке, которая время от времени брызгала мелким дождиком, не дождиком даже, а словно пылью, которая из мокроватого мягкого тумана неожиданно превращалась в ледяную крупу, больно секшую кожу. Эва шла быстро, ныряя из одного проходного двора в другой, лишь изредка выходя на улицы. Райнике следовал за ней, иной раз озираясь в изумлении. Еще вчера он гулял по городу и решил, что место вполне достойное: отреставрированные фасады домов, налаженная система общественного транспорта, чистые проспекты, полные хорошо одетых людей. Сегодня он шел по совершенно другому городу. Дворы- колодцы щерятся облезлой штукатуркой, оскорбляя нюх запахом мочи и помоек. Стены зданий и заборы разъедены соленой сыростью близкого моря. Грязные окна смотрятся мертвыми бельмами.

Через какое-то время они миновали Выборгскую сторону, Ланское шоссе, пересекли проспект Испытателей и дошли до Удельной. Рынок кипел жизнью. Райнике поглубже затолкал кошелек и удвоил внимание. Эва подошла к женщине, сидевшей на раскладном стульчике перед нехитрым товаром.

- Привет, мама.

Баба-яга вскинула голову и глянула на дочь неприветливо.

- Чего тебе?

- Мне нужна твоя помощь.

- Тебе?

- Вот, - Эва вытолкнула перед собой Райнике.- Он ищет кого-то, с кем ты говорила и кому захотела помочь. А я... я хочу, чтобы ты помогла ему.

- Щас, - Баба –яга сгорбилась и неприветливо обзрела иностранца.- Если я буду каждому твоему хахалю одолжения делать, у меня больше ни на что времени не хватит. Да и не стану я... она пряталась, так пусть лучше он ее не найдет.

- Ну мама! Я тебя прошу!

Из всего разговора Райнике понял только слово "мама" и с удивлением разглядывал женщину, которая показалась ему дряхлой старухой. Баба –яга отвернулась, выпрямила спину, сдернула платок с пепельных дредов и, когда повернулась, у Райнике отвисла челюсть. Конечно, она старше Эвы и не мулатка, но... но встретить он ее вчера, пожалуй, попытался бы уложить в постель. Баба –яга хмыкнула, оценив реакцию мужчины, смягчилась, потом сказала ему:

- Дай руку.

Понукаемый Эвой, он послушно протянул ладонь. Ведьма приложила его ладонь к своей щеке и прикрыла глаза. Замерла, словно прислушиваясь, потом оттолкнула его и сказала:

- Злой и убийца.

- Ну, мама!

- Что, мама? Ладно, не голоси. Давай так – он поможет мне, а я ему.

- И чего ты хочешь?

- Пусть отберет у Хмыря мою картину.

- Ты что! Хмырь его убьет!

- Ну, это еще нигде не написано. А за так ничего делать не буду. И отлипла бы ты от него, не твой он человек... он охотник. Пусть его ищет след...

Райнике терпеливо ждал, чем кончатся переговоры, поглядывая то на женщин, то по сторонам. Местечко ему не нравилось, но он видал и похуже. Эва то ругалась, то упрашивала о чем-то женщину, но та стояла на своем. Райнике видел, что не понравился матери Эвы и тронул девушку за руку.

- В чем проблема?

- Она хочет, чтобы ты заплатил за помощь.

- Не вопрос. Сколько?

- Нет, деньги ей не нужны. Есть одна вещь, которую у нас украли. Отобрали. И вот если ты ее вернешь...

- Какая вещь?

- Картина. Наследство... бабушки.

- И где она?

- В одном притоне. Ее забрал Хмырь.

Райнике очень внимательно поглядел на старшую из женщин, и выражение ее лица ему не понравилось.

- Давай подождем, - сказал он Эве. – У меня есть другой след. Если он выведет меня на мою цель, я не стану связываться с твоей мамой. Мне кажется, я ей не нравлюсь.

Эва кивнула.

- А если тот след оборвется... тогда подумаем.

Глава 18

К разочарованию Райнике Лиса, компьютерный след, на который он возлагал большие надежды, оборвался.

Русский хакер, с которым он встретился о маленьком полутемном баре в двух шагах от Невского, и которому изложил свои пожелания, хмыкнул и покачал головой. Выяснилось, что большая часть камер, стоящих в торговых центрах, больницах и других местах скопления народа, просто не подключена к общей системе. Соответственно, надо сперва подключиться к системе, найти место хранения информации по каждой точке, потом отсмотреть материал. Даже при условии, что смотреть будет компьютер – то есть программа распознавания лиц – все равно потребуется нереально много времени.

- Но что-то же ваша полиция смотрит? – недоумевающе спросил Райнике. – Не может быть, чтобы хоть часть объектов не находилась под наблюдением государства.

- Смотрит. Но камеры паршивые, лица видны плохо, - хакер вытер нос тощей грязной лапкой и заказал еще пива. Райнике смотрел на него и удивлялся, как же эти люди, зависимые от своих компьютеров, похожи друг на друга: голова немытая, тело нетренированное (этот тощий, а тот, которому он платил во Франции, был толстый), глаза как у обдолбанного торчка.

- Почему камеры паршивые? – спросил Хитрый Лис, которому все казалось, что парень просто пытается увильнуть от работы.

- Потому что дешевые! Деньги выделяли на одно оборудование, купили другое, на что хватило, когда бюджет попилили.

- Попилили?

- Украли.

- Ага. Но хоть что-то ты сможешь посмотреть?

- Попробовать могу.

Райнике ждал. Ноябрь вовсю засыпал город то дождем, то снегом, то ледяной крупой... Никогда прежде Райнике не видел такого разнообразия неприятных природных осадков. Даже его тренированное тело мерзло в этом жутком климате. Эва смеялась и говорила, что купит ему шерстяные подштанники, а спать будет укладывать в вязаном колпачке, чтобы уши не мерзли.

Когда хакер позвонил и сказал, что результаты нулевые, он потребовал, чтобы этот технический гений показал, как работает, иначе отказался платить. Тот обиделся, ругался на русском, немецком и английском, но клиент попался упертый. Хакер привел иностранца в старой постройки дом, с широкой лестницей и высокими потолками. Кое-где еще сохранились остатки лепнины, перила вились лозами, но это лишь усиливало впечатление запустения и неухоженности здания. Крашенная коричневой краской и порядком облезлая деревянная дверь украшена тремя звонками, и Райнике, изучавший местные реалии как самостоятельно, так и с помощью Эвы, понял, что квартира коммунальная, то есть тут живут как минимум трое чужих друг другу людей.

- Ты не боишься, что соседи донесут на тебя? Хакерство незаконно. – спросил он.

- Кто донесет-то? – волосатый хмыкнул.- У меня в соседях баба Нюра, которая плохо слышит и еле ходит. Я ее всю жизнь знаю и продукты ей ношу. Да она и слов таких как "хакер" и "сервер" не понимает. А там, - парень махнул рукой в сторону другой двери, - там прописан дядя Паша, но он моряк. И большую часть жизни проводит в море. Он с моим отцом... короче, неважно. Я точно знаю, что тут безопасно и все.

Он отпер деревянную обшарпанную дверь и провел заказчика в комнату. Шторы за больших окна закрыты, из мебели в комнате имелась плохо различимая в полумраке кровать под балдахином и ломберный столик. Вместо шкафа ниша в стене, задернутая занавеской. Райнике отдернул штору и при свете собственного мобильного полюбовался убогим гардеробом хакера и шикарной экипировкой сноубордиста. Эта жилая зона располагалась справа от входа. Слева вдоль стены выстроились крепкие металлические столы и стойки с компьютерным оборудованием. Густав подошел и, щелкнув мышкой, оживил экран. В правом углу застыли несколько снимков Мириам, размеченных точками, по которым компьютерная программа сравнивает лица. В центре экрана полоска индикатора показывала 92% отсмотренного объема. Райнике сидел в полутемной комнате до тех пор, пока программа не завершила работу. Компьютер выбрал всего два изображения, которые с 60% вероятностью опознал как Мириам. Один снимок был сделан камерой около станции метро Удельная.

Райнике кивнул: он так и думал, что Баба-яга, мать Эвы, встречалась с объектом его розыскной деятельности. Второй снимок - одна из уличных камер на Невском. Женщина в легкой куртке и темных очках идет по улице. Все.

Он расплатился с хакером и ушел. Связавшись с заранее установленными контактами, получил оружие, а потом позвонил Эве и сказал, что выполнит требование ее матери.

Двор –колодец. И дома-то вроде невысокие, все-таки город Пушкин, не центр, но двор все равно сырой и бессолнечный. Райнике поднял голову и взглянул на окна третьего этажа. Окна предусмотрительно выходили на козырек подъезда. Если что, путь отступления весьма удобный.

- Ты ждешь меня здесь, - сказал он Эве.

Девушка куталась в красное клетчатое пальто. В это трудно было поверить, но с того, первого его дня в Питере, погожего дня, в городе ни разу не было солнца. Райнике не хотел себе в этом признаваться, но по утрам он смотрел в окно с надеждой. И надежда эта каждый раз разбивалась о серое бугристое небо. Он давно съехал из гостиницы "Санкт-Петербург" и поселился в квартирке Эвы неподалеку от метро Московские ворота.

- Я подожду в подъезде, – сказала она.

Райнике положил руку ей на плечо, намеренно сделав жест тяжелым.

- Я тебя прошу, жди здесь. Не мешай мне. И напомни еще раз, что я должен взять.

- Рамка тридцать на тридцать сантиметров. Внутри геометрический узор, вроде спирали. И вот еще что: не смотри в центр спирали. Постарайся вообще внимательно не смотреть на картину.

- Почему?

- Это мандала. Такой узор для медитации. Он очень... отвлекает от всего.

Райнике кивнул, наклонившись, поцеловал Эве в щеку и пошел к подъезду. За деревянной дверью со сломанным кодовым замком предсказуемо пахло кошками и еще какой-то дрянью. Он поднялся пешком на третий этаж, не касаясь грязных перил, и остановился у нужной двери. Достал пистолет. Проверил, хорошо ли вынимается нож из чехла на поясе. Позвонил.

- Кто там? – голос из-за двери раздался сразу же, словно кто-то сидел у порога и ждал.

- Курьер. Мне нужен Хмырь.

Эва долго тренировала его, и эти слова Райнике научился произносить по-русски почти без акцента.

После короткой возни и бурчания голосов, дверь открылась на цепочку и в щели мелькнула пьяноватая рожа мелкого мужичка.

- Чего тебе? – спросил он, пытаясь рассмотреть визитера.

Райнике сунул пистолет в полуоткрытую дверь и выстрелил под ноги хозяину. Тот с руганью шарахнулся в сторону. Его замешательства гостю хватило, чтобы сунуть руку в проем и отстегнуть цепочку. Хмырь вцепился было в ручку двери, но по силе он не мог сравниться с молодым тренированным мужчиной. Рывок на себя – и дверь распахнулась. Хмырь, не выпустивший ручку, по инерции вылетел на лестницу. Райнике быстро захлопнул дверь и запер замок. Потом двинулся вглубь квартиры. В углу коридора он увидел сжавшуюся от ужаса тщедушную фигурку: почти копия Хмыря, только моложе: кривоватые ноги, плохие зубы, весь какой-то косоватый человечек таранился на гостя, и изо рта его тянулась ниточка слюны. Райнике прошел в комнату, стараясь краем глаза присматривать за человечком – нельзя никого оставлять за спиной.

В комнате было мерзко: зашарканный линолеум, старые обои, на которых пятен больше, чем цветочков, матрасы на полу, стол с грязными тарелками. Большая и дорогая плазма на стене и множество бутылок везде где можно. На одном из матрасов кто-то спал. Воняло тут невымытым телом, тухлой едой, перегаром и чем-то сладким и мерзким. Лис решил, что местные варят что-то на основе опийной соломы. Он оглядел стены: старый календарь и дорогая большая плазма, больше ничего. Шкафов тоже нет, так что прятать добро негде. Он двинулся в кухню, очень надеясь, что не придется обыскивать те мерзкие матрасы.

Рамку подходящего размера он увидел на стене у входа в пищеблок. Скользнул взглядом по грязи и беспорядку, по кастрюле на плите; так и есть, вон и мешок с соломой на полу. В рамке зазывно улыбалась голая красotka. Видно было, что картинка вырезана из журнала и наклеена на основу. Он сдернул рамку и перевернул. Чуть не уронил, потому что вещь оказалась неожиданно тяжелой. На антрацитово-черном фоне каменной пластинки змеился узор, выложенный из камушков, чешуек, лепестков цветов и бог знает из чего еще. Райнике вдруг увидел лавандовые лепестки... того же цвета, что были цветы на поле, где они гуляли с мамой.

- Чудесные цветы, - смеясь, говорила она.

- Очень сильно пахнут, - морщился Густав, у которого кружилась голова от запаха.

- Ну, идем тогда. Я куплю тебе мороженого...

Мама схватила мальчика за руку, и они побежали по дороге вдоль поля. Она смеялась, золотистые волосы блестели на солнце, и было на ней белое платье с красным бантом. И серьги тоже красные, шариками...

Он почувствовал опасность, но не успел среагировать достаточно быстро. Нож вошел в бок и Райнике понял, что зря не послушал Эву. Говорила же она – не смотри на картину. Он развернулся и увидел Хмыря. Тот стал словно выше, и внимательно смотрел на раненого врага, ощерив зубы. Райнике удивился, увидев, что кожа мужичка имеет зеленоватый оттенок и словно бугристая, а глазки еще меньше, чем ему показалось вначале и налиты кровью. И в ощеренном рту видны клыки. Он шагнул вперед, опять выстрелил Хмырю под ноги, отгоняя его с дороги.

Охотник был молод и силен, и у него хватило сил выйти из квартиры, прижимая к себе картину, спуститься по лестнице. На втором этаже его догнал было Хмырь, но, увидев, пистолет и прикинув, что мужик крепкий и вот так сразу сознание не потеряет, зашипел и крался следом, пока Райнике не вышел из подъезда, и Эва не схватилась за телефон, вызывая Скорую. Она же подхватила пистолет, когда Райнике рухнул к ее ногам, прошептав, "Нож не вынимай", и угрожала им Хмырю и еще двоим, пытавшимся выбраться из подъезда и злобно ругавшимся. Она отшвырнула пистолет, лишь увидев Скорую. Оружие было без маркировки, и она, и Лис ни разу не брали его без перчаток. Тут никто ничего не докажет.

Она держала Лиса за руку, мешаясь врачу, который нож трогать не стал, но померил давление и, задав пару вопросов об аллергиях и заболеваниях, вкатил что-то в вену.

В какой-то момент Эва все же сообразила вытащить его портмоне, достала паспорт французского гражданина и деньги. То и другое помогло договориться с врачами и существенно ускорило процедуру переезда Райнике из приемного отделения в операционную.

Эва ждала, сидя под дверями оперблока, невидящими глазами глядя на трещины в потертom линолеуме и прижимая к себе картину. В какой-то момент она очнулась, позвонила матери. Та явилась удивительно быстро, села рядом, обняла девушку и Эва расплакалась. Потом оттолкнула Бабу-ягу и зло сказала:

- Ты специально его туда отправила... Знала, да?

- Нет. Не знала.

- На, забери свою дорожку в никуда, - девушка сунула матери тяжелую рамку. Та взяла ее бережно, провела пальцами по краю, брезгливо поморщившись, отодрала картинку с девкой. Достала из сумки кусок ткани, завернула картину и убрала. Тщательно застегнула сумку и вдруг замерла, словно к чему-то прислушиваясь.

Глава 19

Мири сжала зубы, чтобы не застонать в голос. С утра ничто не предвещало проблем, но к обеду низ живота налился тяжестью, и в какой-то момент она почувствовала боль. Испуганная, попросила Михаила Ивановича отвезти ее в больницу. Людмила Петровна быстро собрала все самое необходимое и помогла Мири дойти до автомобиля.

Доехали они на удивление быстро. Увидев, что машина въезжает в ворота, а вокруг невысокие здания красного цвета с белой отделкой фасадов, Мири испуганно спросила:

- Михаил Иванович, мы куда?

- Детка, пробка на дороге, - водитель оглянулся, на лице его читалась искренняя тревога. – Навигатор показывает сплошь красным. И по встрече не обойдешь – дорога стоит в обе стороны. А это хорошая больничка, не гляди, что старенькая. Это бывший Царкосельский Дворцовый госпиталь, тут кого только не лечили, и Екатерину 11, и Николая 1, и графа Витте.

Мири хотела поинтересоваться, как ей поможет эта галерея исторических портретов, ведь давно это было. Однако очередной спазм оказался так силен, что дыхание перехватило, а на глазах выступили слезы.

Голова Мири, лежащей на заднем сидении, покоилась на коленях Людмилы Петровны. Та старалась успокоить молодую женщину, хотя сама едва не плакала от волнения.

- Здесь хорошие врачи, вы не волнуйтесь, - тараторила она.- Это я Мише не велела в город ехать. Если ребеночек в родовой канал войдет, проблем больше будет.

- Я... - Мири увидела людей с каталкой, идущих от корпуса. - Я вам верю... спасибо. Людмила Петровна, помните, что эта вещь должна быть со мной, - она указала на маленькую сумочку. В первый же свой приезд в Санкт-Петербург она попросила Михаила Ивановича подождать ее у церкви. Купила две иконы в красивых окладах. А потом аккуратно собрала из двух икон одну, поместив в образовавшийся тайничок крыло ангела. Она поставила икону подле кровати и, если ехала к врачу, брала с собой. Людмиле Петровне сказала, что икону подарила мама, на ней благословение от старца. Вот и теперь она ни на минуту не выпускала сумочку из рук.

- Как же с тобой, милая? – Женщина гладила Мири по непослушным темным волосам и покрытому испариной лбу. – Это ж больница.

Увидев, что по щекам Мири покатались слезы, она быстро сказала:
- Давай я возьму и уж постараюсь быть поближе, а то, может, договорюсь с кем...

Мири протянула ей сумку. И вот уже ее извлекают из машины, укладывают на каталку и везут через приемное отделение в акушерство. Там делают УЗИ. Людмила Петровна в накинутом на плечи белом халате сидит рядом, незаметно подложив сумку так, чтобы Мири чувствовала боком твердый оклад иконы.

- Вот что, моя дорогая, - тоном старенького профессора сказал молодой и симпатичный врач, посмотрев результаты УЗИ, послушав плод и сделав экспресс-анализ крови. – Мы вас кладем к себе.

- Но...

- Никаких но! Сейчас поставим релаксант, мягкий препарат, ничего радикального. И посмотрим, как пойдет. Если отпустит, замечательно, полежите пару дней и домой поедете доживать. А вот если не отпустит, будем вас кесарить.

- Почему это? – вскинулась Мириам. - Я вполне здорова и хочу рожать сама!

- Риск слишком велик, - устало сказал врач, на бейджике которого Мири прочла "Одинцов Лев Семенович". – У одного из деток видно плотное обвитие пуповиной. Если потуги затянутся, кислородное голодание окажется длительным. Нам это не нужно.

Мири вдруг заколебалась. Вмешательство в естественный ход событий пугало ее. За время, проведенное в особняке Олега Ивановича, ей удалось успокоиться и настроить себя на мирное ожидание чего-то хорошего. Тем более что УЗИ и прочие анализы не показывали никакого отклонения в развитии детей. Пол определить так и не удавалось: они уворачивались. Хотя один из специалистов и утверждал, что это мальчики.

Лев Семенович искоса взглянул на женщину:

- И в чем проблема? Что суксилась? Самая примитивная операция.

- Страшно.

- Глупости. Наркоз подберем щадящий, все нормально будет.

- Не волнуйся, милая, я с тобой побуду. Если вещи понадобятся, Миша все привезет. Иконка твоя с тобой.

- Вот мама ваша дело говорит.

Мири вздохнула: ее мама сейчас во Флориде, да и толку с нее было бы, пожалуй, меньше, чем с Людмилы Петровны.

Поэтому она не стала поправлять врача, улыбнулась своей няньке, и они поехали в палату. Капельница позволила ей протянуть еще пару часов и

даже подремать. Но как только катетер вынули, и Мири встала, намереваясь дойти до туалета, живот свело болью и она, согнувшись, схватилась за край кровати.

- А ну-ка, быстро легла! – сестра с Людмилой Петровной ловко уложили Мири обратно на кровать, через пару минут прибежал врач, и все началось по новой: укол, УЗИ, еще укол.

И наконец Лев Семенович бодро сказал:

- Ну, думаю нам пора. Зато все подружки будут вам завидовать: растяжек меньше и отделалась быстрее.

- Что, прямо сейчас? – Господи, как страшно! Мири вцепилась в руку Людмилы Петровны, с трудом сдерживаясь, чтобы не зарыдать и не забиться в истерику с воплями: Не надо! Я не хочу! Мне страшно!

И вот ее везут в оперблок, и последнее, что она видит: Людмилу Петровну, которая прижимает к груди сумочку с талисманом и торопливо крестит Мири.

Очнувшись, она пошевелилась и тут же рядом оказалась сестра.

- Вернулась? – спросила она. – Пить нельзя пока. Губы смочить?

- Да...

Несколько капель, которые шершавый язык размазывает по сухим губам. Почему-то болит горло. Ах да, трубка наркоза.

- Дети, - шепчет она. – Дети как?

- Нормально вроде, - осторожно говорит сестра. – Скоро придет врач и все расскажет.

Врач появился через полчаса. Эти тридцать минут стоили Мири ужасных мук и тоскливого страха.

Лев Семенович, улыбаясь, сел на край кровати. С ним пришла еще одна женщина: полноватая, с ямочками на щеках, которую он представил как заведующую детским отделением Зульфию Рустемовну.

- И чего боялась? – ласково попеняла она. – Чудесные детки. Мальчик покрупнее, девочка поменьше. Так часто бывает – один из детишек немного слабее. Это нормально. Пока они в инкубаторе, потому как семимесячные. Но для родившихся преждевременно они дают очень хорошие показатели.

- Она... - Мири проглотила слово "нормальная". – С девочкой все хорошо?

- Конечно. Рост 36, вес 2200. Мальчик покрупнее – рост 38, вес 2400. Как ты, такая хрупкая, носила- то их. Ну, не реви, не реви. Отдохни.

- А можно мне их увидеть?

- Здесь реанимация, - вмешался Лев Семенович. – Вам нужно отдохнуть, а за детьми пока поухаживают врачи.

Доктора ушли, но через пару минут Зульфия Рустемовна вернулась, склонилась над Мириам и прошептала:

- Мама твоя просила сказать, чтобы ты не нервничала, иконку я в детском отделении пристроила. - Она улыбнулась и добавила: - Вреда от нее точно не будет, а вера творит чудеса.

Мири прошептала "Спасибо", и по щекам опять потекли слезы.

Через пару дней Мири уже вставала и по несколько раз в день добиралась до детского отделения, где ей разрешали посмотреть на малышей, лежащих в кюветах, и даже подержать их за крошечные ручки. Шов болел, но она не обращала на это внимания, занятая насущными проблемами, вроде сцеживания молока и тому подобного. С молоком получалось плохо и это расстраивало ее до слез. Мири послушно пила мерзкие на вкус травяные чаи, которые приносила Людмила Петровна, массировала грудь, но из темно-розовых сосков упорно сочились лишь капли, да и те даже на вид были жидкие, чуть ли не голубоватые.

- Ты у нас полуторапроцентная, - смеялись соседки. У всех троих с молоком было получше, а одна – Марго, так и вовсе подставляла банку и едва касалась груди, как в стекло с шипением била тонкая, но сильная струйка приятного кремового цвета. Собственно, этим молоком и кормили детей Мириам, потому что у Марго малышка все высосать не могла.

А Мири вдруг успокоилась и почувствовала себя почти счастливой. Тревога и неизвестность, снедавшие ее до рождения детей, уступили место какому-то хрустально-весеннему чувству ожидания, надежды и веры. Так бывает, когда выздоравливаешь после болезни: еда обретает новый интересный вкус, запахи и краски окружающего мира, забытые за дни серого тумана недуга, наваливаются и оглушают яркостью и свежестью. И пусть за окном зима: сердце чует весну, потому что началось что-то новое и прекрасное.

Ее новая, счастливая и прекрасная жизнь находится совсем рядом – в детском отделении. Мальчик и девочка, родившиеся до срока, спят, едят и, по уверениям врачей, развиваются вполне нормально. По настоянию Мириам Зульфия Рустемовна провела все возможные исследования и анализы, и никакой патологии ни у мальчика, ни у девочки выявлено не было. Но едва ли не больше чем результаты анализов, успокоил Мириам увиденный сон: она увидела теплое золотистое свечение, наполнявшее помещение детского

отделения и каждое тельце, каждый маленький человечек – в отделении лежали семь малышей - покоился не просто в кроватке или кювете, а в теплых и надежных ладонях.

Успокоившись, Мири сообразила, что надо бы поставить родственников в известность о радостном событии. Она написала адвокату, приложив список адресатов, которым следовало отправить уведомление о том, что появились на свет Джейкоб Алекс Гринберг и Мария Алекс Гринберг.

Услышав имена, Людмила Петровна поджала губы:

- И как же их, по -твоему, называть будут? - спросила она, сердито глядя на Мириам.-Девочка-то ладно: Мария, ну, Маша и хорошо. А пацанчик? Ну вот сама подумай: кругом Пашки да Сережки, а твой?

Мириам растерялась: ну, не объяснять же милейшей женщине, что непонятно пока, где именно пройдет детство малышей. Поэтому она примирительно сказала:

- Это просто произношение иностранное. Я ведь гражданка Франции, так нужно будет написать по- французски. А так: Яков и Мария.

- Ну вот! – Людмила Петровна заулыбалась.- Другое дело! Яша и Маша!

Глава 20

- Чем заняты, маменька? – Густав возник в дверях кабинета, где коротала время его матушка.

Катерина Эвангелина Болин подняла голову и быстрым взглядом окинула ладную фигуру сына. Хорош, ничего не скажешь. Умен, приятен в общении, одет по моде, но без вычурности. Даже сейчас, столько лет спустя, она не переставала удивляться прозорливости своей матушки, которая поддержала решение младшей дочери выйти замуж за шведа, который без году неделя работал в их компании бухгалтером.

Сестра и зять советовали повременить, присмотреться, может быть, подождать лучшей партии. Батюшка был уже болен и голос свой не возвышал. А маменька провела вечер за картами, а утром сказала:

- Выходи за него. И не медли. Этот человек начнет большой путь. И ради чего-то важного будет судьба вас хранить. И дом у тебя будет полная чаша и дети.

Как в воду смотрела маменька - благословил Господь детьми: пять дочерей и два сына. И муж был оценщиком, а потом и придворным ювелиром императорского двора. И всегда прислушивался сперва к советам тещи

своей, уважая ее безмерно, а потом и к Екатерине тоже. Теперь она вдовееет, но сыновья ее не забывают.

- Что говорят карты, маменька? – Густав присел к столу, с любопытством разглядывая разноцветные картинки старой колоды. Последнее время он видел похожие в салонах светских дам и господ, которые вдруг увлеклись мистикой и чудесами; впрочем, мудрые люди говорят, что такое поветрие всегда случается на рубеже веков.

- Карты говорят разное, но от нас, дружок, ничего не зависит.

Катерина Болин погладила карты, доставшиеся ей от матери. Она умела гадать не так хорошо, но все же порой поражалась, насколько точно выстраивались события жизни людей, следуя предсказанию таро.

- А ты не хочешь ли поучиться читать карты, милый?

Густав был почтительным сыном, а потому не стал говорить, что забава эта представляется ему пустой. Ответил уклончиво:

- И хотел бы, маменька, да ведь это времени требует. Помню, вы говорили, что не так просты эти карты. А в салоне баронессы Вейль третьего дня я видел похожую колоду. И человек, который ее привез, подарил баронессе еще и книгу. Не помню автора, но писано по-французски. Автор утверждает, что карты Таро есть наследие египетских мудрецов, которое они зашифровали, чтобы мудрость их не пропала в веках.

- Глупости, - Катерина покачала головой, блеснули в седых волосах искусно украшенные гребни (подарок покойного мужа). – Мудрецы Египта никому не собирались передавать никаких знаний. Мир свой они полагали центром вселенной. А кого волнует, что будет после гибели мира? Тут дело в другом... - Катерина убедилась, что сын слушает ее внимательно и продолжала. - Помнишь, когда ты и твой брат были маленькими, я рассказывала вам сказки про богов и миры?

- Конечно! – Густав улыбнулся. - Мы с братом обожали твои сказки про Одина, Локи и красавицу Фрею. Но больше всех нам нравился Тор.

- Да, - Катерина улыбнулась, вспомнив, как мальчишки бегали по двору с молотком и воображали себя героями... а потом окно разбили в гостиной. И были наказаны отцом... - Но в каждой сказке есть доля истины. Моя матушка, помимо северных легенд, знала мудрость восточного народа. Мудрость называется Каббала. Кто научил ее – мне не ведомо. Только она говорила, что мудрость настоящая всегда одна. Весь мир – и северный, и наш, и самые дальние страны – все движется по одним и тем же законам. Предвидеть движение частей мира и помогают карты Таро. Нужно обладать определенными знаниями, чтобы читать карты. Потому и предлагаю научить тебя той малости, что открыта мне.

Густав заколебался. Он не раз убеждался в необычайной прозорливости матушки, и в этом ей помогали, конечно же, необычные карты. Но читать заумную книгу, проводить часы, разбирая комбинации старших арканов и прочего... Скучно как!

Катерина все поняла по лицу сына, вздохнула.

- Ну да бог с тобой, - сказала она. – Может потом как-нибудь. А пока... пусть все идет, как идет.

Густав, довольный, вскочил с места, подставил лоб под поцелуй и, уже думая о том, куда поехать вечером: в театр ли, или в салон к баронессе Вейль, спросил:

- Так что говорят карты? К чему все идет?

- Ступай, - Катерина перекрестила сына и махнула рукой. Когда за молодым человеком закрылась дверь, она опустила взгляд на карты и вздохнула: все идет к хаосу. Хаос и смерть предрекает Таро.

Глава 21

- Мириам, иди сюда! – Марго восседала на кровати, поджав ноги. Остальные две соседки по палате сидели на соседней кровати, с любопытством разглядывая разложенные на одеяле карты.

- Гадаете? – равнодушно поинтересовалась Мири. – Я в это не верю...

- А у меня не просто гадание. Это тебе не какая-нибудь дама, которая выпадает валету. Я гадаю на картах Таро, - Марго важно покивала головой, отчего ее рыжие волосы, забранные в хвост на макушке, закачались смешной пальмочкой.

- Таро? Вот уж не думала, что сейчас кто-то этим увлекается. Моя бабушка любила Таро...

- Настоящая мудрость всегда пользуется спросом, - важно заявила гадалка.

- Да? Ну, я все равно не верю!

- Так давай просто поиграем. Скучно же! До кормления еще куча времени.

Мири колебалась, но, уступая напору женщин, согласилась. Она присела на край кровати и Марго протянула ей стопку карт.

- Возьми в руки. Это самый простой способ. В этой кучке только старшие арканы, ну, то есть карты с картинками. Просто сосредоточься, закрой глаза и спроси карты: "что было в моем прошлом?"

- Не хочу про прошлое, - упрямо покачала головой Мири.

- Ну, тогда спроси: "что я переживаю сейчас?" и выложи одну за другой три карты рубашками вверх. Потом спроси: "что ждет меня в будущем?" и еще три карты рубашками вверх. А потом мы их перевернем и истолкуем. Поняла?

- Поняла, - Мири вздохнула и взяла в руки колоду. Карты оказались неожиданно тяжелыми и прохладными на ощупь. Гадать не хотелось, но раз уж ввязалась в это дело... Мири закрыла глаза. "Что я переживаю сейчас?" Глупо как-то. В сейчас она и сама разбирается и все про свое сейчас знает. Лучше спросить про будущее. Итак... Что ждет меня в будущем?

- Что ждет меня в будущем? – повторила она вслух.

Марго протестующе пискнула, но промолчала. А Мириам вытянула из колоды наугад три карты.

- Все по-своему норовишь... - проворчала гадалка. Помедлила секунду, то ли для пушного эффекта, то ли и правда волновалась. И перевернула карту.

- Жрица. Это очень сильная карта. Думаю, это ты. Нужно проявить такие качества как мудрость, сообразительность. Не болтать лишнего и, возможно, ты раскроешь тайну.

Мири хотела что-то сказать, но Марго жестом остановила ее и открыла вторую карту. Непроизвольно она чуть подалась назад и понизила голос:

- Это Дьявол. Он означает, что тебя заманивают в ловушку. Это может быть ловушка страстей, или люди что-то замыслили против тебя. – Она заколебалась, но потом все же продолжила: - Эта карта может также означать крушение отношений. Возможно, развод.

- Да я уже, - Мири пожала плечами. – Уже решила, что это неизбежно.

Кто-то из соседок тихонько ахнул. Другая жалостливо завздохала. Марго помедлила над третьей картой. Стало очевидно, что веселья не получилось, но отступить поздно. Нельзя не завершить гадания – карты накажут. И она перевернула третью карту.

- Луна.

Все трое вопросительно взглянули на гадалку, потому что если сразу было понятно, что Дьявол ничего хорошего сулить не может, то Луна таких однозначных ассоциаций не вызывала.

- Это значит... что все вокруг не то, чем кажется, – сказала Марго, с сочувствием глянув на Мириам. – Нужно полагаться на интуицию, а не на здравый смысл. И все равно не факт, что выкарабкаешься из неразберихи и трудностей.

Мири молча разглядывала лежащие на одеяле картинки.

- Извини, - покаянно произнесла Марго. – Я не думала... не хотела тебя огорчать.

- Да ничего. Я все так приблизительно и представляла себе.

Прошло еще несколько дней, и Лев Семенович заговорил о выписке. Он нашел Мириам в холле у окна, где стояли мягкий уголок и телевизор, но уголок был старый и продавленный, к тому же дерматинный. А телевизор не имел пульта и показывал два центральных канала. Зато все пространство перед окном занимали цветы: были здесь роскошные монстры в глубоких кадках и целый ряд щучьих хвостов (или как их еще называют тещиных языков) в алюминиевых ведрах и даже в стеклянных банках. Цвели пурпурными цветами неизбежные гибискусы, вился по стене плющ. Среди зеленого великолепия стояли несколько табуреток и разномастных стульев, гораздо более удобных, чем продавленный дерматинный диванчик.

- Вы можете ехать домой, - сказал доктор, присев на стул и еще раз просмотрев анализы в карте. – Детки пусть еще полежат. Зульфия Рустемовна довольна тем, как у них дела, но все же они маленькие и недоношенные, поэтому лучше подстраховаться.

- Но... - глаза Мири моментально наполнились слезами. – Я не могу!

Доктор приподнял брови, и она вдруг сообразила, что он знает наперед: сейчас сидящая перед ним пациентка распустит сопли, скажет, что дома без детей пусто, что она будет волноваться... Для таких вот бестолковых и слезливых женщин у персонала было принято обозначение "мамашка". Женщину солидную, рассудительную или рожавшую не первого ребенка, называли "мама" или "мамочка". Мириам вздохнула, постаралась включить мозги и как можно спокойнее сказала:

- Я вам очень благодарна, Лев Семенович. И да, вы правы, я себя чувствую очень неплохо... опять же благодаря вам. Но... я бы пока не хотела разлучаться с детьми. Подождите, - она выставила ладошку, прерывая возражения врача. - Я заметила, что народу в родильном отделении немного. Мне сказали, что берут только экстренных, чтобы можно было в конце года закрыть отделение на обработку. Это ведь правда?

Врач кивнул.

- Значит я, даже пребывая здесь больше положенного, вряд ли займу чье-то место. В отделение меня оформили на платной основе, так как у меня нет страхового полиса. Соответственно, за место свое я плачу. Более того, если вы считаете эти аргументы недостаточными, я схожу к заведующему и предложу ему – в смысле отделению – спонсорскую помощь. Наверняка вам нужно какое-нибудь оборудование или ремонт. Почти уверена, что сумею договориться.

- Договаривайтесь.

Рассерженный Лев Семенович ушел, а Мириам стало грустно, и она немножко поплакала, уткнувшись головой в оконное стекло. Нехорошо получилось, не хотела она обижать доктора, но ей нельзя оставлять детей одних. Кто знает, что там еще придумает Эмиль. Как-то очень тревожно на душе.

Заведующий отделением не стал отказываться от спонсорской помощи (и конверта, ненавязчиво оставленного Мири на столе). Олег Иванович по ее просьбе прислал специалистов составить смету для ремонта отделения невынашивания. Мириам прекрасно понимала, что подобная благотворительность влетит ей в копеечку и можно было обойтись просто взяткой заведующему, но ... но ей хотелось, чтобы Лев Семенович не думал о ней плохо. И чтобы мамочки и мамашки, готовые лежать хоть все девять месяцев ради того, чтобы доносить свое чудо-чадо, получили нормальные палаты.

А потом Мириам зашла в детское отделение, посмотрела на деток, поговорила с дежурной сестрой и, уже собираясь уходить, бросила благодарный взгляд на икону, в которой скрывалось крыло ангела. И замерла на пороге, сообразив, что иконы на привычном месте нет. Желудок сжался от страха, а сердце бешено заколотись. Куда же она делась? Мириам повернулась к сестре:

- Скажите, а куда делась икона, вот здесь стояла?

- Так женщина взяла, - сестра оторвалась от бумаг и удивленно воззрилась на мамашку.- Пришла утром, до обхода, рано совсем, я только заступила. Сказала, что зять ее помирает в реанимации, что вы разрешили...

По лицу Мириам она все поняла, подхватила со стула:

- Обманула, да? Вот ведь... Ну, зять-то точно у нее здесь лежит, я и ее саму и дочку ее несколько раз видела. Схожу сейчас, заберу икону, вы не волнуйтесь.

Она сняла трубку стоявшего на столе телефона и сказала:

- Сергеевна, зайти, подмени меня.

- Подождите, - Мири заколебалась, потом все же спросила: - Детки сегодня не хуже?

- Нет, все хорошо. Зульфия Рустемовна с утра была, всем довольна, – про себя сестра подумала, что мамашки на голову все пострадавшие. Неужели она и правда думает, что вот вынесли икону из помещения, и прямо тут же поплохееет ее деткам? Но вслух ничего не сказала, потому как получила уже материально выраженную благодарность, да и заведующая отделением явно мамашку эту обхаживает.

- Тогда пусть... пусть будет пока в реанимации. Может и правда поможет тому человеку.

- Да уж хорошо бы... Три дня уже ни туда, ни сюда.

- А что с ним?

- Ножевое... Тетка та сказала, пошел он с женой достопримечательности осматривать, да и забрели во дворы, а там наркота напала... Увидели, небось, что иностранец.

- Он иностранец? – Сердце болезненно кольнуло.

- Ну да...

Мири поспешила в реанимацию. Само собой в отделение ее не пустили, но она увидела в коридоре Бабу-ягу, которая тихонько ругалась с какой-то девушкой. Фамильное сходство было несомненно, и Мири с интересом уставилась на симпатичную, яркую мулатку. Та, хоть и места себе не находила от беспокойства за Райнике, но оделась как всегда броско: обтягивающие блестящие штаны эмалево-синего цвета, золотистая курточка, волосы подхвачены синей в желтый горох косынкой. Но глаза у нее были заплаканные, а у рта залегли горькие складки.

Мири и Баба-яга уставились друг на друга. Потом ведьма подошла и быстро заговорила:

- Моя дочка влюбилась, вот что. Дура она, конечно и угораздило ее влюбиться в охотника. Я и послала его... выполнить для меня кое-какую работу. Думала, он откажется. А он пошел. И попал на нож. Сейчас он в реанимации в этой самой больнице. Так странно совпало. Но ведь просто совпадения случаются очень редко, и я подумала...

Она сжала губы и стала ужасно похожа на актера Миллера, который играл Бабу-ягу в каком-то старом советском фильме, виденном Мириам в далеком детстве. – Он три дня уже в реанимации. Не умирает, но и выплыть не может. Дочка с ума от горя сходит, не ест, не пьет. Не отбирай оберег...

- Да я не собиралась, - Мири даже попятилась, испуганная напором и лихорадочно блестящими глазами женщины.- Потом верните только...

Густав слушал мамину сказку на ночь. Он опять был в своей комнате, где на полу разбросаны машинки и игрушечные пистолеты. Мама сидит на краю кровати и рассказывает про приключения бесстрашного зайчонка и его друзей. Густав слушает, хотя он уже большой, зайки ему не очень интересны: он любит мультики про роботов и книжки про пиратов. Но мама не знает про пиратов, и про космос у нее смешно получается, потому что ничегошеньки она не понимает в скафандрах, невесомости и прочих важных вещах. Но она щекочет его, руки гладят непослушные рыжие вихры, и пахнет от мамы хорошо, и мальчик слушает глупую детскую сказку ради нескольких минут тепла и уюта. Да, он уже большой, но сейчас никто не видит, и можно прижаться щекой к маминой ладони, ощутить ее губы на виске и вот уже сон затягивает его в свой поток... Густав услышал шум крыльев, теплое золотистое сияние наполнило его детскую комнату, распахнулась окно, и он упал в золотистый свет...

И вдруг оказался на жесткой кровати. Яркий свет сквозь сомкнутые веки бьет по зрительным нервам. Кто-то суетится вокруг, болит рука, во рту мерзкий привкус, а язык сухой как камни в африканской пустыне.

Райнике вздохнул, ощутил боль, которая наполнила тело, и понял, что в этот раз он не умрет.

Через два дня его перевели в общую палату, а через неделю он подошел к окну, опираясь на плечо Эвы, взглянул на двор больницы. Увидел проблеск солнца меж серых туч, голые деревья, газоны с пожухлой листвой, проглядывающей из-под снега, стаю ворон... У соседнего корпуса стояла большая машина, подле нее суетилась пожилая женщина, загружая на заднее сидение переноску. Нет, две переноски с малышами. Вот из дверей показалась молодая мать, убирая в сумку документы, прощаясь с сестрами.

Эва почувствовала, как он дернулся.

- Ты что? Болит?

- Нет, - он смотрел на свой объект. Мириам Гринберг села в машину. За рулем пожилой дядька, женщина постарше устроилась на заднем сидении рядом с малышами.

Эва проследила за его взглядом.

- А, эта. Богачка чокнутая. Но спасибо, что не жадная, - она искоса глянула на любимого. - Ведь это ее ты искал, да? Зачем она тебе?

- Мне за нее заплатили.

- Чтобы ты ее убил?

- Да.

- И что ты теперь будешь делать?

Райнике промолчал и Эва, подавив желание отстраниться, резко сказала: - Нельзя охотиться на того, кто спас тебе жизнь.

- Я не понял, как она меня спасла?

- Она дала свой талисман... Я не знаю, что это, но мама говорит, что-то очень сильное, оно помогло выжить ее недоношенным детям... вроде все у них нормально. Я попросила у сестры посмотреть, смешные такие, мальчик и девочка... И эта вещь, которую она положила в палату интенсивной детской терапии... мама сказала, за все время у них не умер ни один ребенок, даже самые тяжелые выкарабкались.

- И что это было?

- Икона... только дело не в ней. Мама говорит, там внутри что-то спрятано, икона просто для отвода глаз, чтобы людям понятно было, и вопросов никто не задавал.

Он кивнул. Это умно: никто действительно не станет сомневаться в иконе, наоборот, все знают, что вера помогает, потому и в детское отделение поставили, и когда Баба-яга в реанимацию ее принесла, тоже не отказали.

- Вы ей рассказали, кто я?

- Мама, конечно, человек со странностями, но неужели ты думаешь, что она стала бы говорить: взяла ваш оберег, чтобы с того света выдернуть того, кто вас убить подрядился... - Эва сердито фыркнула.- Ты от лекарств, что ли, не соображаешь?

Глава 22

- Я тебя не тороплю, - Олег Иванович отпил чай и поставил кружку на стол. В камине горел огонь, и в комнате было тепло и уютно. За большими окнами темнели деревья, и медленно падал снег. Зима радовала: морозец легкий, снега подсыпает регулярно, но не слишком много, а как раз достаточно для создания красоты.

Мири кивнула:

- Я знаю. Я вам благодарна, очень. Но... неприятное такое чувство, что кто-то в спину дышит, идет следом.

- Думаешь, выследили?

- Не знаю... Но я здесь давно, и надо двигаться дальше.

- Ты не можешь бегать всю жизнь. Все равно придется как-то разбираться с этим твоим мужем.

- Придется, - Мириам вздохнула.

- Ты не слышала такое выражение: лучшая защита – это нападение? Если есть, что ему предъявить, найди доказательства и предъяви. Иначе ты окажешься в положении виноватого, а он – в положении жертвы. В судебных делах это невыгодно.

- Да, вы правы. Но для этого мне нужно выйти на свет, перестать прятаться.

- Страшно?

- Еще как.

- Мой тебе совет: детей оставь здесь. Хочешь, пришли кого-нибудь из семьи присматривать. Или вон Люда и Михаил с ними будут. Законным путем без твоего согласия он из России детей не получит. Из Европы – да, могут и отобрать, а отсюда – ни в жизни. А незаконным ... охрану поставлю, за это не волнуйся. А сама поезжай. Займись делами.

И вот еще что... - Олег Иванович помолчал.- Ты же взрослая девочка, верно? Тогда должна понимать: основная опасность грозит не малышам, а тебе. Нет тебя, и шансы отца почти стопроцентные. Поэтому ты должна быть очень осторожна.

Он внимательно взглянул на молодую женщину. Мири сидела на диване, подобрав под себя ноги. Она выглядела вполне отдохнувшей, но только очень серьезной и даже печальной. Не испуганной, не растерявшейся, а печальной от высказанных им опасений. Да, она и сама все это давно поняла, девочка неглупа. Жалко ее.

- Камень подождет, - сказал Олег Иванович, наступив на горло своим деловым порывам. – Займись своей жизнью.

- Спасибо, - Мири улыбнулась, встала, подошла и неловко поцеловала мужчину в бородатую щеку. – Я обязана вам ... и очень благодарна.

Пока Мириам стояла у окна, собираясь с мыслями, Олег Иванович пил чай, глядя в огонь и думая о том, что с возрастом становится непозволительно сентиментален и мягкосердечен. Или, наоборот, это позволительно с возрастом?

- Я вызову сюда своего родственника, - сказала она.- Он педиатр и будет следить за здоровьем и развитием малышей. Но, если можно, хорошо бы Людмила Петровна и Михаил Иванович тоже остались с ними.

Олег Иванович кивнул.

- После того как Винни... педиатр, приедет, я уеду из России и постараюсь разрулить ситуацию.

На следующий день после отъезда Мириам из Царскосельского Дворцового госпиталя Райнике отправил отчет Эмилю. Он не указал местонахождения, просто сообщил, что Мириам родила двоих детей: мальчика и девочку. По имеющимся данным, дети здоровы.

Ответ пришел через несколько секунд: "Ваша задача остается прежней. Я хочу получить своих детей".

Райнике хмуро таращился на экран. Эва коснулась его плеча:

- Как ты?

- Хорошо. В пятницу меня выписывают.

- Поживешь у меня?

- У меня работа. Мне нужно уезжать.

- Работа?! – Эва вскочила.- Ты что, не слышал, что я сказала? Ты не можешь убить ее, после того, что она для тебя сделала! – она прожигала мужчину яростным взглядом, но взгляд – не нож, и Райнике остался совершенно равнодушным к ее гневу. Эва металась по палате, перемежая призывы к совести ругательствами и просьбами. Потом убежала.

Райнике выключил компьютер и лег. Нужно набираться сил. И продолжить выполнение задания.

Эва поехала к матери. Баба-яга сидела дома: погода сегодня в Питере выдалась столь мерзкая, что покупателей на Удельной точно не будет. Сидеть под дождем со снегом – только товар портить. В ее домике в пригороде Выборга пахнет травами и кошками. Она всегда знала заранее, когда Эва собиралась прийти, и к обеду поставила варить курицу: вдруг девочка голодная? Сама Баба-яга редко ест мясо: дорого и вредно. В старом, но чистом чугунном горшке прееет гречка. Можно грибочков добавить и вообще красота получится...

- Мама! – дверь распахнулась. Дочь стоит на пороге: глаза зареванные, куртка нараспашку. – Что мне делать?

- Не знаю. А что случилось теперь?

- Он хочет ее убить!

- А то ты не знала этого раньше.

- Но раньше она была никто, а теперь она – его спасительница.

- Не совсем она, - Баба-яга попробовала суп и добавила корень сельдерея. – Скорее я его спасительница. И та штука, что была спрятана в иконе.

- Но, мама!

- Послушай, что ты хочешь?

- Чтобы он остался со мной. – выпалила Эва, ни на минуту не задумавшись. Она сбросила куртку на стул у двери и подошла к столу.

Баба-яга покачала головой:

- Ты знаешь, он не хочет. Он охотник.

- Но ты можешь... так сделать?

- Могу, - теперь добавить сушеный укроп. Помешать. Попробовать. Знатный супчик. - Но не стану. Потому что это будет не он. И ты все равно не станешь счастливой.

Эва заплакала. Она отказалась есть суп, залезла с ногами на диван и рыдала, уткнувшись в диванный валик. Кот Тимофей – черный с рыжим пузом, пришел жалеть плаксу. Кошка Фея смотрела на происходящее с комода и жалеть никого не собиралась.

Баба –яга погладила дочку по пышным волосам:

- Не реви, детка. Попробуй с ним поговорить. Мужчины не в ладах с чувствами, но всегда уважают логику. Кто заказал эту женщину, Мириам? Ее муж, наверное. Что ты можешь узнать о муже? Почему он этого хочет? Она ему изменила?

- Он не станет ничего мне рассказывать. Я пробовала поговорить, но он молчит.

- Тогда пусть поговорит с собой сам, - Баба-яга подошла к комоду, ласково ссадила Фею и достала из ящика мандалу, завернутую в чистый холст.

- Думаешь, поможет?

- Не знаю. Но у меня нет других предложений.

- Зачем?- охотник недоверчиво смотрел на сверток, который Эва положила на стол.

- Может, она даст тебе ответы, подскажет, что ждет тебя в будущем.

- Это так работает?

- Ну... никто точно не знает, как она работает, но... бывает, помогает. Я за тебя боюсь, - пояснила она, глядя в его то ли серые, то ли зеленые глаза.

Райнике хмыкнул. Он не особо доверял таким штукам. Тем более в эффекте этой конкретной штуки он имел шанс убедиться лично: бок до сих пор ныл, а уж что ему приходится терпеть, когда он делает упражнения на восстановление сил, про это никто не должен знать. И все же... Густав вспомнил маму, какой увидел ее тогда, подле лавандового поля. Они жили

втроем, но отец много времени проводил в рейсах. Работу на земле он не любил, предпочитал быть дальнобойщиком. А маме нравилась ферма, она работала учительницей в начальной школе в Терни-ан-Сель, соседнем городке.

А потом мама умерла - ему было 13 - и детство кончилось. Отец отправил его к родственникам в Лион. У этих родственников дети уже выросли, они жалели мальчишку и обращались с ним хорошо... только они были чужими. А он очень скучал по маме.

Райнике разглядывал мандалу. Из чего эта штука сделана, интересно. Мешанина цветов и материалов: камни, перламутр, рог или что-то еще... чешуя? крылышки жуков? Разглядеть детали оказалось невероятно трудно, потому что взгляд буквально соскальзывает с них и стремится к центру картинки, где узор становится все мельче, все насыщеннее и пестрее, и вот уже все сливается в подобие скоростного шоссе вечером, когда огни машин льются одним потоком... или словно течение многоцветной реки, когда вода блестит на солнце и кажется, что там мелькают камушки или даже спинки рыб...

- Мама! У меня клюет! – мама поднимает голову от вязания и улыбается:

- Так тащи!

Он пыхтит, водит удочку, но крючок за что-то зацепился и Густав, повторяя сквозь зубы усвоенные в школе выражения (которые мама не одобряет), закатывает штаны и лезет в воду. Крючок зацепился за корягу. Вода холодная, но мама не спешит ему помогать... ах, да, это потому, что ей трудно: она очень поправилась за последнее время. Лицо округлилось, а уж живот! Она пообещала ему сестренку. Не сказать, чтобы перспектива получить сестру привела Густава в восторг, но раз мама так хочет, то и ладно.

Вот и отец тоже не в восторге: вечером Густав слышит, как они с мамой спорят за закрытой дверью, и отец повторяет все громче и громче:

- Скажи мне правду! Это он? Полдеревни сплетничает! Люди смеются мне в лицо!

Мама что-то тихо отвечает. Она не повышает голос, но мальчик слышит интонации и понимает: будет так, как она решила. Если мама начинает говорить так медленно и с акцентом, возражать бесполезно...

- Дело не в сплетнях, - опять повышает голос отец.- Мне плевать... я боюсь за тебя! Ты чуть не умерла, рожая сына, неужели ты не помнишь?

Густав сжимается в комочек под одеялом. Сын – это он, неужели мама чуть не умерла из-за него? Но она никогда его не упрекала... Она

всегда говорит, что он – лучшее, что есть в ее жизни. Зачем же ей еще что-то?

- Чертова упрямица! – кричит отец и Густав согласен с ним.

Мама так и не вернулась домой из больницы. И та маленькая девочка, из-за которой все случилось, не вернулась тоже. Отецпил... плакал, уронив голову на стол, бормотал что-то и опятьпил. Густав втихаря выливал в раковину недопитые бутылки с джином, пастисом и совсем уж вонючей водкой местного производства, получаемой из виноградных отжимок. Опять оказавшись в кухне родного дома, чувствуя резкий запах пота и перегара, он слышал:

- Ах, Анникен, зачем, ну зачем! Как же я без тебя...

Все завертелось перед глазами, и Густав опять увидел маму. Она стоит посреди лавандового поля, смотрит на него очень серьезно и что-то говорит.

Он изо всех сил вслушивается в ее слова, но кругом стоит невыносимый зной, солнце палит так, что звенит в ушах, горячий воздух жжет горло, нечем дышать. Все дрожит от жары, и контуры маминого тела тают в этом мареве.

Райнике очнулся. Он словно вынырнул с большой глубины: в ушах шумит, легкие разрываются от боли, тело покрыто липким холодным потом. Он с трудом отдышался, выпил воды.

- Ты как? – Эва не без страха заглядывала ему в лицо. - Тебе помогло то, что ты увидел?

- Нет, - сказал он, вставая и стараясь не показать, что ноги дрожат.- Где мой ноутбук?

- Зачем тебе?

- Хочу заказать билет. Нужно ехать.

Глава 23

- Вы хорошо меня поняли? - Мири пристально смотрит на хозяина детективного агентства. Неприметный такой человек, даже после разговора не факт, что вспомнишь кто таков, если встретишь. Но у него прекрасные рекомендации. Цены, правда, высокие, но тут уж ничего не поделаешь.

- Да, мадам. Но то, чего вы требуете, может стоить моему человеку лицензии детектива, - осторожно добавил неприметный человек.

- Найдите того, кого деньги волнуют больше, чем лицензия, - Мириам пожала плечами. – Я заплачу за доказательства столько, что он

сможет открыть бар, купить яхту или исполнить любую другую мечту своей жизни.

- Хорошо, мадам.

- Это аванс.- Мириам выписала чек и передвинула его по столу хозяину кабинета. – И действуйте быстро. Если господин Танье доберется до меня первым, вам не с кого будет получить остальное.

Хозяин детективного агентства кивнул. Всем надо срочно. Но за такие деньги... пожалуй, он знает, кто согласится на эту работу. Лицензии у парня нет, но он в своем деле профи. Франция – страна большая, но когда речь заходит об узких специалистах в той или иной области, то выбор не так уж и велик. Проводив клиентку, он взялся за телефон:

- Райнике? У меня есть для тебя работа. И как раз в твоих краях. Тебе что-нибудь говорит фамилия Танье?

- Паршиво выглядишь, - хозяин агентства внимательно разглядывает охотника. Они сидят в саду Анны Франк. Это местечко практически неизвестно посещающим Париж туристам и многолюдно лишь летом. В теплые дни с детской площадки доносятся крики малышей, а во "взрослой" части крошечного зеленого оазиса, расположенного неподалеку от центра Помпиду, за шахматными столами собираются старички и прочие любители древней игры. Однако сейчас зима, ветреная и холодная погода разогнала всех и лишь двое мужчин в – один в куртке, другой в пальто - устроились за одним из столов, передвигая шахматные фигуры. Оба сели так, чтобы видеть вход в парк: привычка оперативных работников.

- Простудился.

- Ты сможешь работать?

Серые невыразительные глаза глянули недобро, но Райнике лишь кивнул.

- Тогда приступай. Ко мне явилась клиентка. Дама сильно небедная. И заявила, что ее недавно занесло в подвал одного замка... и там она видела какую-то лабораторию, а еще гробы. Наркоманкой она не выглядит. Такая очень... деловая дама. Данные на поместье и список требований здесь, - хозяин детективного агентства положил флэшку на край стола. - Клиентке нужны доказательства... вернее, она во всем уверена и хочет, чтобы эти доказательства получила полиция. Каким образом ты это сделаешь, мне все равно. Можешь принести видео, и я передам его властям... или взорвать

этот погреб, чтобы приехали пожарные и в обломках нашли трупы, или что там она видела. Ты понял?

- Да. – Райнике не только выглядел, но и чувствовал себя паршиво: после перелета из Питера разболелась рана, в голове стоял постоянный гул. – Я нарушу правила и спрошу, кто клиент, - сказал он.

Хозяин агентства вытаращил глаза и подумал, что надо бы поискать другого специалиста. Фриске, может? Хотя он, говорят, сел на кокс.

- Вернее, я назову имя, - так же медленно и тяжело, словно выжимая из себя слова, продолжал сидящий за столиком человек. - И если я ошибся, вы скажете "нет". А если я прав, то промолчите.

Он сделал паузу.

- А если я не знаю имени? – быстро сказал шеф.

- Знаете. Если ей нужна огласка, она не станет скрываться. Это Мириам Гринберг.

Опять повисла тишина. Хозяин детективного агентства передвинул слона и уставился на охотника.

- Твой ход.

- Я возьму тайм-аут.- Райнике поднялся. – Доиграем, когда буду докладывать о результатах.

Райнике Лис лежал в своей кровати и смотрел в потолок. Он вернулся домой сегодня в сумерках, проскользнул в пустой дом, не включая свет, разогрел консервы, достал спальный мешок и лег. В доме есть газовый котел, но если затопить, дымок над крышей выдаст присутствие человека, а пока ему этого не хотелось. Три предыдущих дня он провел в рекреационном центре. Знакомый врач выразил готовность помочь. Обращался к нему охотник не впервые. Они познакомились в одном из лагерей Иностранного легиона, где молодой доктор набивал руку на раненых наемниках.

Немец-хирург ходил с высоко задранной подбородком и зачесывал волосы назад, открывая чистый лоб. Он был молод, но сложен как-то очень плотно, с явной склонностью к полноте. Кто-то из начитанных коллег углядел в нем сходство с известным политическим деятелем нацистской Германии, Германом Герингом. Учитывая, что звали хирурга Герман, кличка "Геринг" прилипла намертво. Повзрослев, доктор нашел хорошую работу в прекрасно оборудованной частной клинике Страсбурга. Иногда по старой памяти помогал знакомым, не бесплатно, конечно. Райнике эти три дня в

клинике обошлись дороже "все включено" в самом дорогом отеле, но оно того стоило. Массаж, капельницы и искусственный сон вернули охотнику часть сил.

- Недели две надо, - качал головой Геринг, осматривая его.- Где тебя шили, в морге? Нет, операция сделана неплохо, внутренние органы заделаны добротнo, но наружный шов! Пьяный ветеринар? Практикант с дрожащими руками?

- Я не видел, - отозвался Райнике.

- Если не хочешь пугать женщин, надо будет сделать пластику.

- Позже. Сейчас мне нужно выполнить задание.

- А сдохнуть тебе не нужно? – ворчливо поинтересовался Геринг. – Я тебя предупредил.

- Спасибо.

И вот он дома. Было бы забавно привезти сюда Эву. Впрочем, она городская девушка, ей не понравится в деревне. Он уехал из Санкт-Петербурга, буквально оторвав от себя ее руки. Хорошая девочка, но что он может ей предложить? Впрочем, она ничего не просила... только чтобы он был рядом.

Райнике выкинул из головы ненужные мысли, потер место, куда сделал себе очередную инъекцию: Геринг снабдил его шприцами с витаминным коктейлем на ближайшие три дня.

- Это допинг, - втолковывал он, надписывая шприцы маркером. – Уколы делать строго в этой очередности: красным я проставил цифры. Если не смог сделать укол в назначенное время, пропускаешь, шприц выкидываешь и в указанное время колешь следующий. Ты понял? Не вздумай сделать уколы с меньшим промежутком времени – сердце может не выдержать.

- Я понял, док.

Сегодня он поспит здесь. Завтра после обеда сходит в деревню, послушает сплетни, выяснит, где Анри Танье, хозяин замка. И следующей же ночью нужно влезть в замок, иначе слух о том, что он вернулся, может дойти до Эмиля, и он приедет и начнет задавать вопросы.

Весь день Лис спал, ел и сидел в интернете. Вечером отправился в деревню.

В местном баре, поболтавшись пару часов у стойки, он выяснил виды на урожай, цену, за которую граф Анри продал племенного жеребца; от кого беременна дочь булочника; а также что нельзя нанимать арабов для полевых работ, потому что они ни черта не умеют, да еще тащат все, что плохо лежит. Граф Анри отправился в Париж, что-то там у его племянника с

женой не ладится. Она еще не родила? Никто не знает и это странно... да хоть бы они вымерли все, эти Танье, проклятый род... Месье Анри ездил вчера в Париж, но пару часов назад вернулся... Завтра будут играть наши с Марселем, ты придешь смотреть, Райнике?

- Конечно приду, - сказал он, поставил на стойку стакан и вышел из бара. Было бы лучше, если бы Анри задержался в Париже, но что делать...

Райнике шел через парк. Ночью все всегда выглядит странно, но его это не пугает. Он смог бы найти дорогу даже с закрытыми глазами, потому что вырос в этих местах и не раз лазил в сад графа Анри: за яблоками и грушами, а еще потому что хотелось приключений. Январь принес холодный ветер и морозящий дождь. Пару дней назад был снег, но сегодня от него не осталось и воспоминаний. Раскисшая земля чавкает под ногами. Лис идет, механически выбирая участки с травой, но осознает, что оставляет кучу следов. Но сейчас это неважно. Вот и дом: чуть на холме, окна темные. Свет горит во внутреннем дворике и над парадным входом. Райнике знает, что вся прислуга спит во флигеле: все в деревне об этом знают. Старый граф один в доме. Впрочем, он не стар; вполне интересный мужчина, очень хорошо выглядит для своих лет. Что не добавляет ему популярности среди местных. Кумушки упорно шепчутся о том, что граф ворует и насилует молодых девушек, продляя таким образом молодость. Также в местном фольклоре фигурируют краденные младенцы, питье крови местных жителей и прочие страшилки. Райнике сам рассказывал их, когда был мальчишкой. И вот теперь нашлась женщина, которая утверждает, что значительная часть этого местного фольклора – правда.

Он стоит под деревом и смотрит на дом. Может, убить графа? Это будет не трудно. Сочтет ли Эмиль это бонусом? Говорят, он единственный наследник дяди. Охотник взглянул на часы. Пора. Он достал одноразовый шприц, прямо через одежду сделал себе укол витаминов, прописанных доктором Герингом. Подождал еще пару минут, чтобы препарат подействовал, а потом быстро двинулся к дому.

Он без труда открыл дверь в старую часть замка, вошел в темный зал. Проверил, работает ли камера, укрепленная надо лбом. Подошел к портретам, скользнул по ним равнодушным взглядом и сосредоточился на замке, который нужно открыть. Смешно. Такой и ребенок вскроет без труда. Дверь открылась почти бесшумно. Райнике спустился в подвал. Сперва он осмотрел лабораторию. Хитрый Лис не разбирался в химии и медицине, но

кое-какой опыт у него имелся и он смог понять, что изготавливаются здесь не наркотики, а какие-то вытяжки и экстракты. Материал был животный, но что это? Он взял пробы, осторожно уложил пробирки в сумку на поясе, снял все, что мог, на камеру и отправился в следующий подвал. Тяжелый железный засов, на полу пентаграмма, на двери руны. М-да, у графа Анри, похоже, с головой проблем больше, чем местные думают.

Честно сказать, в первый момент он испугался каменных изваяний на саркофагах не меньше Мириам. Но взял себя в руки, перешагнул границу охранной пентаграммы и двинулся вдоль ниш в стене, снимая на камеру ящички и таблички. В какой-то момент Райнике показалось, что в подвале кто-то есть, он почти уверен был, что видел женскую фигуру, мелькнувшую в глубине помещения. Несколько секунд он стоял, прислушиваясь, но слышал лишь свое дыхание и стук сердца. Засняв все, он хотел уже уйти, но потом вернулся, взял один из ящичков и сунул в рюкзак вместе с инструментами.

Он воткнул в себя последний шприц с витаминами перед тем, как сесть в машину и рвануть в Париж. Подъезжая к городу, набрал номер хозяина детективного агентства.

Глава 24

Хорошо, что я так далеко забралась, думала Мириам, оглядывая холодные горы. После того как материалы, добытые детективным агентством, заставили полицию начать расследование, а затем информация о расследовании выплеснулась на страницы газет (кто-то в полиции слил журналистам интересную историю и неплохо на этом заработал), во Франции находиться стало невозможно. Звонили полные вопросов и сочувствия друзья и родственники, репортеры преследовали ее, предлагая огромные деньги за эксклюзивное интервью, участие в телепрограмме, поучаствовать в написании сценария для фильма и бог знает, что еще.

Углядев в одном из отчетов своего благотворительного фонда слово "Норвегия", она сочла это знаком и бессовестно навязалась в делегацию, которая выбрала конец февраля для посещения художественных и музыкальных школ, получавших деньги от благотворительных фондов. Пообещала увеличить спонсорский взнос, если в культурную программу, подготовленную к приезду делегации, включат несколько интересных ее достопримечательностей.

Почувствовала себя почти счастливой, став лишь одной из разношерстной группы делегатов, где никто ее толком не знал.

И все же она по несколько раз в день просматривала новости, следя за развитием событий вокруг семейства Танье.

Неизвестный гражданин, "стремящийся не отомстить, но предотвратить дальнейшие злодеяния", как говорилось в опубликованном полицейском отчете, представил материалы, подтверждающие проведение в поместье Танье опытов над младенцами и нерожденными детьми. Анализ добытого Райнике биоматериала показал наличие стволовых клеток и разного рода вытяжек, получаемых из абортивного материала, крови младенцев и прочего. Как выяснилось в ходе полицейских мероприятий, материал в виде эмбрионов, пуповинной крови и прочего поставляла графу доктор Рувель. Дядюшка Анри в своей лаборатории делал вытяжки и кремы, благотворно влиявшие на здоровье пожилых людей, дающие омолаживающий эффект.

Конечно, сейчас в любой аптеке продаются кремы и сыворотки, произведенные с использованием стволовых клеток. Но это не могут быть клетки человека: закон запрещает. Можно поехать в Россию или Китай, или даже в Европе найти клиники, которые предложат комплекс омоложения человеческими стволовыми клетками. Но стоит это мероприятие безумных денег. А тут желающие каждые несколько месяцев могли получать свежую дозу поистине волшебного снадобья чуть ли не с доставкой на дом. Конечно, прежде всего граф Анри использовал плоды своих изысканий для себя, а потому выглядел и чувствовал себя прекрасно. Но и продавал кремы и вытяжки охотно и за немалые деньги. Именно продукция его подпольной лаборатории позволила ему в свое время вылезти из финансовой ямы. Но тут расследование зашло в тупик. Имен клиентов граф не назвал, а записей, если они и были, полицейские не нашли. Тем не менее следствие шло своим чередом.

Вынесенный из подвала ящичек был доставлен в полицию, вскрыт, там обнаружили останки девочки 1-2 дней от роду, без видимых повреждений. Собственно, этот факт и приложенные видеоматериалы и послужили основанием для возбуждения дела. Хозяин детективного агентства, ознакомившись с материалами, отправил копию заказчице, а оригиналы в Центральное полицейское управление. Был у него там знакомый, который внимательно отнесся к сигналу. Прокурор дал санкцию на обыск в тот же день, и Анри не успел ничего предпринять. Да его никто и не стал предупреждать, хотя местный комиссар полиции и был поставлен в известность, когда команда специалистов и следователей выехала из Парижа.

Некоторое время комиссар сидел, глядя на телефон, обдумывая возможные последствия. Ничего хорошего, конечно, ожидать не приходится, но он в поместье и был-то всего раз или два, да и то давно... Мысль позвонить графу Танье и предупредить о готовящемся обыске комиссар отмел: не стоит усугублять свое сложное положение, а графу, если хоть что-то из озвученного правда, и вовсе не помочь. Да и черт с ним.

Когда обыск подтвердил самые кошмарные теории, граф Танье был арестован, а с ним и мадам Рувель. Эмилия вызывали на допрос и не один раз. Дядюшка твердо стоял на том, что племянник о его делах ничего не знал, отпечатков пальцев его в лаборатории не нашли, и Эмилия под стражу не взяли, но Мири представляла, что он переживает: репортеры гонятся по пятам, соседи смотрят косо, на работе кое-кто шарахается, как от уroda...

Ее саму тоже вызывали на допрос. Мири сказала, что прожила в усадьбе недолго, потом уехала, потому что чувствовала себя там некомфортно и хотела быть поближе к врачам. Нет, она ничего не знала. Да, спасибо, дети в порядке. Нет, она не считает нужным поставить французскую полицию в известность о том, где они находятся. Нет, отец их еще не видел и она приложит все усилия, чтобы встреча состоялась как можно позже... или не состоялась вовсе. Да, она подала иск о разводе, неужели месье комиссара это удивляет? Нет, дети будут носить ее фамилию, а уж когда подрастут – решат сами, как им быть.

В целом следователь смотрел на нее сочувственно и особо не давил, понимая, что ни одна нормальная женщина не пожелала бы стать частью семьи монстров. И когда мадам Гринберг спросила, может ли она завтра выехать в Норвегию по делам благотворительного фонда, он не стал возражать.

И Мириам уехала. Пусть уж лучше снег и холод, чем журналисты и нездоровый интерес окружающих.

Эмиль вышел от следователя. Полицейский, которому начальство приказало всячески минимизировать контакт свидетеля с журналистами, проводил господина Танье и его адвоката через длинные коридоры Дворца правосудия и вывел не к центральному подъезду, а на узкую боковую улочку. Адвокат уже тыкал пальцем в кнопки телефона, вызывая такси. Эмиль шел, не слыша и не видя ничего вокруг себя. Перед глазами стояли материалы следствия, продемонстрированные следователем: подвал с

нишами, останки младенцев, бумаги с заключением, банки с биоматериалами в специальном холодильнике. Его подташнивало, в ушах стоял противный комариный писк.

- Эмиль! Ты меня слышишь? – адвокат Морене, излишне полный, но в дорогом костюме, и с отличным маникюром, тряс его за плечо.

- Эмиль! Садись в такси, пока не набежали всякие акулы пера. Я тебе позвоню вечером и мы обсудим нашу тактику защиты... Или хочешь, я заеду?

Он ласково погладил клиента по плечу, перехватил насмешливый взгляд высунувшегося из машины таксиста и сердито отдернул руку. Пробормотав опять про необходимость поддерживать постоянный контакт, Морене двинулся в сторону второго такси.

Водитель первой машины внимательно оглядел стоящего на тротуаре мужика. Обдолбанный, что ли? Глаза пустые и покачивается даже.

- Месье собирается ехать? – громко спросил араб-таксист.

Эмиль перевел на него тяжелый взгляд, подумал секунду, кивнул и сел в машину. Двигался он неловко, словно ноги у него затекли. Таксист спросил, куда ехать, внимательно разглядывая пассажира и раздумывая, не выкинуть ли его из машины. А то ведь заблужет все.

- Куда ехать, месье?

- В замок Танье.

- Это где?

- 166-й километр по шоссе E5, а потом я покажу.

- Не, не пойдет! Я работаю только по городу...

Пассажир скривился, как от боли, полез запазуху, и шофер опустил руку в карман на дверце: он держал там газовый баллончик, на всякий случай. Но пассажир выдернул из кармана пиджака портмоне, вытащил из него деньги и, не считая, швырнул на переднее сиденье.

Саид работал шофером такси уже 12 лет. Работа нервная, но заработки неплохие. Особенно учитывая левые заказы и подработку на кузена Амира. Полная забот и опасностей жизнь приучила его все делать быстро. Вот и теперь – одного взгляда хватило, чтобы понять: денег не так уж и много. Все, небось, на карточке.

- Не поеду, упрямо сказал он.

Негромко выругавшись, пассажир сдернул с руки перстень и добавил его к купюрам. Перстень был хорош: массивный, с коньячного цвета бриллиантом.

И Саид завел мотор. Но баллончик из кармана на дверце на всякий случай вынул и пристроил на коленях. Доехали они без приключений, пассажир молчал, отсутствующим взглядом уставившись в окно.

Вот показался дом с башней и дворовыми постройками. Саид едва удержался, чтобы не присвистнуть. Если это его дом... Он цепким взглядом озирает окрестности, прикидывая, стоит ли рассказать Амиру про сегодняшнюю поездку. Зависит от того, сколько там прислуги и жильцов. Остановившись подле крыльца, он углядел на дверях дома полицейские ленты. Пассажир выбрался из машины, деревянной походкой доковылял до двери и в недоумении уставился на загораживающие дверь полосы. Отодрал их, достал ключи из кармана и, отперев дверь, вошел внутрь.

Саид потянул из кармана телефон:

- Салам алейкум, Амир...

Закончив разговор, он с сожалением взглянул на полуоткрытую дверь. Там никого нет, кроме этого чудака. А вещей ценных наверняка куча. Но Амир велел уезжать и Саид уехал.

Эмиль вошел в готический зал. Подошел к ведущей в подвал двери и уставился на портрет Клариссы.

- Ты довольна? – спросил он.- Довольна? Ведь это ты надоумила Мириам бежать? За это они забрали твоих детей! А Мириам забрала у тебя крыло ангела! Она ведь нашла его, да? Куда она его дела? Куда? Говори! Или я уничтожу тебя!

Шатаясь, мужчина отступил к стене. Никто из клиентов юридической компании, где вот уже полтора года он состоял полноправным партнером, не узнал бы сдержанного и элегантного Эмиля Танье. Волосы растрепались, рот перекосила страдальческая гримаса, руки его беспрестанно двигаются, то теребя одежду, то дергаясь в нервических жестах. Сегодняшний визит в полицию означал окончательный конец прежней жизни. От него уже отвернулись друзья. Нужно уходить из фирмы. Репутацию не восстановить, а что за юрист без репутации? Уехать? Куда? Да и непросто начать жизнь сначала почти в сорок лет. Конец, это конец... Хотя не раз уже он говорил себе, что началом конца стал его брак с Мириам. Она всегда была слишком любопытна. Слишком независима. Она не пожелала подчиниться традициям его семьи. А потом – немыслимое дело – она обратилась в полицию!

Нет-нет, напрямую никто Эмилю этого не говорил. Но кто еще, кто, кроме его женушки, мог побывать в подвале? И как, черт возьми, могла она найти туда дорогу, если эта ведьма, это многовековое проклятие семьи, ей не помогало?

Эмиль с ненавистью смотрел на портрет, и ему казалось, что Кларисса улыбается.

- Ведьма! – губы двигаются плохо, словно распухли.

Головная боль, которая мучила его весь день, стала почти невыносимой. Он вздрагивал, потому что порой видел на границе зрения какие-то движущиеся тени. Сосредоточиться было трудно, но он уж постарается. Эмиль Танье сдернул со стены клинок. Вернулся к портрету:

- Где крыло ангела? Где мои дети? Говори!

Он ткнул стальным лезвием в холст, целясь туда, где у человека находилось бы сердце.

Не встретив иного сопротивления, кроме покрытого красками полотна, металл ударился в каменную стену. Клинок задрожал. Дрожь эта передалась в руку мужчины и вот уже колотится все тело. Рука разжалась, и шпага лязгнула о камень пола. Эмиль видел перед собой Клариссу: она стояла перед ним, усмехаясь.

- Тебе никогда не заполучить своих детей, - сказала она. – И ты никогда не увидишь крыло ангела. Хотя оно могло бы тебе пригодиться... оно укрыло бы тебя от холода.... защитило бы от страха...

Ее яркие голубые глаза оказались совсем близко, губы потянулись к Эмилю. Он отшатнулся, но она протянула руку и схватила его за волосы.

- Куда же ты? Иди, я остужу твою горячую голову.

Когда после наступления темноты ребята из банды Амира проникли в дом, они нашли в одной из спален трясущегося человека, который сидел в углу комнаты на полу, обхватив себя руками за плечи, и лепетал что-то бессвязное. Они его не тронули, просто зашвырнули в шкаф и приперли дверцу стулом. Амир, явившийся лично, дабы не допустить расхищения добычи, присвистнул, озираясь. Повинуясь врожденному инстинкту мародеров, пришельцы сдергивали со столов скатерти и вязали импровизированные узлы, наполняя их награбленным. Однако уйти они не успели: экономка, единственная не сбежавшая из имения, следила за происходящим из окна флигеля для слуг. Увидев, что во дворе припарковались три машины с погашенными фарами и тени неизвестных людей снуют в дом и обратно, она вызвала полицию.

Мириам вздохнула и открыла Viber. Винни отозвался довольно быстро. Был он как всегда растрепан и жизнерадостен.

- Чего звонишь?

- А как ты думаешь? – она смотрела на щекастую помятую рожицу на экране и улыбалась. Винни педиатр, причем очень хороший. А еще он получил свое прозвище от русскоязычных пациентов, которые, насмотревшись мультика про Винни-Пуха (российского, в озвучке Леонова) и Пятачка, при виде доктора мгновенно начинали счастливо хихикать, тыкать пальцем и громко шептать:

- Смотри, смотри, правда, он на Винни-Пуха похож?

Она вызвала его из Израиля, уговорив взять отпуск за свой счет и пообещав существенно этот самый счет пополнить.

- В порядке твои малявки, не переживай.

- А можно я на них посмотрю?

- Сейчас... Эх, надо ж встать и оторваться от оладушек.

- Винни, какие оладушки?

- Как какие? Тетя Люда печет чудесные оладушки! Или она тебя не баловала?

- Да я как-то... стараюсь не есть таких вещей.

- А вот зря, сестричка, зря! Очень правильные оладушки.

Кряхтя, он выбрался из-за стола и пошел в детскую. Глядя на прыгающее в камере изображение, Мири удивлялась про себя контактности Винни: она даже не сразу сообразила, что тетя Люда – это Людмила Петровна. А Михаил Иванович у Винни наверняка "дядя Миша". Она вспомнила, как Винни еще студентом работал волонтером в школе для детей с аутизмом. Малоконтактные детки очень быстро начинали узнавать его и даже порой общаться. "Это потому что я крупный и лохматый, - смеялся Винни.- Они думают, что я пони. А ведь лошадок все любят".

- Ну вот, любуйся!

Винни пристроил смартфон на столе и следующие несколько минут Мири, тихо всхлипывая, смотрела как Людмила Петровна и Винни в четыре руки кормят малышей.

- А вот кстати, - лохматая голова повернулась к камере, - про еду. Ты там сцеживаться не забываешь? А то мастит наживешь!

- Не будет у меня мастита. Потому что молока нет. Совсем.

- Эй, ну-ка, не реви! Тетя Люда, вы хоть ей скажите! Каждый раз звонит и ревет. Вернешься – тебя дети не зареванную не узнают.

Людмила Петровна укоризненно взглянула на Винни и принялась уговаривать Мириам:

- И не вздумайте нервничать. Все у нас в порядке. Кушаем и спим, как ангелочки. Гуляем. Да сейчас какое гуляние: зима, переноски на открытую веранду выставляем и все. Воздух здесь чудесный, вон, глядите, щечки розовые. У Яшеньки складочки на ножках появились.... Ну да и Машенька его скоро догонит, правда? – она опять повернулась к детям.

Мири распрощалась и пошла в ванную прикладывать к глазам холодный компресс, а то неудобно на люди показываться такой зареванной.

Завтра ее ждет экскурсия в Гудванген и пещеры, куда вошел человек с Розой Тронхайма. Нужно, наконец, выполнить обещание и разыскать камень для Олега Ивановича. Она разложила на столе все имеющееся в наличии "оружие" и попыталась придумать, как можно его усовершенствовать.

Итак, на встречу с неизвестным она пойдет, охраняемая крылом ангела. Это раз. Его надо убрать в специальную сумочку и повесить на пояс, чтобы не потерять. Еще есть нож: швейцарский с несколькими лезвиями, и набор ювелирных инструментов, с помощью которых, если что, можно и замок открыть. И монокль, который она купила на рынке подле станции Удельная у Бабы-Яги. Господи, как давно это было! Хотя с другой стороны – меньше полугода прошло. Монокль вещь полезная, но с этой своей костяной ручкой он жутко неудобный. Мири почесала за ухом (отчего волосы с одной стороны встали дыбом) и взялась за инструменты.

Глава 25

Гудванген - небольшая деревушка, расположенная в узком ущелье Нерейфьорда среди крутых скал. Паром, который перевозит все, от машин, коров и продуктов до туристов, медленно плывет по фьорду. Горы, присыпанные снегом, то и дело выплывают из тумана, поражая собравшихся на палубе людей своим величием и сложными очертаниями. Они плывут по нескончаемо вьющемуся фьорду на кораблике-пароме, который кажется неожиданно маленьким среди огромных скал, заросших большими деревьями. И неожиданно из белой дымки выныривает низкий берег и пристань, и паром причаливает, мягко стукнувшись бортом.

Немногочисленная группа экскурсантов высыпала на берег и все принялись с любопытством озираться. Несколько домиков, покрашенных в белый, охристый и темно-красный. Некоторые совсем приземистые и на

крышах у них дерн - так в северных странах улучшают теплоизоляцию помещения.

Активная и общительная Фрида, сопровождающая и экскурсовод, повлекла группу к низкому круглому строению, обещая возможность ланча и горячих напитков. Кое-кто задержался, снимая впечатляющий ландшафт, но вскоре все втянулись в дом.

Мири, которая отошла за угол, чтобы не привлекать внимание, вернулась на пристань. Самое удивительное в таких местах – тишина. Она бывала в Норвегии раньше и фьорды произвели на нее неизгладимое впечатление, особенно когда Мириам поняла, что вода в них не шумит. То есть это как бы море, но нет волн, нет прибоя и течение с берега совершенно не видно. Вот опять перед ней расстилается гладь воды. Над ее мутноватым зеркалом плывет туман, с обеих сторон подступают склоны гор. Огромные заснеженные ели, словно великаны-етуны стоят на склонах.

Одна из этих гор называется Анортосит (хотя наверняка у нее есть старое, непроизносимое для неместных имя). В горе когда-то, во времена юности этого мира, образовались белые пещеры. Говорят, что порода, из которой они сложены, есть на Луне. Гугл объяснил любопытствующей Мириам, что анортозит представляет из себя разновидность мрамора с включением золота и алюминия.

Согревшиеся и освеженные путники высыпали из гостеприимного домика и незамедлительно были погружены в автобус. Дорога от пристани до входа в пещеры занимает всего несколько минут. И вот уже Фрида пересчитывает своих немногочисленных подопечных и приглашает их войти в двери, напоминающие вход в самый что ни на есть обычный сарай.

Температура внутри пещер круглый год держится около 8 градусов по Цельсию. Всех туристов в обязательном порядке облачили в каски, и высокий симпатичный проводник прочел краткую инструкцию по технике безопасности: не отставать, не сходить с ковровой дорожки, не отколупывать кусочки от стен – вы же не хотите вызвать обвал? Туалеты только снаружи, на стоянке. А теперь you are welcome.

Вход туристов в первый зал пещеры сопровождался торжественными звуками "Горного короля" Грига. Все ахали и лихорадочно снимали на фотоаппараты и телефоны. Ахать и правда было от чего: местные дизайнеры постарались использовать отражающие свойства анортозита по максимуму и создали много волшебных световых эффектов с помощью подсветки и направленного освещения.

Но музыка осталась в зале и люди, вытянувшись в цепочку по одному, шли по мерцающему сине-зелеными тенями тоннелю, где слух мог

уловить лишь звуки шагов и морзянку падающих капель воды. Но вот впереди появились желто-оранжевые огоньки, чтобы в очередном подземном зале взорваться симфонией света под музыку "Утра" того же Грига.

Через несколько залов и тоннелей, пройдя по берегам волшебных озер и ручьев, они оказались в пещере, где их ждали накрытые оленьими шкурами лавки, столы и вполне достойно укомплектованная барная стойка.

Мириам послушно любовалась окружающими красотами, время от времени опуская на нос забавные круглые очки. Большую часть времени очки служили вместо обруча для волос. Внимательный наблюдатель заметил бы, что оправка у них не очень ровная, а одно стеклышко мутновато, словно покрыто мелкими трещинками, но ведь сейчас в моде еще и не такие штуки, так что никто и внимания не обратил на необычный аксессуар.

Устроившись на лавке и обняв ладонями кружку с глинтвейном, она опять опустила на нос очки и внимательно оглядела всех присутствующих. Вроде люди как люди. Ну, то есть при взгляде через магическое стеклышко во внешности многих происходят некие метаморфозы: кто-то становится похож на крысу, кто-то выглядит как бойкий стручок перца, но в целом ничего особо выдающегося или угрожающего она не заметила.

Ничем не порадовали и окрестности. То есть пещеры имели массу ответвлений, но там не было света и ковровых дорожек. А уж когда Мири осознала, сколько здесь ручьев и озер, она порядком приуныла. Камень, если бы он просто валялся у стены, она бы уже нашла. Хотя, если бы он просто валялся на полу, его нашли бы люди Олега Ивановича.

Экспериментальным методом оказалось несложно выяснить, что подлинными драгоценными камнями стекло-монокля превращает в огоньки, словно новогодние лампочки на елке: яркие и разноцветные. Любая бижутерия или поддельные камни приобретали вид гравия.

Всю дорогу она очень внимательно смотрела под ноги и по сторонам, но нигде не сверкнул желанный огонек.

А что, если камень упал в озеро?

Мири подошла к норвежцу – проводнику и спросила, какова глубина озер.

- По-разному, - пожал тот плечами. - От полуметра до нескольких десятков метров... может, есть и глубже.

- Скажите, пожалуйста, а если я хочу индивидуальную экскурсию, это можно организовать?

- На сколько человек? – не понял проводник.

- Для меня одной. – И поторопилась объяснить, используя уже не раз озвученный предлог: - Видите ли, я дизайнер... сейчас работаю над

очередной коллекцией ювелирных украшений. Хотелось бы в тишине и одиночестве тут побродить, поискать вдохновения...

Этот аргумент ни разу не вызвал у людей сомнений: дизайнер человек творческий, а потому, по мнению большинства, ему свойственно желать вещей странных.

- Можно, наверное, договориться, - нерешительно протянул проводник.

- Я заплачу как за группу, - торопливо добавила Мири.- Вот, это мой телефон; она протянула карточку.- Если вы уверены, что сможете организовать экскурсию в ближайшие дни, я остановилась бы в Гудвангене.

- Негде сейчас остановиться, - покачал головой проводник. – Езжайте в Восс, там много гостиниц. Я позвоню.

Мириам подошла к организатору тура и сказала, что хотела бы задержаться здесь на пару дней. Мол, тишина, красота: то, что нужно городскому человеку для приведения нервов в порядок.

Фрида пожала плечами: как хотите, остальная делегация завтра вылетает в Дюссельдорф, но если вы желаете остаться... А как же ваши вещи?

У меня с собой необходимый минимум, я опытная путешественница, Мири продемонстрировала рюкзак. Да как угодно. Следующий автобус в Восс будет... минутку, открываем расписание... через полтора часа.

Мириам проводила коллег до причала, помахала рукой парому, постояла на пристани, глядя, как кораблик медленно погружается в плывущий над фьордом туман. Потом побрела к остановке. Автобус довез ее до Восса, где Мири остановилась в первой же гостинице, где нашелся номер; прямо напротив автобусной станции. Бросила рюкзак, подумала, что надо бы поесть, но сил не осталось, и она буквально заползла в кровать, запретив себе звонить Винни и Людмиле Петровне.

Она проспала около двух часов, а потом затрезвонил забытый в кармане куртки телефон. Куртку она по свински бросила на пол подле кровати, поэтому теперь нашарила ее в темноте, не вставая, с сомнением глянула на незнакомый номер, но решила ответить.

- Здравствуйте! – бодро сказал кто-то. – Это миссис Гринберг?

- Да, я вас слушаю.

- Мне ваш номер дал Олаф. Сказал, вы хотите индивидуальную экскурсию в пещеры. Я его сменщик, а Олаф завтра работает в школе. Если хотите, отведу вас. Завтра удобно, потому что экскурсия будет только одна, с утра... Или, если вы хотите идти с Олафом, ждите до послезавтра.

- А кем он работает в школе? – с интересом спросила Мириам.

- Олаф? Он преподает науку... ну там математику, физику, биологию...

- А вы?

- А? Я Густав.

- Привет, Густав, - Мири улыбнулась.- А вы тоже преподаете, когда не работаете в пещере?

- Нет. Я... - Мири показалось, что мужчина замялся, потом все же сказал: - Я писатель. Поэтому когда не работаю, то сижу и пишу.

- Здорово, – она не рискнула спросить, опубликовал ли он уже что-нибудь. – Так во сколько мне завтра приехать к пещере?

- Давайте к 4.

- А не поздно?

- Да нет, какая вам разница: внутри все равно темно, что днем, что ночью.

- Сегодня во время экскурсии было довольно светло, - протянула Мири.

- О, так вы хотите со включенными огнями и с музыкой?

- Нет, но в полной темноте как-то...

- О, не бойтесь! Во-первых, возьмем фонари. Во-вторых, в пещере есть аварийное освещение. Оно незаметно при включенной светомузыке, но вдоль дорожек идет подсветка... А когда нагуляетесь, я отвезу вас в Восс, ведь автобуса уже не будет.

- Мне неудобно вас затруднять...

- Это ничего, - он хмыкнул.- Транспортировка туристов входит в цену экскурсии.

- А кстати, сколько мне будет стоить эта прогулка?

Густав озвучил цифру в кронах, и Мири потребовалось несколько секунд, чтобы пересчитать ее в евро. Ну, она всегда знала, что Норвегия страна дорогая, а за то, что люди считают чудачеством, они всегда стараются содрать побольше.

- Хорошо, - она вздохнула. – До завтра, Густав.

- До свидания, миссис Гринберг.

- Густав?

- Да?

- Зовите меня Мириам.

- Ок. Американцы всегда так любят. До завтра Мириам!

Она положила трубку, откинулась на спину и уставилась в потолок. Темно... не совсем темно, из окна подает свет уличных фонарей. Хорошо, что там будет аварийное освещение. Он решил, что я американка, ну и ладно, не стану же я объяснять проводнику сложную историю моей национальности. Английский у него довольно приличный, но акцент чувствуется, хотя ей показалось, что у ее норвежских коллег акцент был другой... Но особым музыкальным слухом Мириам никогда не отличалась, так что могла и перепутать... или парень просто из деревни в отдаленном районе.

Завтра, а если я не найду камень завтра? Если этот псих, который его украл, бросил Розу Тронхайма в озеро?

Она нехотя встала, пошла в ванную, заткнула раковину и, когда она наполнилась водой, бросила в нее свое кольцо. Потом сходила за очками. Глянула в воду через монокль. Подле черного кружка слива мерцал голубой огонек. Ну, это не глубокое озеро... с другой стороны и бриллиант, подаренный ей Эмилем в знак помолвки, это не Роза Тронхайма.

Она выловила кольцо, хотела надеть на палец и остановилась. Сунула перстень в сумочку. Пусть это будет еще одним знаком того, что она хочет разорвать всякую связь с семьей Танье. А вот интересно... Сразу после рождения малышей она подала иск о разводе. Ее адвокат связался с адвокатом Эмиля и провел первый раунд переговоров: адвокат Эмиля заявил, что господин Танье требует совместной опеки над детьми. А адвокат Мириам однозначно эту идею отверг, на том основании, что г-н Танье подверг свою жену и будущих детей опасности.

С тех пор дело несколько притормозилось. Встречи адвокатов откладывались, до Мири дошли слухи, что Эмиль болен. Честно сказать, она не поверила, решила, что это очередная уловка, чтобы избежать внимания публики и журналистов, вызвать жалость и потянуть разбирательство дела о разводе.

Спать расхотелось, зато жутко захотелось есть. Вот черт... На часах 12 ночи. Наверняка здесь ничего не открывается раньше 9, а то и 10 утра. В животе урчало. Мири решила сходить на вокзал, благо он напротив гостиницы; может, там хоть аппарат с шоколадками есть.

Она спустилась на первый этаж, прошла мимо пустой стойки портье, подергала запертую дверь на улицу и с тоской посмотрела в сторону вокзала. Вот что ж так не везет-то?

- Мадам?

Обернувшись, она увидела за стойкой пожилого человека в старомодных очках и толстом свитере.

- Простите, не могли бы вы меня выпустить?

- Мадам уезжает?

- Нет, что вы, - она вернулась к стойке и как можно ласковее улыбнулась портье. Теперь было видно, что он спал, пока она не начала греметь дверями: на щеке отпечаток подушки, а венчик седых волос выглядит возмущенно-растрепанным. – Я просто вдруг вспомнила, что забыла поужинать... ну, и не обедала. Хочу дойти до вокзала, там наверняка есть автоматы с чем-нибудь съедобным.

- Мадам голодна?- видимо, он не очень хорошо понял ее быстрый английский. Мири закивала и медленно повторила:

- Я не ужинала. Очень хочу есть. Куплю еду на вокзале.

Но портье покачал головой:

- Все закрыто, мадам. Но! – он поднял палец.- Наш отель – хороший отель. Идите за мной.

Когда портье вышел из-за стойки, Мири увидела, что на нем кроме свитера еще тренировочные штаны и вязанные высокие тапочки с помпончиками по бокам. Тапочки были красные с зеленым узором, а помпончики белые. Она шла и смотрела на эти белые шарики как замороженная.

Они прошли через пустой и темный зал для завтраков, и оказались в маленькой комнатке между залом и кухней. Здесь стоял столик с электрочайником и микроволновкой и пара табуреток у стены.

- Мадам ест сэндвичи?

- Конечно!- (мадам сейчас что угодно съест).

- Там, - он указал пальцем на стену: - Прайс-лист.

Мири уткнулась в отпечатанный листочек, аккуратно прикрепленный магнитиком к металлической доске над столом:

"Сэндвич с курицей, с ветчиной, с сыром.

Пицца с ветчиной, с курицей, с сыром.

Тост с ветчиной, с курицей, с сыром.

Кофе.

Какао.

Молоко.

Печенье."

И цены. Ну, не ресторан высокой кухни, но какая разница?

- Дайте мне, пожалуйста, тост с курицей. И какао. И печенье.

Портье покивал и ушел в кухню. Там зажегся свет, и Мири через открытую дверь видела, как он открывает огромный холодильник, достает пластиковый лоток, извлекает из него завернутый в пищевую пленку тост (что-то он большой?), кладет его на тарелку и несет к микроволновке. Установив режим, он выдал Мириам приборы и сказал:

- Зазвенит – достанете. Будьте осторожны: горячо!

И опять ушел в кухню.

Мириам честно дождалась плямканья микроволновки, вытащила тарелку и уставилась на тост. Аккуратно приподняла верхнюю часть и оценила содержимое. Между двумя тостами зернового хлеба (квадрат со сторонами сантиметров 20) оказался слой нарезанного куриного мяса, помидоры, сыр, горчица и соленые огурчики. Рот наполнился слюной. Однако она дождалась возвращения портье и предложила разделить тост, потому что целиком она его не съест.

- Платите, ешьте, - пробурчал старик, водружая на стол кружку с какао и мисочку с печеньками.

- Но он очень большой... и я чувствую себя виноватой, что потревожила вас ночью. И одной есть скучно. Давайте тарелку!

Через несколько минут они в дружелюбном молчании поглощали тост, запивая его какао. Откинувшись, похрустели печеньками.

Потом Мири расплатилась, оставив щедрые чаевые, с чувством поблагодарила портье и отправилась обратно в номер. Она уснула, едва коснувшись головой подушки.

Мадам Танье вышла из клиники и села в ожидавшую ее машину. Шофер закрыл дверцу, и теперь обходил авто, чтобы сесть на водительское место. А она вдруг поняла, что не знает, что ему сказать. Куда ехать? Домой? О да, у нее прекрасная квартира в восьмом округе, на проспекте Матиньон. Этот район входит в так называемый "золотой треугольник", где расположена самая дорогая недвижимость. И она любит свой дом... но там так пусто, там никого нет.

Шофер терпеливо ждал, пока мадам надумает, куда ехать. Машина принадлежит частной фирме, которая обслуживает богатый клиентов: все авто премиум –класса, все шоферы – французы, ни одного араба. Цены соответствующие. Так что он будет ждать, сколько потребуется.

Пожилая женщина на заднем сидении вздохнула, пошевелилась и попросила покатасть ее по городу. "Любой каприз за ваши деньги", подумал шофер и мягко тронул авто с места.

Мадам не стала себя обманывать: проблема не в пустоте квартиры. Она с удовольствием вернется домой, найдет там привычный уют и покой. Но вот в ее жизни образовалась пустота. Сперва Поль, ее младший сын. Он пропал... вот уже больше двух лет прошло, как пропал. И теперь Эмиль... Мальчик жив, но его состояние ужасно... И врач даже не стал ее обнадеживать. Сказал, что Эмиль перенес инсульт и, видимо какую-то психологическую травму. Какую-то! Можно подумать, он не знает какую! Все газеты описали гробы и прочее, что нашли в подвале замка! Она несколько дней не могла включить телевизор, чтобы не наткнуться на очередного журналиста, который брал интервью у кого-нибудь из слуг замка или жителей окрестных деревушек или чиновников... Потом, слава Богу, что-то взорвалось на Ближнем Востоке, в Нормандии начались проливные дожди и это отвлекло чертовых газетчиков от ее семьи.

А ведь была еще и полиция! Подумать только, они ее допрашивали! Какой-то наглый мальчишка задавал ей вопросы, на которые она и священнику бы не стала отвечать... Мадам так и заявила ему, что не собирается вспоминать ничего из прошлого. Она вышла замуж за достойного человека, растила сыновей, и никогда ни о чем таком не слышала – ни о проклятии, ни о подвалах замка! Ни о какой дочери она понятия не имеет! Это все полный бред! Когда она рожала Эмиля, то несколько раз теряла сознание... и речи не было о втором ребенке!

Бедняжка Эмиль! Говорила она ему, что нужно было жениться на Марисоль, дочке министра здравоохранения. Такая милая девушка! Так нет, нашел себе строптивицу на свою голову.

И вот теперь он в клинике, врачи накачивают его лекарствами, и совершенно неясно, сможет ли он оправиться от недуга.

Врач, поглядывая на нее и делая бесстрастное лицо, поведал, что как только они пытаются снизить дозы лекарств, чтобы сознание пациента прояснилось, он впадает в беспокойство и грозит убить какую-то Клариссу, которая во всем виновата. Мадам знает, кто такая Кларисса?

Мадам Танье сказала, что не знает. Не рассказывать же о привидении, которое, по слухам, живет в замке. И вообще, она уверена, что во всем виноват Анри. Он выжил из ума и задурил Эмилю голову этими своими легендами, привидениями и проклятиями! И вот к чему это привело!

Пожалуй, стоит признать, что теперь самый трезвомыслящий человек в семье – это жена Эмиля, Мириам. Правда, мальчик говорил, что

она подала на развод, но это, наверное, сгоряча. Девушка, помнится, весьма практичного склада, так что нужно написать ей и напомнить, что она и ее дети смогут претендовать на имущество Танье, только пока остаются членами семьи.

Да, именно так она и сделает. Напишет электронное письмо, где напомнит о деньгах и призовет ее позаботиться о муже. А когда Эмилю станет получше, нужно будет поехать в Биарриц, на море. Или лучше в Довиль? Надо все как следует обдумать...

- Езжайте домой, пожалуйста, - сказала она в спину шоферу.

- Да, мадам, - отозвался тот, и машина плавно направилась к проспекту Матиньон.

Глава 26

Она проснулась совершенно отдохнувшей и с изумлением увидела, что уже 10 утра. Господи, да я так долго не спала.... не знаю сколько. Выполнить комплекс упражнений для разминки, принять душ, одеться. Мири взяла планшет, собираясь набрать номер Винни. Но передумала. При виде детей она каждый раз впадала в какое-то слезливо-радостное настроение: было печально, что они далеко, но она чувствовала себя абсолютно счастливой, что они у нее есть. Очень хочется увидеть щекастые личики, но... но сегодня нельзя позволить себе быть счастливой. Это расслабляет. Она должна быть максимально бдительной и, желательно, злой. Поэтому Мири отправила лишь СМС с вопросом "Как дела?", получила ответ, что все прекрасно и открыла новости. Один, сайт, другой. Посмотрела письма... так и есть, вот письмо от мадам Танье, матери Эмиля.

Отшвырнув девайс, она подошла к окну и невидящими глазами уставилась на улицу. Нет смысла читать письмо свекрови, наверняка там просьба пожалеть Эмиля.

Мириам не хотела его жалеть. Их брак нельзя было назвать союзом без любви: они уважали друг друга, наслаждались сексом, вместе смеялись... Для них обоих брак стал венцом разумного выбора, некоторое время они просто жили вместе, проверяя совместимость. Они с Эмилем почти никогда не ссорились: зачем, если ты точно знаешь, где кончается ваша с партнером общая зона? Если заранее признала, что вы взрослые сознательные люди и готовы на компромисс, но до определенных пределов?

Мири прислонилась лбом к стеклу. Наверное, это не любовь. Говорят, что любовь - это когда ты стремишься к человеку, потому что не можешь иначе. И тебе все равно, где кончается его и твоя зона комфорта. И, говорят, это больно. Мириам вдруг вспомнила чувство, которое испытывала, глядя на детей: когда боль рвет сердце от страха, что что-то случится, что она не сможет защитить, что когда они встанут и пойдут, то будут набивать шишки, а потом, в школе, кто-то обидит или толкнет....

Неужели можно испытывать нечто подобное к мужчине? Она покачала головой. Лучше не надо.

Время до четырех часов показалось Мириам очень долгим. В три тридцать она вышла из автобуса на остановке подле пещер, подождала, пока автобус скроется за поворотом и приблизилась ко входу. Дернула деревянную дверь, она открылась. Мириам оглянулась настороженно. Вообще-то странно: если тот человек, Густав, уже приехал, то на чем? На парковке нет ни одной машины.

Тем не менее она вошла в помещение, где вдоль стен висели на крюках яркие жилеты, а на стеллажах рядами стояли каски. Пусто, ни одного человека и тихо-тихо. Мири зажгла фонарик на мобильнике, поправила рюкзак и осторожно двинулась вперед: туда, где виднелся слабый свет. Ну, одной тут, конечно, страшновато, но она сможет осмотреться как следует и без помех. Так что черт с ним, с Густавом...

- Здравствуйте, миссис Гринберг.

Мири резко обернулась: за спиной, у входа (он же выход), стоял высокий мужчина. Рыжеватые волосы, резкие черты лица, глаза, наверное, серые, не разобрать.

- Вы кто?

- Я Густав. Мы же вами договаривались об экскурсии, да? Простите, я немного опоздал.

- Ничего. – Мириам перевела дух. - Я решила, что вы не придете... Ну, раз уж у меня теперь есть проводник, можем идти уже.

- Нет, сперва наденьте это, - он протянул ей каску и жилет. – Пещеры, как горы, опасны и нельзя пренебрегать техникой безопасности.

- Вы часто ходите в горы? – Мири послушно облачилась в неудобный головной убор и отвратительно яркую одежду со светоотражающими наклейками.

- Иногда. В горах красиво и спокойно. Вот, держите фонарь. Хотите, я понесу ваш рюкзак? – он протянул руку, но Мири вцепилась в ляжки:

- Нет! Я сама! Он не тяжелый...

Брови Густава поднялись к козырьку каски, но он промолчал. Теперь он стоял близко, и Мири рассмотрела, что глаза у него светло-зеленые.

В конце концов они тронулись вглубь горы. Мири надела на нос очки со смешными круглыми стеклами. Одно так и вовсе казалось мутным, словно стекло покрылось мелкими трещинками. Она шла медленно, внимательно глядя по сторонам, и обходила по периметру каждую лужу, всматриваясь в ее темную глубину. Густав держался немного позади и не мешал. Они добрались до большого зала, где стояли столы и лавки, укрытые шкурами, и размещался бар. Сегодня стены и потолок помещения терялись в темноте. Из зала не вело ни одной освещенной дорожки, хотя в прошлый раз, при ярком освещении, Мириам успела заметить несколько темных тоннелей.

- Надо отдохнуть, - пробормотала молодая женщина, опускаясь на лавку.

Я ненавижу пещеры, думала Мири, не замечая, что плечи ее ссутулились и выглядит она подавленной и несчастной. За что мне это опять? Как вспомню свой поход в подземелье, где погиб Поль, брат Эмиля, так ноги подгибаются. И вот снова она оказалась под землей, во тьме и холоде, в опасности, ибо она чувствует что-то вокруг, и колотится сердце, и страшно ужасно... Хотя... если посмотреть на стену, то можно отвлечься. Анортозит мерцает мягким загадочным золотистым свечением, если на него падает хоть самый тонкий лучик света.

А уж если надеть очки и взглянуть сквозь мутноватое стеклышко... Мири замерла, замороженная переливами цветов и оттенков. Пещера словно ожила и совершенно преобразилась: под поверхностью стены обнаружили потоки и выпуклости. Там ощущалось движение и... Позабыв о времени, Мири не могла оторвать взгляд от таинственных глубин необыкновенной горной породы.

- Что вы ищите, Мириам?

Она не сразу среагировала на то, что вопрос задан по-французски. Голос проводника тоже изменился. Стал ниже. А когда она сообразила, в чем дело, то замерла от страха. Потом медленно повернулась к сидящему на соседней лавке мужчине и взглянула на него сквозь очки. Хищник. Лис. Хитрый охотник.

- Вас нанял Эмиль? – вот надо быть такой душой, чтобы не посмотреть на него сразу, у входа. Хотя, что бы она сделала одна против здорового мужика? И ведь Баба-яга ее тоже предупреждала: " охотник идет по твоему следу".

Неимоверным усилием воли подавив панику, Мириам холодно поинтересовалась:

- Вы в курсе, что у моего мужа большие проблемы? Он находится в психиатрической клинике и неизвестно, сможет ли с вами расплатиться.

Охотник молчал, и Мириам продолжала сухим уверенным голосом:

- Я знаю своего мужа, он никогда не отдал бы всю сумму вперед. Значит, вам выгоднее получить деньги от меня и ... поменять работодателя.

- Вы так и не ответили, что именно вы ищете в этой пещере.

- Даже если я найду то, зачем пришла, и вы отберете его, продать не сможете: приметная вещь и хозяин ее... непростой человек.

- Это он вас прятал в Петербурге?

- Да.

Они молчали, сидя за одним столом и глядя друг на друга.

- Вы правы, меня нанял Эмиль, заговорил наконец Райнике. - Нанял после того, как вы сбежали из поместья. Он не сказал: убей ее... все-таки юрист, осторожный человек. Он сказал, что предпочел бы воспитывать детей один.

Мири судорожно вздохнула. Вот тот момент, когда и крыло ангела не защитит. А мужчина продолжал рассказывать:

- Недавно я получил еще один заказ, - сказал Густав.- От детективного агентства. Его хозяин – мой бывший коллега, когда-то мы вместе служили в полиции. Он поручил мне проникнуть в подвалы замка Танье и выяснить, насколько правдивы обвинения, выдвигаемые его клиенткой. С тех пор мне все время хотелось спросить у вас: как вы туда попали? Неужели это просто любопытство, заставившее открыть запретную дверь? Как в сказке о Синей Бороде?

- Нет... Я видела сны. Видела Клариссу... Вы знаете, кто это?

- Знаю. Местное привидение.

- Я видела ее почти каждую ночь. И девочек. А потом экономка рассказала мне, что и она потеряла ребенка, что граф унес младенца в подвал замка. И я решила, что нужно убедиться, узнать, правда ли то, что она говорит.

- А потом убежали?

- Да. Живот рос не по дням, а по часам и надо было торопиться. – Мириам терялась в догадках: чего хочет этот человек? Он не проявлял

агрессии, не угрожал, не ответил на предложение денег. Если он заберет камень... ну, это будет наименьшая из ее проблем: Олег Иванович свою собственность найдет и вернет. А вот что он думает делать с ней, Мириам?

- Я понял, что не выполню задания Эмиля, когда залез в этот чертов подвал. А может и еще раньше. Не так-то просто убить не врага, а человека..., что бы там ни говорили.

Мать Эвы, такая...ведьма, - он бросил быстрый взгляд на Мири и та кивнула, показывая, что поняла, о ком идет речь. – Сказала мне, что вы поедете в Белые пещеры. Ну, я покопался в прессе, всплыло то старое дело об ограблении. Осталось сложить два и два. Вы ведь ищите алмаз?

- Да. Я должна расплатиться с человеком, который дал мне убежище.

Она замолчала, потому что Густав вскинул руку и как –то незаметным движением оказался рядом, и вот она уже выглядывает из-за его широкого плеча и перед носом маячит пистолет, направленный куда-то во тьму.

- Кто там? – прошептала Мири.

- Не знаю... Но кто-то есть.

- Вы только не стреляйте сразу, - она с испугом смотрела на сжатые, чуть оскаленные зубы мужчины и напряженные мышцы его шеи.

- Не сразу? Тогда будет поздно...

Мири торопливо надела очки и уставилась во тьму. Там двигались тени... много теней.

- Не стреляйте, - тихо сказала она.- Или они нас убьют. Это малый народец.

Райнике бегло глянул на молодую женщину, прикидывая, не подвинулась ли и она умом тоже... но тут на границу тьмы выскользнула фигура. Райнике почувствовал, как его рыжие волосы встают дыбом. Так бываем при смертельной опасности, когда обостряются все инстинкты. Фигура была невелика ростом, ему до пояса. Человекообразные формы казались странно и пугающе нечеткими, словно слои жидкой земли стекали с лица и тела, а потом вновь формировали контуры головы, рук и ног.. Лица не было: зернистая поверхность, с которой куда-то в никуда скатываются песчинки.

Мири смотрела на фигуру через магическое стекло и видела ровно то же самое; она вспомнила лето и как строила она замки на берегу моря из тяжелого влажного песка. А потом песок высыхал на солнце и мелким дождиком начинал осыпался со стен и башен. Вот и сейчас перед ней такая осыпающаяся ... сущность.

- Здравствуйте, - сказала Мири, выступив вперед.- Я ищу потерянное. Помогите мне, пожалуйста.

Райнике за ее спиной дернулся, направив оружие на другого монстра. Стало понятно, что их обступили с разных сторон. Формы некоторых существ были более четкими, чем у других. Наверное, это зависит от материала, думала Мириам, разглядывая ледяного человека, по лицу которого тонкой пленочкой скользила вода. Вот кто-то из камня, вот из глины, а этот, похоже, из анортозита. А там, дальше, в темноте, клубится что-то совсем бесформенное и думать не хочется о том, что это.

- Что ты ищешь? – прошелестел по пещере неживой голос.

- Я ищу камень. Серый алмаз. Люди называют его Око Слепнира или Роза Тронхайма.

Песок побежал быстрее, фигура зашевелилась, и в ее отростке-руке появился камень.

- Да, - Мириам даже очки не надо было надевать.- Это он. Вы мне его отдадите?

Камень покатился к ее ногам. Мириам наклонилась и подняла его. Чем-то внутренность алмаза походила на стекло ее моногля: мутноватая, словно там полно трещинок... или значков? Черт, здесь мало света, ничего не разглядишь. Надо специальное оборудование.

- Спасибо, - она сунула камень в карман и шагнула в сторону выхода. Но фигуры качнулись навстречу, и Мириам попятилась.

- Выпустите нас, пожалуйста – сказала она.

- Нет. Так ничего он отдается. Ты взяла – теперь должна отдать.

- Что отдать? – растерялась Мириам.

- Нам все равно. Хочешь, отдай живое. Хочешь – неживое.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как мужчина за ее спиной втянул в себя воздух и коротко выдохнул. По ее спине тек холодный пот, заставляя судорожно двигать лопатками. Живое – это он, охотник, шедший по ее следу. Человек, убивавший не единожды. Который пришел сюда... зачем? Чтобы помочь? Или отобрать очередное сокровище? Вот странно, зачем этим чудовищам человек? Съесть? Вряд ли... Она вдруг представила, как они обступают мужчину, каждая из фигур вытягивается в высоту, теряя всякую человекообразность. Густав палит из пистолета, но что толку – они же неживые. Они подталкивают его к стене, и как только спина мужчины касается мерцающего белого камня, тот начинает течь, становится неплотным и тело погружается в него... живое тело. Которое еще долго-долго может оставаться живым.

Но если она отдаст неживое... крыло ангела, которое подвешено к поясу под курткой, то... ее дети окажутся без защиты. И Эмиль... неважно – люблю-не люблю, безумие вещь страшная и она надеялась, что крыло поможет ему вернуть разум.

Очнувшись от раздумий, Мириам увидела, что Райнике, хрипло дыша, отступает к стене, а фигуры вытягиваются, становясь все менее похожими на людей, окружают его, теснят к белой мерцающей поверхности анортозита, по которой уже бежит рябь, словно в предчувствии, словно ожидая прикосновения к живому человеческому телу. Райнике поднимает пистолет, собираясь стрелять.

- Нет! Стойте! Оставьте его! Я отдам вам неживое... оно лучше.

Она задрала куртку и теперь лихорадочно дергала застёжки сумки. Наконец вытащила слиток золота, превращенный искусным мастером в крыло.

- Вот, - Мириам нагнулась, положила артефакт на пол. Отступила. Очки, которые она задрала на лоб, свалились, и Мириам впервые глянула на добытый ею артефакт через мутноватое стеклышко из моногля. И увидела не кусок золота. На полу лежало крыло: трепетное, живое, испускающее нежное сияние. Перья чуть вздрагивали, а по краю – она могла бы поклясться, что по краю его выступили капли крови.

Первым ее порывом было подхватить крыло, прижать к груди, ибо немислимым показалось оставить здесь такую красоту и нежность. Но уже в следующий момент она опомнилась, глянула на мужчину и протянула ему руку:

- Иди сюда.

Пали и откатились в сторону песочные и глиняные столбы, накрыли пол пещеры, засыпали крыло. Погасло золотое сияние и по щекам Мириам потекли слезы. А волна породы отступала, как море в момент отлива, уходила в темноту, скользя по полу, наполняя пространство пещеры шорохом и шепотом, от которого страх сжимал горло.

И вот они остались вдвоем: она и Густав. Он по-прежнему стоял подле стены, словно оглушенный. Мири схватила его за руку и, всхлипывая от пережитого ужаса, потащила к выходу.